

Григорий Шепелев

Последняя лошадь Наполеона

роман

18+

Григорий Александрович Шепелев

Последняя лошадь Наполеона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35241494

SelfPub; 2024

Аннотация

Скромная девушка Света, работающая уборщицей в театре, поселяется в одной квартире с предпринимательницей по имени Рита. Вскоре она узнаёт, что её соседкой очень интересуется ФСБ, а дом, в котором они живут, известен загадочными смертями. По нему бродит некое существо, которое звонит в двери к красивым женщинам, вскоре после чего они сводят счёты с жизнью...

Содержание

Все герои этой истории на страницах романа	5
Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	32
Глава четвёртая	60
Глава пятая	67
Глава шестая	76
Глава седьмая	94
Глава восьмая	113
Глава десятая	139
Глава одиннадцатая	148
Глава двенадцатая	171
Глава тринадцатая	194
Часть вторая	207
Глава первая	207
Глава вторая	217
Глава четвёртая	246
Глава пятая	262
Глава шестая	270
Глава восьмая	303
Глава девятая	309
Глава десятая	326
Глава одиннадцатая	334

Глава двенадцатая	348
Глава тринадцатая	354
Глава четырнадцатая	360
Эпилог	380

Григорий Шепелев

Последняя лошадь Наполеона

**Все герои этой истории
на страницах романа
имеют вымышленные
фамилии и имена.**

**Любые их совпадения с
именами и фамилиями
реальных людей
являются случайными.**

*«Аппарат абонента выключен или
находится вне зоны действия сети.»*

Кто-то неглупый.

Часть первая

Глава первая

– Не смотри ты на него, милая! К тем, кто долго на него смотрит, беда приходит. Почитай Откровения святого апостола Иоанна: «Конь белый, хвост аки змий»!

Света вздрогнула, повернула голову. Перед ней стояла старушка с добрым лицом, одетая очень бедно. Из её глаз, от взгляда которых делалось очень грустно и очень стыдно, просились слёзы.

– Пожалуйста, не смотри, – тихо повторила она, – мой внучек сидел тут пять лет назад, ждал девчонку и всё смотрел на этого дьявола. А через полгода – ослеп.

– Ослеп?

– Да, совсем ослеп. И с собой покончил.

У Светы слов не нашлось. Старушка их, впрочем, и не ждала. Ещё пуще сторбившись и взяв сумку в другую руку, она зашаркала к лестнице под табличкой «Выход к Третьей Владимирской улице». Проводив её взглядом, Света перевела его на часы. Двадцать три пятнадцать. Интересно, откуда бабка приехала почти ночью, с тяжёлой сумкой? Не иначе, с поминок.

За спиной Светы с грохотом выехал из тоннеля поезд. Остановился. Раньше, чем двери его закрылись, выпустив человек шесть-семь, ещё более оглушительно подкатил к другой стороне платформы его собрат. Народ повалил из него толпой. А через минуту вновь стало тихо.

Встав со скамейки, Света нервно прошлась. Сильнее всего её раздражала в людях непунктуальность. Именно раздражала. Ненависть тут была ни при чём. Ненавидеть можно лишь тех, кого близко знаешь. А как иначе? Возненавидишь кого-нибудь – а потом окажется, что напрасно! С теми же, кого ждать приходится час, близких отношений лучше избегать твёрдо, категорически. Повторив себе это, Света решила уйти в одиннадцать тридцать. Сегодня ей ещё было куда идти. Хозяйка сказала, что её дочь приезжает завтра, под вечер. Стало быть, комнату надо освободить до пяти часов. У неё в запасе – вся ночь и почти весь день. Паниковать рано. Да, безусловно, рано. Паниковать она будет завтра, когда окажется с тремя сумками на морозе минус пятнадцать. Куда идти тогда? На вокзал? У Светы раздулись ноздри. Чёрт принёс эту бабку с добрым лицом! Как будто неясно и без неё, что всё – очень плохо!

Платформа была пуста. Казённый ледяной свет давил из глаз слёзы. Ну, сколько там? Двадцать три двадцать две...

– Светлана?

– Да, это я! – воскликнула Света. И лишь затем повернулась. Должно быть, её лицо в тот момент было очень жал-

ким, так как самоуверенная блондинка в пуховике и джинсах очень смутилась и заморгала.

– Ты извини, пожалуйста! Я, как правило, не опаздываю на встречи. Но у меня в дороге забарахлил карбюратор, и мне пришлось его ремонтировать. На морозе! Можешь себе такое представить?

– Нет, не могу.

Действительно, трудно было это представить, хотя цвет глаз говорил о том, что блондинка – вовсе даже и не блондинка, а руки – очень изящные, с маникюром, были грязнее фантазии онаниста. В одной руке девушка держала сотовый телефон, а в другой – перчатки.

– А что поделаешь? – усмехнулась она, заметив, что Света смотрит на её пальцы, – тому, кто взял отечественную машину, можно через полгода давать диплом инженера! Ну что, пошли? Да я это, я! Меня зовут Рита. Честное слово, я тебе набирала, но ты была недоступна!

– Я почему-то думала, что ты старше, – сказала Света, стремительно поднимаясь вслед за новой знакомой по лестнице к турникетам.

– Так ты ведь мне в семь утра звонила! А у меня спросонок голос – на две октавы ниже обычного. Я, впрочем, старше тебя. Тебе сколько?

– Двадцать один.

– Мне – двадцать четыре. А кто тебе дал мой номер? Лариска из обувного отдела универмага? Или администраторы

из салона?

– Нет, не они. Я этих людей не знаю. А тот, кто дал, просил его имя не называть.

Рита призадумалась.

– Кто бы это мог быть? Почему шифруется?

– Я не знаю. Но вы подруги с ней.

– Ариана, что ли? Но я ей вроде не говорила, что собираюсь комнату сдать!

– Значит, не она. Другая подруга.

– Странно. Загадочно. Удивительно. Ладно, выясним.

Они шли уже по подземному переходу, мимо ярких витрин с товарами повседневного спроса. Косо приглядываясь к улыбчивой претендентке на диплом инженера, Света заметила, что она двигается на шпильках с модельной грацией, очень мило смеётся и смотрит очень проникновенно. Благодаря этим самым шпилькам лихая автолюбительница казалась ростом повыше Светы, хотя реально была ниже – примерно метр семьдесят два.

– Купи влажные салфетки, пожалуйста, – попросила Рита, остановившись перед одним из ларьков, – если я такими руками в карман полезу, куртку не отстираешь!

Света исполнила эту просьбу. Оттерев руки дочиста, Рита вынула деньги, и, расплатившись с нею, купила «Орбит» без сахара.

– Будешь?

– Да.

– А пива не хочешь?

– Нет, не хочу. Пошли! Уж скоро двенадцать, мне вставать рано.

Но перед лестницею наверх путь девушкам преградили два милиционера в бушлатах. Им было холодно. Они злились.

– Документы, пожалуйста!

– Документы? – переспросила Рита с таким неистовством, будто ей предложили показать задницу, – вы с ума сошли, господа! С чего вы решили, что у нас есть какие-то документы?

– Если их нет, придётся пройти.

Света извлекла из пальто студенческий билет МГУ. Один из милиционеров его скептически осмотрел.

– А паспорт имеется?

Был предъявлен и паспорт.

– А! Так вам наши документы, значит, нужны? – воскликнула Рита, потянув книзу молнию куртки.

– А чьи ж ещё?

– Да глядя на ваши физиономии, я подумала, что вы требуете у нас свои какие-то документы, которые мы украли!

У Риты были водительские права. Они вопросов не вызвали.

Тема её дипломной работы – красная затонированная «девятка» с литыми дисками и фаркопом, стояла рядом с метро. Узкоглазый дворник старательно отбивал лопатой с её поро-

гов плотные пласты грязи. Рита дала ему пятьдесят рублей за сторожевые услуги. Он, поблагодарив, отошёл. Двигатель машины работал, а в замке зажигания, соответственно, торчал ключ.

– Боялась – не заведу, если заглушу, – объяснила Рита, садясь за руль, в то время как Света садилась рядом, – короче, надо её в ремонт отдавать! Значит, ты – студентка?

– Да.

– И москвичка?

– Да.

– А почему дома не хочешь жить? Родители пьют?

– Да, ещё как пьют! Притом исключительно мою кровь.

Рита засмеялась и, включив поворотник, вырулила в поток. Машины еле ползли, так как на Москву обрушился снегопад. Он не прекращался вторые сутки.

– А чем они занимаются в остальное время?

– Работают.

– Так они стабильно снабжают тебя деньгами?

– Да. То есть, нет! Я тоже работаю со среды. Меня взяли в театр.

– Ух, ты! В какой?

– Ну, в этот, который здесь, на соседней улице.

– Знаю, знаю! Ах, твою мать! Так ты ещё и актриса? Буду ходить, смотреть на тебя.

– Да нет, я уборщицей там работаю.

– В самом деле? Какие же там актрисы? Мне прямо до

смерти захотелось на них взглянуть!

Света улыбнулась, хотя ей было не слишком весело.

– Я снимаю квартиру недалеко от этого театра, – продолжала Рита, опять включив поворотник и резко затормозив перед светофором.

– А, ты снимаешь эту квартиру? – разочарованно проронила Света, – Я и не знала!

– Ну, да. В квартире – две комнаты. Мне так много не надо, а платить дорого.

– А хозяева возражать не будут?

– Да пусть попробуют!

Этот бравый ответ, понятное дело, Свету не удовлетворил. Но она решила всё же взглянуть на то, что ей предлагали. Рита, тем временем, закурила «Мальборо Лайт». Когда загорелся зелёный свет, она дала резкий старт и, свернув налево, где движение было не таким плотным, разогнала машину до третьей скорости. Через полкилометра последовал ещё один поворот налево, короткий путь по прямой, и – заезд во двор сталинского дома.

– Ну, всё, приехали, – сообщила Рита, остановив машину перед одним из подъездов, и повернула ключ в замке зажигания, – если что, толкнёшь. Впрочем, не поможет – ведь в карбюраторе вся беда, а не в аккумуляторе! Короче, надо её в ремонт отдавать.

– Тихое местечко, – сказала Света, глядя по сторонам, – какое-то слишком тихое!

Рита, выдержнув ключ, зевнула и потянулась.

– Так это ведь хорошо! Зачем тебе шум? Пошли?

– Ну, пойдём, посмотрим, что за квартира.

Замок подъездной двери был сломан – входи, кто хочешь!

На лестнице царил сумрак и пахло затхлостью. Но квартира, к которой пришлось подняться по четырём высоким, крутым пролётам, мигом заставила позабыть про все эти казусы. Её дверь, отпертая Ритой посредством пары ключей, любой из которых мог быть использован в фильме про Буратино, несокрушимо звякнула сталью. Прямо как в бункере. Высота потолков была впечатляющей, как и площадь всех помещений. Ремонт был, правда, желателен, но терпимо.

– Вот твоя комната, – приоткрыла Рита резную дверь с латунными ручками, – входи в обуви, всё равно пора уже мыть полы! Выключатель – справа.

Света нажала на выключатель. Музейного вида люстра как-то уныло, заспанно, неохотно отвоевала у мрака все закоулки обширного помещения. И у Светы перехватило дыхание. Вот так комната! Под стать люстре был и диван, и стол, и низкий дубовый шкаф с тремя створками, и комод, и зеркало, и два стула. Пол был паркетным. Две половицы скрипнули под ногами Светы, но так, будто бы приветствовали её от лица всей комнаты.

– Мрачновато, да? – поинтересовалась Рита с порога.

– Да, очень мрачно! Но офигенно! Я обожаю такие комнаты! Красотища!

Эти слова вырвались у Светы произвольно. Она забыла о том, что вошла с намерением придрататься к чему-нибудь и уйти. Обстановка сороковых годов её потрясла. Вся мебель – из дуба! Письменный стол и монументальный комод – даже с инкрустациями! С ума сойти! А зеркало в резной раме. Интересно, сколько за сотню или две сотни лет отразилось в нём разных лиц с их радостями, печальями и тревогами? Не гляделись ли в него барышни, собиравшиеся бежать из Москвы после Бородинского поражения? Ой, а окна со сводами! А часы с кукушкой! Сев на диван, Света ощутила себя графиней Безуховой.

Рита уже снимала в прихожей свои высокие сапоги, сидя на невзрачном скрипучем стуле.

– А мне эта комната не понравилась, – заявила она, – знаешь, почему? Потому, что в ней как будто всё время кто-то присутствует.

– Это точно!

– Будешь с ним жить?

– Да, буду. Знаешь, чего, мне кажется, не хватает здесь? Шкафа с книгами. Какие-нибудь собрания сочинений в сотнях томов, с потёртыми переплётками!

– Этот хлам стоит в моей комнате. Если что – передвинем. Когда ты переезжаешь?

Взглянув на кукушкин домик, Света задумчиво поднялась и вышла из комнаты в коридор. Её новая соседка стояла там перед зеркалом. На ней были обтягивающие джинсы

поверх колготок и свитер с высоким воротом. Света, которая исповедовала культ тела, невольно залюбовалась её спортивной, тонкой фигурой. Разглядывая малюсенький прыщик над своей верхней губой, Рита повторила вопрос.

– Завтра, до пяти, – ответила Света, – дольше задерживаться нельзя. К хозяйке приедет дочь. Я сейчас живу в её комнате.

– Очень жаль, что позже нельзя. Я завтра буду свободна только после десяти вечера, да и то если повезёт. Тебе есть кого попросить перевезти вещи?

– В принципе, да. У нас половина трупы и почти вся бухгалтерия – на машинах. А если мы...

Тут Света запнулась, обуреваемая сомнениями. Немедленный переезд, даже если Рита на него согласится, займёт не менее двух часов. Сейчас – уже за полночь. Вставать рано. Но, с другой стороны, общественный транспорт уже не ходит, и ей придётся ловить машину, чтоб кое-как подремать под пьяные крики там, откуда она съезжает. А денег мало.

Рита, между тем, слегка распушила волосы щёткой и повернулась.

– Давай сегодня. Где ты живёшь?

– На Щёлковской.

– Ну, поехали!

И опять взяла сапоги. Усевшись на стул, стала их натягивать. Света снова заколебалась.

– Знаешь, там может произойти скандал, если мы прие-

дем! Хозяйка мне строго-настрого запретила кого-либо приводить после девяти.

– Тебя это беспокоит?

– Если она реально начнёт орать, её муж проснётся! А он – бывший профессиональный боксёр со справкой из дурки.

– Тебя это беспокоит?

– Да как сказать? Если эта горилла с огромными кулаками на нас полезет, возникнет очень серьёзный повод для беспокойства!

– Да ерунда! Какой там этаж?

– Десятый.

– Отлично! Бывший боксёр с тоски по славному прошлому выпил водки и дверь с окном перепутал. Такое часто бывает. Баба со страху всё подтвердит.

Столь необыкновенная лёгкость в мыслях больше обескуражила Свету, чем окрылила. Но Рита уже надевала куртку, одновременно запихивая в карманы «Мальборо», зажигалку и телефон. Спустя пять минут красная «девятка» с двумя соседками опять мчалась сквозь снегопад по ночному городу, благо что карбюратор на этот раз не подвёл. Транспорта на улицах стало меньше, что позволяло снегоуборщикам проявлять большое усердие. Оно, впрочем, не приносило плодов – сугробы с обеих сторон дорог всё росли, колёса же буксовали всё более основательно. Когда Рита сворачивала на Шоссе Энтузиастов, её мобильник заиграл танго. Даже не завершив манёвра, она спокойно вышла на связь.

– Алло! Это ты, телёнок? Нет, не могу. Сегодня я не могу. Нет, ко мне подруга переезжает, мы перевозим шмотки. Я за рулём, твою мать! Тут скользко!

Сходный по содержанию, но по форме гораздо более грубый ответ был дан на Главной аллее Измайловского парка слишком пытливому поросёнку, затем – цыплёнку.

– У тебя что, зверинец? – спросила Света. Рита закуривала, дожидаясь зелёной стрелки на Первомайскую.

– Ферма у меня, ферма! Я занимаюсь сельским хозяйством.

– Ты не очень похожа на деревенскую бабу.

– Серьёзно?

– Да. Кстати, у тебя очень много общего с Умой Турман.

Рите стало смешно. Срывая машину с места, она воскликнула:

– Обалдеть! Спасибо. Могу заметить в ответ, что и ты не очень похожа на поломойщицу.

Мотор с рёвом тянул машину под сто. Мелькали дома, фонари, витрины. Глаза у Светы слипались.

– На какой улице ты живёшь? – спросила у неё Рита, выруливая на Щёлковское шоссе с Шестнадцатой парковой.

– На Байкальской.

– Я про такую ни разу даже не слышала! Ты дорогу знаешь?

– Да. Пока – прямо.

Рита разогнала машину до пятой. Это не помешало ей

взять второй звонок поросёнка и даже матерно разругаться с ним.

– За метро – налево, – руководила Света, – потом – направо и прямо.

К часу доехали. Двор многоподъездного дома замело так, что «девятка» чуть не увязла. Рита припарковала её метрах в сорока от подъезда – ближе к нему места были заняты.

– Заглуши, – порекомендовала Света, – тут разные ошиваются.

В лифте Рита вынула сигареты и закурила. Света закашлялась. Сигарета тотчас была погашена.

– Извини.

– Ничего. Ты можешь при мне курить. Я так, от волнения.

Волновалась Света не зря. Первым, что увидели девушки, оказавшись в квартире, драную дверь которой Света открыла почти бесшумно, было лицо хозяйки – красное, энергичное, с крокодильей пристальностью в глазах и весёлым ртом. Из него очень далеко разило портвейном. Мощное тело пятидесятитрёхлетней беззубой дамы было обтянуто пыльным платьем семидесятых годов. На её ногах были туфли с пряжками, тоже, видимо, извлечённые из глубин антресолей, к дверцам которых лет двадцать пять никто и не прикасался. С кухни раскатисто доносились громкие голоса и хохот трёх мужиков, также не особо зубастых. Они курили точно не «Мальборо», и у Светы горло перехватило гораздо крепче, чем в лифте.

– Я... я приехала забрать вещи, – пролепетала она, сильно заикаясь, – и вот вам ключ. Пожалуйста, пропустите!

Ключ хозяйка взяла, но с места не сдвинулась.

– Вещи?

– Да, да! Я переезжаю прямо сейчас. А это – моя подруга. Спасибо вам, Нина Фёдоровна! Большое спасибо.

– Вещи? – взревела хозяйка так, что три мужика на кухне притихли, – вещи забрать? А чего ж ты, милая, часа в три не приехала забрать вещи? Почему в час? Тебе ведь плевать на людей, которые спят! Плевать, что им в шесть утра вставать на работу! Это ты, барыня, до одиннадцати часов пролёживаешь бока!

– Но ведь вы не спите, – пискнула Света, жалобно сложив ручки, – и не работаете давно...

– Кто? Я не работаю? Ах ты, сука, ...! Проститутка грёбаная! С моё поработай, а потом тьявкой! Ишь ты, вторую ... притащила! Эй, вы, козлы! Идите сюда! Вам шлюх привезли!

Все три мужика немедленно вышли. Двое из них впечатляли только наколками на руках и остекленелой свирепостью под бровями. Зато боксёр, действительно, был огромен. Именно он горой чуть ли не во всю ширину коридора двинулся на двух девушек, с каждым шагом просматриваясь сквозь тучу едкого дыма всё более угрожающе.

– Ой, вы, кисоньки! Вот я вас за сиськи-то подержу!

– Да ты одурел! – схватила его за майку столь же массивная, но по росту в два раза менее убедительная супруга, – за

что держать? Это ж вешалки! На меня смотри! На меня! Я всем им утру носы!

И, оттолкнув мужа, пошла плясать по прихожей, топая каблуками очень рискованно для разохшихся половиц. Её кавалеры смачно загоготали. Но, конечно, довольно скоро их взгляды снова переместились на двух свидетельниц этой сцены.

Выбежав из квартиры, Рита и Света бросились вниз по лестнице, чтоб не быть схваченными у лифта.

– Что же мне теперь делать? – пищала Света, скользя рукой по перилам, – там у меня – три сумки вещей! Одежда, учебники, ноутбук!

– Дура! На ... ты в этот хлев вселилась? – негодовала Рита, – это какой овцой надо быть, чтоб ещё и ноут там оставлять!

– Да они не всё время пьют! Первую неделю этот ублюдок даже курить на лестницу выходил!

– Ладно, не скули! Через полчаса возьмёшь свои вещи.

Когда уселись в машину, Рита завела двигатель и связалась с кем-то по телефону.

– Алло, котёнок! Я это, я. Как ты себя чувствуешь? Обязательно позвони врачам! Слушай, тут возникла проблема. Моя подруга не может вещи забрать из съёмной квартиры. Хозяева буйно пьют. Байкальская, дом семнадцать, третий подъезд. Пришли сюда Игорька. Я – перед подъездом. Да, жду. Целую.

Опустив телефон, Рита закурила. Включила радио. Застучала пальцами по рулю.

– А кто он, этот котёнок? – спросила Света, с тревогой вглядываясь в её слегка горбоносый профиль.

– Это не твоё дело.

Света заплакала. Первые две минуты Рита не реагировала на это – глядела лишь на снежинки, скользившие по стеклу, и сбивала пепел. А потом двигатель вдруг заглох. Рита поглядела на датчик топлива, отключила шумную печку. Гася окурок, вспылила:

– Что ты ревёшь? Сама во всём виновата! Хватит тут слёзы лить, иначе я тебя вышвырну из машины, чтоб ты там задницу отморозила!

– Меня бабка в метро расстроила, – объяснила Света, размазав по щекам слёзы.

– Какая бабка?

– Ну, я сидела, тебя ждала, на коня смотрела! Там барельеф на стене, над рельсами – конь двуногий, с хвостом как у обезьяны...

– Видела. Знаю. И дальше что?

– Бабка подошла и сказала: «Ты не смотри на него, беда приключится! Он всем несчастья приносит!»

Рита задумалась.

– Да, я что-то об этом слышала. Или где-то читала. Этот двуногий конь неясно откуда взялся. Ну, когда метро строили, архитектор вдруг заболел, и взяли другого. Этот другой

слепил странного, уродливого коня, который похож на чёрта, и – сгинул. А станцию нужно было срочно сдавать. Вот её и сдали с этим конём.

– Когда это было?

– В восьмидесятом. Я так хорошо запомнила, потому что в восьмидесятом мой отец помер. За эти двадцать три года произошло несколько десятков страшных историй, связанных с этим чёртом – ну, типа, кто-то глядел на него пятнадцать минут, а через три дня попал под машину. Другой, кажется, ослеп, третий головой конкретно поехал и завалил четверых. Ну, всё в этом роде. Не заморачивайся пургой.

– А тот архитектор сгинул бесследно?

– В том-то и дело! Потом никто не мог вспомнить, как и откуда он появился. Это осталось тайной. Разгадку знает, наверное, только конь.

Света нервно съёжилась.

– Это просто ужас какой-то! Мне очень страшно.

– Да, там, в Перово, хватает всяких чудес. Ты сама откуда?

– Я? Из Крылатского.

– Из Крылатского? – с удивлением повернула голову Рита, – район элитный! Твои родители кто?

Света покраснела.

– Папа – госслужащий. Мама – бывший директор школы.

У Риты вдруг поднялось настроение.

– Значит, папа – госслужащий? Интересно ты его обозначила! Мама – бывший директор школы? И до сих пор рабо-

тает где-то, но уже вряд ли в сфере образования? И живёте в Крылатском? И учишься в МГУ? И глазки овечьи? Это мне нравится! Очень нравится.

– Что? – сердито спросила Света.

– Всё мне в тебе офигенно нравится, кроме пола. Слушай, а брата у тебя нет?

– У меня два брата! Но они – люди, а не цыплята, не поросята и не котята. Так что, давай закроем этот вопрос.

– А сколько им лет?

– Они оба старше меня. И оба – женаты.

– Рада за них. А ты на каком факультете учишься?

Света облегчённо вздохнула.

– На историческом.

– Интересно?

– Да.

– На каком ты курсе?

– На третьем.

– А почему тебе никто не звонит на сотовый?

– Потому, что я его отключила. Я ложусь спать в одиннадцать.

– Ой, ты, лапочка! А жених-то у тебя есть?

– Отстань от меня! Ты бы про себя рассказала.

Рита зевнула, вытянув ноги к педалям. Потом поймала «Европу Плюс». Опять закурила.

– Да что рассказывать? Я – тупица и недоучка. Школу не кончила! Впрочем, ты сама всё про меня знаешь. Ты ведь

историк.

– Не поняла. При чём здесь история?

– Ну, у папы спроси про бар «Три товарища». Он расскажет. Он знает всё.

Света окончательно растерялась.

– При чём здесь какой-то бар? И при чём здесь папа?

– Если твой папа действительно занимает высокий пост в каких-то госорганах, ты узнаешь от него много. Особенно, если он – работник прокуратуры или иных силовых структур.

– Я с ним не общаюсь.

– Умная девочка! Тьфу на них.

Не успела Рита докурить сигарету, как во двор въехало чёрное «БМВ». Оно появилось из-за угла, к которому люксовая «девятка» была обращена передом.

– Это Игорь, – сказала Рита и помигала фарами. Дав ответный сигнал, чёрная машина остановилась неподалёку. Фары её погасли, мотор затих.

– А кто он такой? – поинтересовалась Света.

– Мужчина.

Левая дверь «БМВ» открылась, и, точно, вышел мужчина среднего роста и средних лет. Он был недурён собой, очень элегантен. Но, взглядываясь в него, Света почему-то решила, что камуфляжная куртка смотрелась бы на нём лучше, нежели дорогое классическое пальто, в котором он был. Впрочем, поручиться за это она не рискнула бы. Что-то было в нём

противоречивое, в этом стройном, подтянутом господине.

Натягивая перчатки, владелец чёрного «БМВ» подошёл к машине, в которой сидели девушки. Рита опустила стекло.

– Игорёк, привет!

– Привет. Что случилось?

Голос был низким и хрипловатым. Рита же, глядя в серые неприветливые глаза своего знакомого, Говорила тоненьким голоском и вся до ушей сияла сладким радушием, как Лиса Патрикеевна.

– Почему-то машина иногда глохнет на холостом ходу! Я уже измучилась вся. Будь другом, взгляни!

– Дёрни рычажок.

Рита что-то дёрнула под рулём. Игорь осторожно, чтоб не запачкаться, поднял крышку капота и попросил:

– А ну, заведи.

Рита завела. Сняв перчатку, Игорь покрутил винт под воздушным фильтром.

– Нажми на газ! Потом сбрось.

«Девятка» взревела. Стихла. Игорь опустил крышку и натянул перчатку.

– Больше твоя машина глохнуть не будет. Что-нибудь ещё нужно?

– Ты представляешь – моей подруге не дают забрать вещи! – затараторила Рита, нажав на кнопку печки, – она в сто двадцать девятой квартире снимала комнату!

– А причина?

– Пьют! Там три мужика, один из которых – бывший боксёр килограмм под двести, и баба. Ты взял с собой пистолет?

– Я – не на работе. Ключ у вас есть?

– Отдали!

– Стальная дверь?

– Деревянная! Ногой выбьешь.

– Этаж?

– Десятый.

Света назвала код. Даже не взглянув на неё, Игорь не спеша зашагал к подъезду. Вошёл. Минут через семь вернулся.

– Там всё нормально. Можете забрать вещи.

– А может быть, ты поднимешься с нами? – спросила Рита.

– Я вам там больше не нужен.

Ответив так, Игорь сел в своё «БМВ», включил габариты, завёл мотор и, пробороздив снег задними колёсами до асфальта, в одну секунду скрылся за углом дома.

– Ну, что ж, пошли, – предложила Рита, распахнув дверь. В её голосе всё же слышалась неуверенность. Появилась она в нём после того, как Игорь сказал, что он безоружен. А Свете вот почему-то боязно не было. И опять она не ошиблась.

Дверь её временного жилища была распахнута. Тишина за нею стояла почти могильная. Ни на кухне, ни в коридоре, ни в санузле, ни в двух комнатах не было никого. Но из третьей комнаты, свет в которой был выключен, доносилось паническое дыхание четырёх шокированных существ. Пока Света спешно производила сборы, Рита моталась по всей квартире.

Не заходила она лишь в комнату с существами.

– Ой! Это кто? – донёсся вдруг её голос из туалета, – ой, какой маленький!

– Кто там? Кто?

Рита прибежала. В руках её был котёночек – рыжий, тощий, запуганный. Он мяукал, но не пытался вырваться. Он рассчитывал только писком выразить обстоятельное и внятное возмущение по какому-то поводу.

– Да откуда он взялся? – ахнула Света, на один миг прекратив записывать в сумку учебники и тетрадки, – никогда не было его здесь!

– Видимо, зашёл, когда дверь открыта была! Наверное, из другой квартиры вышвырнули. Берём?

– Конечно, берём.

Так они и вышли: Света – с тремя тяжёлыми сумками, Рита – с рыжим дистрофиком. Сумки были помещены в багажник, дистрофик передан Свете. Ему в машине очень понравилось. Он умолк. Но тишь-благодать продлились одно мгновение. Не успела Рита взяться за ключ, как где-то неподалёку хлопнула дверь и раздался крик:

– Стойте! Стойте!

– Кто там ещё? – быстро повернула голову Рита. Света вздохнула. Она узнала того, кто бежал к машине, выскочив из своей. Пришлось опустить стекло.

– Рита, познакомься, это мой друг. Его зовут Рома.

– Да? Какая приятная неожиданность!

Габаритный, широколицый парень, приблизившись, наклонился и очень пристально поглядел сначала на Риту, затем – на Свету и, наконец, на рыжего. Тот мяукнул ему в лицо, свирепо оскалив крошечные клыки. Парень отшатнулся. Впрочем, он почти сразу же отличил полуторомесячного котика от взрослого тигра и успокоился.

– Ты зачем сюда притащился? – спросила Света, – я ведь тебе сказала, чтоб ты оставил меня в покое!

– Да как зачем, как зачем? – заголосил Рома, будто и не услышав вторую фразу, – ты не звонишь, твой мобильник выключен, твоей маме сегодня Скорую вызвали по причине нервного срыва! Что мне ещё оставалось делать? Подъехал, вижу – выходишь с сумками! Ты нашла другую квартиру?

– Да, я нашла другую квартиру. И вот моя новая соседка. Можешь сообщить это каждому, кто считает, что я обязана ему чем-то. Ещё вопросы имеются?

– Светка, Светочка, погоди! Не торопись, Светка! Платить-то ты будешь сколько? Есть шоколадное предложение! Мой знакомый сдаёт трёхкомнатную квартиру всего за триста гринов! Башлять буду я один, мне ведь тоже нужно от предков съехать! Давай сейчас...

– Трогай, – распорядилась Света. Рита, крутанув ключ, дала такой старт, что Рома отпрыгнул к другой стороне дороги. Пока он мчался затем к своему «Субару», пока садился в него, пока заводил – «девятки» и след простыл.

Снегопад утих. Москва вся мерцала под фонарями.

– Он говорил по мобильнику, когда нас увидел, – сказала Рита, свернув на Щёлковское шоссе и удостоверившись, что погони никакой нет, – поэтому и не сразу выскочил.

– Ну и что? Разве это важно?

– Он нас увидел, но продолжал трепаться, рискуя нас упустить! Он мог бы заканчивать разговор, направляясь к нам, но он предпочёл закончить его в машине. Значит, разговор был секретный, важный и срочный. Что это мог быть за разговор в час пятьдесят ночи?

– Господи, я -то откуда знаю? Мне нет до этого никакого дела! Тебе – тем более. Тоже мне, Шерлок Холмс!

Рита промолчала. Уже через полчаса они пили чай у себя на кухне. Сперва хотели даже поужинать спрятавшейся за сахарницей корейской лапшой, но потом решили не тратить на неё время. Чайник был довоенный и даже, кажется, дореволюционный. На деревянном столе стояли вазочки с пряниками, печеньем и мармеладом. Котёнок спал в уголке, навесившись сметаны высшего сорта. Её в холодильнике нашлось много, поскольку вся морозилка была заполнена покупными блинчиками.

– Как мы его назовём? – пробубнила Рита, зевая так, что если б предмет вопроса сидел поблизости, то необходимость придумывать ему кличку отпала бы, так как у него случился бы разрыв сердца.

– Рыжик.

Вместительный белозубый рот захлопнулся с элегантным

щелчком, как дверь «Мерседеса».

– Рыжик? Почему Рыжик?

– Так он ведь рыженький, – объяснила Света, несколько удивлённая удивлением собеседницы.

– Ну, и что? Тебя ведь Русалочкой не назвали, хотя ты – русая! Имя должно либо отражать внутреннюю сущность, либо не отражать ничего. Иначе оно звучит оскорбительно. Ему, может, вовсе не нравится, что он – рыжий.

– Ну, тогда – Васька. Или, например, Кузя.

Рита опять была недовольна. Задумчиво откусив кусочек печенья, она поморщилась.

– Что за Васька? Какой он Васька тебе? Мюрат!

– Мюрат? Почему Мюрат?

– Это очень странный вопрос. Ты точно историк?

– Да знаю я, кто такой Мюрат, – рассердилась Света, – любимый маршал Наполеона, неаполитанский король, храбрый идиот!

– Совершенно верно. И что тебе непонятно?

Света сказала, что ей всё ясно и что она всем довольна.

Вскоре они разошлись по комнатам. Неаполитанского короля взяла к себе Рита.

Было уже два сорок пять. Переложив вещи из сумок в шкаф и комод, Света застелила диван, разделась, очень внимательно осмотрела часы, и, выключив свет, нырнула под одеяло. Диван со скрипом принял её в объятия. Через пять минут раздалось «Ку-ку!»

– Сумасшедший дом, – отозвалась Света сквозь полусон. Ей было тепло и мягко. Рядом кто-то стоял. Не Мюрат. Не Рита. И не кукушка. Казалось, кто-то вышел из зеркала. Но открыть глаза уж не было сил. Власть ночи в этих стенах была беспредельна.

Глава вторая

Света проспала, так как ночью забыла установить будильник на семь часов. Поэтому утром времени у неё хватило только на то, чтоб почистить зубы, сделать два глотка чая без сахара и одеться. Застёгивая пальто, она обнаружила в боковом кармане комплект ключей от квартиры. В другом боковом кармане был «Сникерс». Мысленно поблагодарив Риту, которая, судя по нагретости чайника, легла спать только что, Света быстро вышла.

По лестнице поднимались две нарумяненные морозом женщины лет за сорок. Одна вела на поводке таксу в жилетке, другая – дога в комбинезончике. Запирая дверь, Света поздоровалась. Ей ответили весьма холодно.

– Вы теперь тут живёте? – официальным тоном спросила хозяйка дога.

– Да, – ответила Света, прижавшись к двери, поскольку дог к ней рванулся без всяких признаков дружелюбия. Дама с бранью рванула его назад.

– А кто вам сдал комнату?

– Маргарита. А что?

Обменявшись взглядами, две собачницы перешли на следующий пролёт. Одна прошептала что-то, другая цокнула языком. Оба их питомца не вполне вежливо оборачивались.

Стараясь не поддаваться негативной эмоции, Света выбежала на улицу.

Там стоял трескучий мороз. На небе сияло солнышко. До театра было десять минут очень быстрым шагом, но Света, издали увидев автобус на остановке, решила попытаться счастья. Ей повезло – водитель соблаговолит её подождать. Видимо, он не то ещё мог бы сделать для длинноногой девушки, побежавшей к нему вприпрыжку.

Оба охранника в театре также встретили Свету благожелательно – попросили, правда, предъявить пропуск, зато потом засыпали комплиментами, перенятыми у актёров. Переодевшись в подсобке, Света взяла швабру и ведро. Начала с фойе. Первым, как обычно, ей помешал хореограф, Виктор Эмильевич. Он всегда приходил на работу вовремя.

– Здравствуй, Светочка. О, какая ты молодец!

– Молодец на овец, а на молодца – овца, – с вычурным кокетством бросила Света. Специалист по танцам захохотал, расстёгивая дублёнку.

– Ну, стало быть, плохо у нас здесь с молодцами, коль ты уже пятое утро стоишь в такой интересной позе и до сих пор ещё не заблеяла!

Продолжая смеяться, он побежал в репетиционный зал. Вслед за ним пришли две актрисы из молодых – Эльвира и Даша. На их смазливеньких рожицах была ярость.

– Что вы так рано?

– Да Левин, сука, станок по утрам назначил!

– Виктор Эмильевич?

– Да! Чтоб он сдох, козлина! И Ирка, тварь, в больницу легла!

– Поченкова?

– Да!

– А что с ней случилось?

– Острый аппендицит. Кишки прорвало, живот вспучился от гноя. Короче, ей повезло!

Последняя фраза, сказанная всерьёз, Свету изумила. Поскольку девочки торопились, эти три слова остались без разъяснения. К десяти часам подтянулся весь молодняк, кроме Поченковой – семь мальчиков и шесть девочек. Почти все перебросились несколькими словами со Светой, так как она была очень необычной уборщицей. Чуть попозже прибыл художественный руководитель и режиссёр, Корней Митрофанович.

– Как дела? – спросил он у Светы, стягивая перчатки с холёных рук.

– Отлично. Спасибо.

– Мальчишки не пристают?

– Если вдруг пристанут – вы сразу от них самих об этом узнаете, потому что они к вам жаловаться придут.

– Молодец, Светлана! Девчонки не обижают?

– Что вы! Девчонки очень хорошие.

– Замечательные! Но кто бы их утопил? Сегодня опять, кажется, меня доведут.

– Корней Митрофанович!

– Что, Светулька?

– А можно я приду сегодня на репетицию?

– А тебе в университет сегодня не надо?

– Сегодня – нет.

– Приходи.

Совсем не обидно похлопав Свету, когда она наклонилась, чтобы сполоснуть тряпку в ведре, Корней Митрофанович подозвал одну из своих помощниц, трепавшуюся с охранником, и повёл её в кабинет. Света напевала, драя пол шваброй. Охранники пили кофе и обсуждали нюансы её фигуры. Заканчивая уборку в фойе, она поздоровалась с кадровичкой, которая ещё раз велела ей принести трудовую книжку, с главной бухгалтершей, которая назвала её умничкой, и с директором, который ей подмигнул. Во время мытья ренессансной лестницы на второй этаж произошла встреча с гримёром Ирой Ефремовой и художницей по костюмам, имя которой Света не вспомнила. Они также были приветливы до соплей, особенно Ира. Она даже предложила Свете свои услуги в качестве парикмахера и стилиста, если возникнет надобность.

К половине двенадцатого работа была окончена. Вымыв руки, Света пошла в женскую гримёрку. Там было мрачно. Девочки отдыхали после станка, отчаянно кроя матом и хореографа, и худрука, и президента России. Последнему доставалось больше других. Одна лишь Карина – дочь знаме-

нитости былых лет, его защищала.

– К вашему сведению, мой папа голосовал за Путина, – говорила она, уютно расположившись с ногами в кресле, – он что – дурак, по-вашему, да? Отвечайте прямо, нечего тут вилять! Мой папа – дурак?

– Никто так не думает, – проявила дипломатичность Аня Волненко, пинцетиком утончая брови Соне Козловой, с ненавистью глядевшей на себя в зеркало, – если бы дураки одни ошибались, я бы сейчас работала в БДТ, куда меня брали без всяких связей! А я попёрлась в Москву. И – вот результат. Любой человек, даже самый умный-преумный, время от времени ошибается. Это факт.

– Ну, конечно! – расхохоталась Карина, – мой папа, значит, ошибся, а вы все правы? Приехали, твою мать! Дальше ехать некуда.

Света села на табуретку. Ей предложили кофе. Она кивнула. Но персональной кружки у неё не было, и актрисы, сидевшие за своими столиками, с прискорбием огляделись. Каждая, разумеется, приготовила бы для Светы кофе в своей, поднявшись и сделав два шага к чайнику, но взяла на себя всю эту работу Даша Гайнулина.

– Задолбалась, поди? – спросила она, подав Свете кружку.

– Да, я почти совсем не спала. До трёх часов ночи переезжала!

– Ну, наконец-то! – вскричала Эля Гирфанова, – я уж думала, никогда ты не переедешь! Сейчас жильё найти очень

трудно.

– И, безусловно, в этом виноват Путин! – не упустила повод вернуться к прежней теме Карина, – ведь вы вот так все и скажете – только он во всём виноват!

Её оппонентки высказались в том духе, что, дескать, трудно найти жильё в Москве потому, что все в неё едут, так как нормально жить можно только в ней, за что, разумеется, следует спросить с Путина. Этот их аргумент вызвал громкий хохот Карины и заверение, что талантливый человек везде заработает и что лучше быть первым в галльской деревне, чем вторым – в Риме.

– Так говорит мой папа, – закончила она мысль.

– Вообще-то, Цезарь так говорил, – уточнила Света, – видимо, он украл этот афоризм у твоего папы.

Все дружно развеселились, кроме Карины. Она натянуто улыбнулась и закурила.

– У Светы, кстати, тоже вполне влиятельный папа, – вспомнила Соня, брови которой к этой минуте стали неотразимыми, – интересно, что он про Путина думает?

– Я не знаю, – сказала Света, отхлебнув кофе, – мы с ним давно не общались.

– А кто твой папа? – спросила Аня Волненко, сев за свой столик.

– Да ладно вам, – вмешалась Карина, – что вы пристали к ней? Вполне ясно, что человек не хочет распространяться на эту тему. Видимо, офигенный у неё папа, если она вылизы-

вает полы и так высоко задирает попу перед охранниками!

Девчонки притихли, глядя на Свету. Она спокойно допила кофе и поднялась.

– Я пойду. Спасибо за кофе.

Соня и Анька немедленно подбежали к ней, усадили.

– Вместе пойдём! – крикнула Волненко, сжимая пальцами её плечи, – ты ещё не сказала, где новоселье будем справлять! Колись, куда переехала? Не пугайся, мы со своей водярой к тебе придём!

– Да, и разгромим тебе всю квартиру, как Эльке с Дашкой, – вставила Соня, – им даже потолок пришлось штукатурить заново, потому что Волненко его пробила своей башкой! Подпрыгнула – и пробила.

Эля и Даша с ненавистью взглянули на Аньку. Она задумалась, возвратившись к своему столику.

– Разве я?

– Ну а кто ж ещё? Ты прыгаешь выше всех! Особенно – под травой.

Анька фанатично гордилась тем, что высоко прыгает, и поэтому ей пришлось сразу извиниться перед двумя подругами. Бормоча дурацкие оправдания, она вгрызлась в большое яблоко.

– До моих потолков вы не доберётесь, – сказала Света, – у них – какая-то нереальная высь! Три с половиной метра.

– Где это такой дом? – удивилась Соня. Света назвала ад-

рес. Все призадумались, вспоминая расположение зданий на упомянутой улице.

– Что там рядом? – спросила Анька.

– Какие-то магазины. А на другой стороне – аптека. Короче, это пятиэтажный кирпичный сталинский дом. Несколько подъездов.

– Так это он, – вдруг подала голос Ася Макарова, самая молчаливая из девчонок. Все повернулись к ней.

– Он? – спросила Гирфанова, – что ты этим хочешь сказать?

– Дом самоубийц.

Повисло молчание. Впрочем, длилось оно недолго.

– Да, точно, он! – громко подтвердила Карина и рассмеялась, – тот самый дом, где вешаются почти каждую неделю!

– Не надо гнать, – гневно повернулась к ней Анька, – восемь самоубийств за два года – это, конечно, не супер-пупер, но ничего сверхъестественного я лично в этом не вижу. Дом очень старый, располагает к унынию. Плюс к тому, район в смысле контингента – не самый благополучный. Пьют, наркоманят, имеют склонность к безумствам. Вот это – факт.

– Да ты почитай в интернете про этот домик! – не унималась Карина, – просто вот набери: «Дом самоубийц на Перовской улице»! Тебе плохо станет!

– Да я не дура – копаться в этой помойке! Или тогда давай уж начнём с того, что там понаписано про тебя и твоего папу! Ты никогда это не читала? Ну, почитай! Сама вздёрнешься.

– Ах ты, тварь!

Карину остановили и усадили. Эля Гирфанова налила ей кофе, плеснув в него пару капель ликёра «Бейлис».

– Возьми, Каринка, возьми! Пожалуйста, успокойся. Тебе совсем нельзя нервничать, ты уже на четвёртом месяце!

– Да на третьем я месяце, – еле слышно пробормотала Карина, стуча зубами о кружку, – сколько вам раз это повторять?

Лицо её было бледным. Света, напротив, выглядела скорее задумчивой, чем подавленной. Все за ней наблюдали.

– Да, ошарашили вы меня, – призналась она, почему-то думая о часах с кукушкой, – жаль! Очень жаль. Мне сильно понравилась эта мрачная и большая квартира.

– Говорю – плюнь! – проорала Анька, – ты комнату там снимаешь?

– Да.

– Сколько платишь?

– Семь.

– Почти даром! Забудь про всю эту чушь и не вспоминай. Будешь жить с хозяевами?

– С соседкой.

– А кто она?

– Знакомая моей бывшей соседки по общежитию, Арианы. Рита её зовут. Ей двадцать четыре года.

– Вообще ништяк! Шикарно отпразднуем новоселье!

– Тебе бы, Анька, всё праздновать! – ни с того ни с се-

го разозлилась Соня. Она собиралась как-то развить свою мысль, но в эту секунду мобильник Светы подал сигнал. Взглянув на определившийся номер, Света вышла на связь, и, быстро сказав: «Ромочка, убейся об стену!», нажала сброс. Все захохотали, кроме Карины и Сони.

– Тебе бы, Анька, всё праздновать, – повторила последняя, когда хохот стих, – а я вот не понимаю, как можно что-нибудь праздновать с таким графиком? Каждый вечер – спектакли, все выходные забиты сказками, в «Кошкин дом» надо делать ввод, а всё остальное время теперь будет занимать это сумасшествие!

– Ты о чём? – не поняла Света. Ей объяснили, что речь идёт о спектакле «Ромео и Джульетта», который должен выйти в апреле, между тем как работа над ним едва началась, и все – в замешательстве, хоть Корней Митрофанович уверяет, что смог бы и за два месяца сделать этот спектакль на высшем уровне.

– Он собрался на «Золотую маску» с ним номинироваться, – прибавила Соня. Взглянув сперва на неё, затем – на остальных девочек, Света хмыкнула. Несмотря на общую скорбь, ей стало казаться, что её грубо разыгрывают. Она интересовалась театром и знала, хоть и весьма приблизительно, сколько времени требует адекватная, профессиональная постановка Шекспира. Тут было что-то не так.

– Вы, значит, «Ромку и Юльку» сегодня будете репетировать? – осторожно спросила Света.

– Конечно! Если Тамарку Харант дождёмся. Хоть бы она в кафе зашла по дороге и нажралась!

– Ирка Поченкова – счастливая, – чуть не плача, сказала Даша, – лежит с разрезанным животом и горя не знает!

– А у Тамары в этом спектакле какая роль? – поинтересовалась Света, пытаясь предугадать ответ.

– Леди Капулетти, – вздохнула Анька.

– А кто играет Ромео?

– Кирилл Малютин.

Света порозовела. Малютин ей чуть-чуть нравился.

– А Джульетту?

Все указали с пафосом на Карину. Та пила кофе, но отвлеклась от этого дела, чтобы немножечко покривляться. Обведя взглядом лица других актрис, Света поняла, что никто не шутит.

– Что вы несёте? Джульетта – на шестом месяце?

– Ну, сошьют специальный костюм, – объяснила Эля, – после премьеры до лета пройдут ещё два спектакля. Максимум – три. Потом сезон завершится. В августе – роды. А в сентябре Джульетта опять запрыгает, как тушканчик.

Света с трудом могла всё это представить.

– Значит, хореография будет не очень сложной?

– Да ты смеёшься? – взвизгнула Соня, – Левин уже такого нагородил, что хоть в петлю лезь! Весь первый акт – бал! Да ещё какой! Я не понимаю, ну почему никто не может уроду этому объяснить, что мы здесь – не балерины, а драматиче-

ские актрисы?

– А мне идея понравилась, – возразила Ася, окончившая не только театральную школу, но и балетную. Все на Асю стали орать, включая Эльвиру, которая также была профессиональной танцовщицей. Тут пришла Тамара Харант – худая брюнетка с дьявольскими глазами и нравом, который никак нельзя было назвать дьявольским, потому что дьявол нервно курил.

– Здравствуйте, девчонки, – кошачьим голосом вымолвила она, очень торопливо цокая шпильками, – с Рождеством!

– Уж скорее с Пасхой, – фыркнула Анька, – совсем сдурела? Пять дней прошло с Рождества!

– Да? Очень возможно. Я не особенно шарю в церковных праздниках. Из подъезда вышла, вижу – плакат, а на нём написано: «С Рождеством!» Вот я и поздравила.

Бросив сумку на столик, Тамара быстро переоделась. Когда она стояла в одних трусах, натягивая лосины, Света заметила, что она похожа на Риту – та же порывистость, тонкость, гибкость. Вот только кожа у Риты была чуть более смуглой. Надев балетки и водолазку, Тамара весело повернулась к своим коллегам.

– Да что вы все кислые такие? Мать вашу драть! Спектакль получится! Жопой чую.

– Ты всё всегда чуешь жопой, – ворчливо отозвалась Карина, вставая, – и этим же местом думаешь!

– Иди на ..., детка!

Карина лишь улыбнулась, после чего актрисы пошли работать. Света последовала за ними.

Глава третья

Зрительный зал насчитывал сотню мест, кроме десяти на балконах. Их было два. Корней Митрофанович сидел в третьем ряду, что-то объясняя актёрам, которые отрабатывали моменты кровавой драки между Монтеки и Капулетти. Один из тех, кто ему внимал, был любимцем публики. Его звали Павел Кремнёв. Он вживался в роль отца главной героини, то есть Джульетты. Когда на сцену вышли актрисы вместе с уборщицей, он сказал, прервав режиссёра:

– Послушайте, Корней Митрофанович! Я могу, конечно, смотреть на то, как Монтеки бьют ногами Тибальда, глазами старого онаниста, но как я буду потом смотреть на жопу кормилицы или даже своей жены? С криком «наших бьют!»?

– Павлик, если это – всё, на что ты способен, я как-нибудь тебе объясню, чем взгляд онаниста отличается, например, от взгляда гусара... А, вот и дамы! Явились, не запылились. Отлично. Делаем бал!

Соскочив со сцены, Света уселась в первом ряду, между хореографом и помощницей режиссёра, Мариной. В том же ряду сидели скрипачка Вера и осветитель.

– Корней Митрофанович, у меня нога немножко болит, – пожаловалась Тамара.

– Если я ещё раз об этом услышу, заболит жопа. Виктор Эмильевич, до какого момента будем смотреть?

– До реплик.

– Поехали!

Все актёры заняли соответствующие места. Звукорежиссёр включил музыку. Начался танец змей – леди Капулетти и её дочки. Дамы с акробатической ловкостью кувыркались, катались, ползали, оббивали одна другую всеми конечностями, принимая разнообразные позы, и целовались взапас. Потом к ним присоединилась кормилица, почему-то выглядывавшая младше молочной дочери. С возрастающей страстностью занимаясь всё более откровенными безобразиями, три твари подобрались к главе семейства Капулетти и поползли на него. Он, ясное дело, легко дал себя втянуть в развратные игры. Ну а потом, как Света и ожидала, в них вовлеклись домочадцы, плясавшие в стороне, а за ними – гости. Весь этот мерзопакостный балаган, плавно усложняемый в такт мелодии новыми эротическими оттенками, продолжался до прихода Ромео.

– Меня не устраивает одно, – сказал режиссёр, когда стихла музыка и актёры из ролей вышли, – ног слишком мало!

– В смысле? – не понял Виктор Эмильевич.

– Ноги женщин должны играть главенствующую роль. В одном эпизоде – точно. Нужно, чтоб Павлик взвился от них, а не от вползания на него! Пусть властно, настойчиво проведут по нему ногами с разных сторон.

– А ведь это мысль! – обрадовался Кремнёв.

– Мне она не нравится, – запротестовала Карина, ноги которой были короче, чем у Тамары, – я всё-таки его дочь! Как дочь может сходу закинуть ноги на папу?

– А мы сейчас поглядим, как это получится, – произнёс хореограф и, встав, поднялся на сцену, – дайте нам музыку!

Начали переделывать эпизод. Потом вновь заспорили. Слушая этот спор, переросший в ссору между, с одной стороны, Мариной, с другой – Тамарой и Дашей, которая исполняла роль развязной кормилицы с ещё более длинными, чем у леди Капулетти, ногами, Света уснула. Спустя полтора часа Марина свирепо дёрнула её за ухо.

– Светка! В каком году была Куликовская битва?

– Уже закончили? – простонала Света, ответив на вопрос правильно.

– Перерыв.

Корней Митрофанович был по-прежнему недоволен, как и Карина. Все остальные просто устали. Включив в гримёрке мобильник, Света увидела, что ей восемь раз звонил Рома и пять раз – мама. Соня разнылась больше других.

– Да что ты всё стонешь? – обрушилась на неё Тамара, достав из сумочки сигареты, – ты вообще почти ни хрена не делала, только жопой крутила!

– Я, кажется, заболела! Меня знобит!

– А у меня – жар. Откройте окно!

Но раздались крики, что если Тамаре жарко, то она может

раздеться, а простужать никого не надо. Тамара молча разделась. Она сняла с себя всё, кроме узких трусиков и бюстгальтера, но последний обиженно приспустила.

– Ой! – воскликнула Ася, очень большая любительница весёленьких фотографий, – Тамарка, можно я тебя сфоткаю?

Возражений не было. Взяв мобильник, Ася стала фотографировать на него Тамару, прося её принимать различные позы. Тамара очень старалась. Все кругом ржали. В эту минуту Свете опять позвонила мама. Света решила выяснить, что ей нужно.

– Мамочка, я сейчас занята! Говори быстрее.

– Она – любовница Хордаковского! – завопила мама, как резаная, – ты знала об этом? Скажи мне только одно: ты об этом знала?

Крик вылетал из мобильного на приличное расстояние. Анька, Даша и Соня сидели рядом. Они немедленно дали знак остальным притихнуть. Ася с Тамарой сразу прервали своё занятие, с любопытством глядя на Свету, которая ошалело срослась со своим мобильником. Выйти было невыносимо, потому что за дверью слышался строгий голос директора, а Тамара сидела во всей красе прямо перед нею. Сбросить звонок? Это то же самое, что отнять быка у семи пантер, схвативших его зубами. И Света тихо спросила среди общего безмолвия:

– Кто?

– Да она, она! Та блондинка, которая увезла тебя ночью

с Щёлковской! Маргарита Дроздова! Ты что, живёшь теперь вместе с ней?

– Пожалуйста, не кричи! С чего ты взяла, что она – любовница Хордаковского?

– Ты ребёнок, Светочка! – продолжала истерить мама, – просто ребёнок! Рома запомнил номер её машины, потом пробил его по компьютеру! Это – дрянь с уголовным прошлым! Воровка, гопница, клофелинщица! Хордаковский помог ей открыть криминальный бизнес, чтоб отмывать через неё деньги! У неё – бар на Семёновской!

– «Три товарища»?

– Да, да, да! И это – притон! Туда приезжают...

– Мамочка, я тебе попозже перезвоню! – перебила Света, и, опустив мобильник, выключила его. Её всю трясло. На неё смотрели. Смотрели все семь актрис. Среди тишины. Ни одна из них ни одного слова не пропустила. И это было печально.

– Мать твою в жопу, – нарушила тишину Тамара, поправив лифчик. Ася уселась, забыв про свой телефон. Прочие пантеры столь же растерянно переваривали быка. И первой из них опомнилась, но на этот раз до конца, всё та же Тамара. Она внезапно вскочила, быстро прошлась по комнате босиком и остановилась. Прищурилась.

– Что сегодня у нас? Двенадцатое января? Всё правильно? Светочка, послезавтра мы празднуем у тебя Старый Новый год!

– Мы празднуем новоселье, – внесла поправку Волненко, – она вчера переехала. Так ты, Светка, с ней будешь жить? С этой самой Ритой Дроздовой?

– Видимо, да, – ответила Света, сопоставляя в уме все факты. И ей вдруг стало смешно. Ну какая к чёрту любовница Хордаковского? Это бред! Любовница Хордаковского, уж наверное, ездила бы на «Лексусе» и жила бы если не во дворце, то в десятикомнатной двухуровневой квартире с видом на Кремль, а не искала себе соседку для экономии! Но тут в памяти всплыли два обстоятельства, на которых эта логическая конструкция спотыкалась. Пункт первый – бар «Три товарища». Пункт второй – Игорёк. Если Игорёк – всего лишь охранник, кого он, чёрт возьми, охраняет?

– А кто такой Хордаковский? – спросила Соня. Этот вопрос с её стороны не ошеломил никого. Все знали – Соня живёт в каких-то своих мирах.

– Нефтяной магнат, олигарх, – сказала Волненко, – самый богатый мужик в стране.

– Да, и театрал, – вспомнила Тамара, опять усевшись, – кто-то мне говорил – Светлана Петровна, кажется, что штук двести провинциальных театриков существуют только на его деньги! Кроме того, он вытащил из ужасного состояния детские дома за Уралом и деревенские школы. Я уж молчу про баб, которых он сделал звёздами! Просто так, ни разу даже не прикоснувшись к ним. Захотел – и сделал. Девяносто процентов всех известных актрис до сорока лет целуют его сле-

ды при каждом удобном случае.

– Это правда, – неподражаемо улыбнулась Карина, – а то, что Миша – самый богатый мужик в стране, ерунда. Уже далеко не самый богатый. Волненко просто не в курсе, что у него – большие проблемы. Он гнёт какую-то линию против Путина, и его за это прессуют. Я не рискнула бы дружить с тем, кто гонит на Путина. Путин – величина космического масштаба, а Хордаковский – так, бизнесмен. Папа его даже не уважает. Он говорит, что Миша – это америкосовская шестёрка.

– Да уж отсоси своему папаше и успокойся! – взорвалась Анька, – и не дружи с Хордаковским, если не хочешь! А я с ним буду дружить! У тебя есть папа, а у меня – никого! И пошла ты на ... со своим папой!

Эля и Даша на Аньку стали орать, чтоб она заткнулась. Карина, наоборот, холодно сказала, что этой суке – конец. Но тут всех позвали на репетицию. Света вышла последней, и, незаметно свернув с маршрута, отправилась переодеваться. Когда она покидала театр, её лицо было таким мрачным, что ни один из охранников не осмелился ей сказать ничего, кроме «до свидания».

По дороге она зашла в магазин около аптеки, чтобы купить вина и продуктов. Денег осталось совсем немного. Темнело. Красной «девятки» возле подъезда не было, и давно – судя по тому, что на её месте стоял «Пежо» с наледью на стёклах. Придя домой, Света налила молока Мюрату, кото-

рый весело бегал по всей квартире, и поделилась с ним колбасой. Себе она сделала несколько бутербродов и крепкий кофе. Такой обед насытил её вполне. Приняв затем душ, она через кабель, валявшийся на полу, подсоединила свой ноутбук к интернету и запустила его. Пока он грузился, она решила взглянуть на комнату Риты.

Мюрат вошёл туда первым и сделал лужу. Вспомнив о том, что надо купить для него лоток, Света побежала за тряпкой. Потом она оглядела комнату. Книжный шкаф, действительно, в ней имелся. Он был заполнен русской, советской и зарубежной классикой. На комодике у тахты лежали ещё три книги – Цветаева, Мандельштам и, что слегка удивило Свету, Дюма. Книга называлась «Наполеон. Жизнеописание». Рядом с книжным шкафом стоял ещё один, для одежды, а у противоположной стены – большой секретер из дуба. Левее висело зеркало – не такое старое, как у Светы. Всё в этой комнате, кроме, может быть, секретера, было посовременнее, но сама она была меньше.

Вытерев лужу, Света вернулась на свой диван. Интернет работал. Она сидела в нём шесть часов, до прихода Риты. Мюрат все эти часы охотился за кукушкой, за ногой Светы, которая то отпихивала, то подбрасывала его, за кисточками на красной складчатой шторе.

Рита не выглядела уставшей, хоть и сказала, что просто валится с ног. Она принесла кошачий лоток и целую сумку корма. Мюрат не выказал восхищения. Несомненно, он

предпочитал колбасу. Когда две его хозяйки сели за стол, он сделал попытку на него влезть, но был остановлен. Света откупорила вино, нарезала сыр, ветчину и овощи. Рита успела переодеться в старые джинсы и свитер. Она сидела боком к столу, закинув на табуретку босые ноги. Курила.

– Тебе не холодно босиком ходить по паркету? – спросила Света, наполнив два высоких бокала.

– Холодно.

– Купи тапки!

– Я ненавижу тапки.

– Носки надень.

– Не люблю, – отрезала Рита, бросив окурок в мусорное ведро. Потом молча выпили. Взяли вилки. Рита вооружилась также ножом. Она ела жадно.

– Как у тебя дела на работе? – спросила у неё Света, опять наполнив бокалы.

– Более-менее. У тебя?

– Да трудно сказать. Представляешь – девочки напросились на новоселье!

– Какие девочки?

– Ну, актрисы.

– К тебе?

– Ко мне. Давай выпьем.

Чокнулись, выпили. Рита съела огурчик и кусок сыра.

– Сколько же ты работаешь в театре?

– Пять дней. Но оформилась я до Нового года.

– И ты успела сдружиться с ними до такой степени, что они к тебе попросились на новоселье? Ну, ты общительный человек!

– Да не в этом дело! Сначала всё это выглядело как шутка. А вот потом, когда я сказала им номер дома, они всерьёз захотели.

– Стоп! погоди! Я что-то совсем запуталась. Номер дома-то здесь при чём?

Света наблюдала за Ритой пристально, но не замечала в её глазах ничего, кроме удивления. Мюрат снова предпринял попытку штурма стола. На этот раз Рита его не сняла, а сбросила.

– Ты серьёзно не догоняешь? – спросила у неё Света.

– Мне сейчас не до шуток! Я упахалась и хочу спать. Говори, в чём дело!

– Мы живём в доме самоубийц.

Рита улыбнулась. Её мобильник заиграл танго. Она нажала на сброс.

– А, так ты об этом! Честно, не въехала. Знаю, знаю.

– Ты так легко к этому относишься?

– А я что, должна по полу кататься?

– Ты не читала про этот дом в интернете?

– Послушай, Светочка! Я использую интернет для дела. Для сумасшествия я использую кокаин, и то крайне редко. Только тогда, когда непреодолимо хочется утопиться.

– А как давно тебя посещает это желание?

Рите стало смешно.

– Ну, Светка, ты молодец! Поймала. Ладно, выкладывай, что ты там прочитала про этот дом?

– Ну, что он стоит на могиле девушки, которая наложила на себя руки из-за несчастной любви, и все молодые женщины, поселяющиеся здесь, сводят счёты с жизнью.

– Как? Абсолютно все?

– Нет, только красивые.

Рита облегчённо вздохнула.

– Ух, слава богу! Мне это не грозит. Ну а за тобой я буду приглядывать.

– Как смешно! Реальные факты тебя не интересуют?

– Даже если ты скажешь мне, что здесь за год вздёрнулось сорок баб, я отвечу так: читай каждый день, что живёшь в свинарнике – и захрюкаешь!

– Риточка! Ты – как Анька Волненко.

– А это кто ещё?

– Одна дурочка.

– Ну, спасибо! Надо нам выпить ещё вина.

Когда это было сделано, Рита вновь закурила, пододвинув к себе очень интересную пепельницу с кремлёвскими стенами.

– А лицом и фигурой ты – как Тамара Харант, – продолжала Света, – вы очень сильно похожи! Она сегодня ходила передо мной почти с голой задницей.

– Значит, ты увидела мою задницу? Вот свинья! Я не успо-

коюсь, пока твою не увижу. А мальчики симпатичные не придут к нам на новоселье?

– Может быть, и придут. Их в театре – полно.

– А ты с этим Ромой совсем рассталась?

Света брезгливо высунула язык.

– Зачем ты мне, дура, напомнила про него? Мы ведь пьём вино, а не водку!

– Ах, бедный Ромочка!

– Бедный Мишенька!

Рита громко расхохоталась. Потом задумалась.

– Бедный Мишенька? Эта фраза звучит очень необычно.

А почему он бедный?

– К нам ведь придут красивые мальчики!

Прозвучал ещё один взрыв веселья. Мобильник дал сигнал эсэмэски. Рита её прочла и долго молчала, глядя в окно. Света налила себе кофе. Она поймала себя на том, что ей очень интересно смотреть на Риту. Просто смотреть, следя, как меняется выражение её глаз в зависимости от мыслей. Она всё время о чём-то думала.

– Я хочу нажраться у тебя в баре вместе с Волненкой, – сказала Света.

– Не надо.

– Но почему?

– Потому, что бар называется «Три товарища», а не «Две свиньи».

– И что ты хочешь этим сказать? Что этот твой бар – толь-

ко для мужчин?

– Ничего подобного. Это заведение для приличных людей. Понятно тебе?

– Ещё бы! Так и скажи – бандитский притон.

– Да иди ты в задницу! Начиталась! Сейчас ты мне расскажешь ещё, что жидомасон и американский прихвостень Хордаковский через него отмывает деньги, полученные преступным путём! Вот взял четырнадцать миллиардов долларов и отмыл! Только непонятно, зачем для этого нужен бар? Хватило бы и киоска с мороженым.

– Но, во-первых, никто и не говорит, что все его деньги имеют криминальное происхождение! Во-вторых, таких баров могут быть сотни.

– Послушай, Светочка! – полыхнула глазами Рита, – Ты – из налоговой? Или из ФСБ?

Света покраснела, застенчиво опустив реснички. Она уже понимала, что перегнула палку.

– Я тебя умоляю, не лезь ты в эти дела, – продолжала Рита, – Тебе стало интересно, почему соска миллиардера катается на помойке с литыми дисками и снимает комнату в доме самоубийц? Да по той же самой причине, которая заставляет дочку силовика с большими погонами мыть полы! Ты любишь своего папу, но не желаешь быть от него зависимой. Я люблю Хордаковского, и при этом также не хочу быть сколько-нибудь зависимой от него. Тебе всё понятно?

– Угу, – ответила Света, сделав глоток из кружки, – неза-

чем так орать. Я хорошо слышу.

Мюрат безмолвно и неподвижно сидел в углу, сверкая оттуда глазками. Он был зол. Стояла уже глубокая ночь. Рита протянула Свете мобильник.

– Прочти последнюю эсэмэску.

– Нет, не хочу! – отшатнулась Света, – засунь её себе в жопу!

– Я говорю, прочитай! Не бойся.

Чёрные глаза Риты были теперь весёлыми, как у пятилетней девчонки, летящей с горки на санках. Поддавшись этому взгляду, Света взяла мобильник и прочитала вслух:

– «Ритка! Если Наполеон и завтра со мной не встретится, послезавтра двум корпусам его арьергарда будет устроено Ватерлоо.»

– Теперь ты всё поняла? – вторично спросила Рита, кладя мобильник на стол.

– Речь идёт о жопе, – смекнула Света, – так что, приглашать мальчишек?

– Конечно. Только не приглашай того, к кому ты неровно дышишь.

Света кивнула и положила на пол большой кусок ветчины. Мюрат, подняв хвост, приблизился, взял кусок, отнёс его в угол и быстро съел, сперва разорвав на части. Потом он начал вылизываться.

– Ещё вопрос, – снова обратилась Света к соседке, ткнув её пальцем в пятку, чтоб собралась, – вот ты говоришь, что

полностью независима. Но, по-моему, открыть бар в престижном районе – это не то же самое, что открыть, к примеру, как ты сама сказала, киоск с мороженым.

– Ну а в чём вопрос – то?

– Откуда деньги и связи?

Рита была, казалось, удивлена.

– Ведь я объяснила, что занимаюсь сельским хозяйством!

– Так успешно?

– Конечно! Я ведь красивая.

– А лошадка у тебя есть?

– Да ты же вчера полночи на ней каталась!

Света допила кофе и пошла спать. Мюрат поскакал за ней.

Рита, встав со стула, чуть приоткрыла окно, чтоб выпустить дым, и взялась за чайник. Но вдруг она что-то вспомнила.

– Светка!

– Что? – выглянула Света из коридора.

– Тамарке той сколько лет?

– Тридцать семь. Она из артисток самая старшая, если не считать ещё двух. У них есть своя гримёрка.

– Тридцать семь лет? Ты, значит, увидела мою задницу с целлюлитом?

– С песком, который из неё сыпался, – рассмеялась Света, – шучу, шучу! Тамарка по виду – твоя ровесница. Она тоже брюнетка с такими же пронизательными глазищами. Ты зря, кстати, в блондинку красишься! Это делает тебя старше.

– Но мне и надо быть старше.

Тут позвонили в дверь. Света всполошилась – на ней были лишь трусы, футболка и шлёпанцы. Мюрат хищно наострил ушки.

– Ты кого-нибудь ждёшь? – поинтересовалась Рита.

– Нет! Никого не жду.

– Спроси, кто.

Света посмотрела в глазок. За дверью было темно. Можно было только понять, что там стоит женщина.

– Кто вам нужен?

– Мне нужна Света.

Света поспешно открыла дверь. Площадка была пуста.

Глава четвёртая

Корней Митрофанович выдумал для «Ромео и Джульетты» очень оригинальную мизансцену. Выглядела она так. Леди Капулетти и её дочка, то есть Тамара и Ася в маске, временно заменявшая здесь беременную Карину, взбегали на второй ярус сцены и там ложились ничком, сперва полуобнажившись. Кормилица, то есть Даша, сняв обувь, делала им массаж, голыми ногами топча их голые спины. При этом она держалась за цепи, свисавшие с потолка, и весело разговаривала с двумя господами. Они стонали и ойкали. Этот номер, вполне себе эротичный, нравился всем, кроме двух его горизонтальных участниц. Они устраивали скандалы, жалуясь, что у Даши – грубые пятки. Даша обиженно отвечала, что ей приходится много ходить пешком – не то что Макаровой, которая живёт рядышком, и Тамаре, которую всюду возит её любовник Артур. Тамару эти слова бесили, и справедливо – Артур её подвозил только от театра до метро, так как они жили в разных местах. Остальные девушки, осмотрев и ощупав Дашкины пятки, сошлись на том, что они – достаточно гладкие. Только секретарша директора, Вероника, встала на сторону жертв массажа. Тамару она терпеть не могла, но со второй жертвой дружила, и, плюс к тому, лебезила перед потенциальной жертвой – Кариной. Как бы то ни было, это де-

ло для Дашки кончилось плохо.

Воскресным вечером шёл спектакль «Извращенки и проститутки». Он был поставлен по пьесе крайне бездарного драматурга, жена которого приходилась кумой директору. Публика на этот спектакль шла, поскольку он изобиловал понятно какими сценами, но актёры и режиссёр его ненавидели. Героинями пьесы были три проститутки, являвшиеся также и извращенками. Две из них обожали третью и, разумеется, живописно конфликтовали между собой. Этим двух играли Эля и Даша, третью – Тамара. Роль у неё была очень сложная. Приходилось петь акапелла – да не по-русски, а по-испански, изображать с Кремнёвым половой акт, бороться с маньяком и драть ремнём двух подружек – за то, что те ей небрежно сделали педикюр. Это всё Тамару бесило невероятно. За полчаса до спектакля она, будучи уже в гриме, отправилась к мужикам – попросить Кремнёва, чтоб он на сцене чулки с неё не снимал, поскольку она не побрила ноги. Идя, она в сотый раз повторяла слова проклятой испанской песни. Кроме Кремнёва, в гримёрке был Юрий Серафимович – пятидесятилетний актёр, который исполнял роль маньяка. Данная роль ему подходила – он обладал на редкость тяжёлым голосом и таким же тяжёлым взглядом. Когда Тамара вошла, Юрий Серафимович сидел в кресле, читая книгу. Кремнёв ходил взад-вперёд, о чём-то сосредоточенно думая.

– Но ведь Элька с Дашкой будут тебе ногти на ногах кра-

силь, – произнёс он, выслушав Тамару, – как с этим быть?

Тамара остолбенела на один миг. Потом рассмеялась.

– Ну, я и дура! – заверещала она, ударив себя ладонью по лбу, – это что такое? Ведь это клиника, Пашка! Самая настоящая клиника! Правда?

– Да пусть эти две мартышки тебе заодно и ноги побреют, – предложил Юрий Серафимович, оторвавшись от книги, – лично мне кажется, что нелепостей в этой постановке должно быть больше. Люди пришли в кунсткамеру, так зачем показывать им среди полных банок две-три пустых? Автор поленился. Пробелы надо восполнить.

Тамара села на стул.

– Юрий Серафимович! Это всё не нелепости, а блевотина!

– Ну, и что? Нормальные люди на этот шедевр не идут, а быдло блевотину жрёт взахлёб и просит ещё. Чем ты недовольна?

– Я недовольна тем, что схожу с ума! У меня – заскоки. Вы сами слышали. И такое часто бывает. Может, мне таблетки какие-нибудь попить?

– Но если ты будешь таблетки запивать водкой, они тебе навредят!

Тамара задумалась.

– А что делать?

– Да ничего ты с этим не сделаешь. И не надо с этим ничего делать. Рассеянность – это свойство гениев. У Софьи Ковалевской в школе по арифметике была двойка.

– Так значит, если человек – плохой тактик, он обязательно хороший стратег? – вступил в разговор Кремнёв, – по моему, не всегда.

Юрий Серафимович закрыл книгу.

– Тамара, твоя забывчивость – это уникальный путеводитель. Забыла ноги побрить – спектакль от этого только выиграет. Забыла про ногти – пришла сюда, и я тебе дал полезную информацию. По дороге в аэропорт ты вспомнишь о том, что забыла паспорт, вернёшься – и самолёт развалится в воздухе без тебя. У меня есть книга про это. Во вторник я тебе её принесу.

– Книга называется Библия, – перебил Кремнёв, – Сонька мне сказала, что там написано: «Любящим Господа всё содействует ко благу». Короче, хватит грузить её, Серафимыч! Ты что, не видишь – она всё это серьёзно воспринимает! А у неё в голове – дыра! Никто ведь не знает, чем это кончится.

Кончилось это тем, что Тамара пошла к охранникам и спросила, нет ли у них чего-нибудь выпить. Они её угостили. И в результате спектакль, действительно, удался. Исполняя песню, Тамара чудом попала в несколько нот. Но всё-таки у неё возникло чувство неловкости, и она решила заглядывать свою оплошность крайним усердием в поединке с маньяком и в эротической сцене. И проявила столько усердия, что у Юрия Серафимовича возник под глазом синяк, а жена Кремнёва, присутствовавшая в зале, выбежала с рыданиями. Потом началась истерика и у Дашки. Тамара не сама

села в кресло для педикюра, а усадила её, сняв с неё чулки, да вместо того, чтобы наносить ей на ногти лак, стала шлифовать её пятки. Точнее, левую пятку. Правой занялась Эля. У неё просто не было выбора. Зал захлёбывался восторгом, поскольку Дашка, очень чувствительная к щекотке, полчаса корчилась в адских муках и так визжала, что было слышно на улице. Про ремень Тамара вовсе забыла. Публике, впрочем, было достаточно и того, что ей предоставили. Почти сто человек из ста кричали Тамаре «Браво!» Но, несмотря на это, помощница режиссёра, Маринка, встретив её за кулисами сразу после спектакля, велела ей зайти к шефу.

– Это ещё зачем? – спросила Тамара, – я что, косячила?

– Нет, всё было отлично. Видимо, он решил повысить тебе разряд. Ты, главное, выпей сейчас как можно больше воды и над унитазом как можно глубже два пальца запихни в рот, а потом иди.

Тамара последовала совету. Это отчасти вернуло ей здравомыслие. Кабинет худрука располагался на втором этаже. Забыв постучать, Тамара вошла. Корней Митрофанович с беспредельной грустью курил, сидя за столом. Курила и некурящая Ангелина Дмитриевна, музрук. Именно она оттачивала с Тамарой звучание её песенки, которая была введена в спектакль не так давно. Ангелина Дмитриевна сидела под приоткрытой форточкой.

– Что случилось, мадам Харант? – спросил режиссёр, устало разглядывая Тамару, без приглашения опустившуюся

на стул. Она объяснила ему, что купила квас, а он оказался перебродившим.

– А как назывался квас? – перебил Корней Митрофанович, – «Амаретто»? «Баккарди»? «Хэннесси»?

– Нет, «Столичная», – еле слышно вымолвила Тамара и улыбнулась, – больше такого не повторится. Прошу меня извинить.

Корней Митрофанович очень быстро переглянулся с бледной и неподвижной, как изваяние, Ангелиной Дмитриевной.

– Тамара! Я полагаю, ты знала, на что идёшь, когда подносила к губам стакан?

– Корней Митрофанович! Разумеется, знала. Когда я вам «Без вины виноватые» сорвала, вы мне очень строго сказали, что если я себе ещё раз такое позволю, буду уволена. Но ведь этот спектакль сейчас был сыгран!

– Не спорю. Вокал особенно удался, а за порнографию нас, возможно, не привлекут. Если повезёт. Но только это был твой спектакль, а не мой. Тебе так не кажется, моя радость?

Тамара молча вздохнула.

– Ты проявила неуважение к публике, – вдруг решил пошутить Корней Митрофанович, – это ясно?

– Ясно.

– Иди. Ещё раз нажрёшься – пойдёшь работать уборщицей, потому что ни в один театр тебя не возьмут. Я это тебе

устрою. Ты меня знаешь.

Тамара медленно поднялась. Направилась к двери. Вдруг повернулась. Корней Митрофанович поглядел на неё досадливо.

– Что тебе?

– Корней Митрофанович, а вы что думаете про Свету?

– Про Свету? А, про уборщицу нашу двадцатилетнюю? Ничего плохого я про неё не думаю. Презабавненький ангелочек. Надеюсь, ты с ней не дружишь?

– Да я нормальная, – процедила Тамара с внезапным ледяным бешенством, – что вы все ко мне прицепились?

И она быстро вышла из кабинета.

Глава пятая

В понедельник, который был для работников театра выходным, Соня шла к Эльвире и Даше. Она решила нагрянуть к ним неожиданно, так как знала наверняка, что по телефону в гостеприимстве будет отказано. У неё с ними было отлаженное взаимодействие по нытью и всем остальным видам болтовни, но не безграничное, потому что она дружила с Волненко. Анька внушала этим двум девушкам опасение. И не только им. Она была слишком шумная, резкая, предприимчивая. Ни одна из этих характеристик к Соне не подходила, и посему она, дружа с Анькой, остро нуждалась в контакте с более рассудительными коллегами. В этот день – особенно остро.

Эля и Даша снимали трёхкомнатную квартиру в панельном доме с жёлтыми стенами. От театра до него было десять минут на трамвае, тридцать – пешком. Соня жила ближе, примерно на полпути. Она очень торопилась, часто подскользываясь и взмахивая руками, чтоб не упасть. Мороз щипал её за уши, до которых шапка едва дотягивалась, а руки и вовсе одеревенели в тонких перчатках. Когда она стояла перед последней на её пути улицей, ожидая возможности перейти дорогу, к ней подошёл молодой человек с приятным лицом.

– Девушка, у вас зажигалки не будет?

Она дала ему прикурить. Глаза его стали наглыми, и он так недвусмысленно раздевал её ими, что было мерзко. Выдохнув дым, он проговорил:

– Да у тебя рот – весь синий! Ты, вообще, живая?

– Отвянь.

Тут вспыхнул зелёный свет. Соня поспешила этим воспользоваться. Ей было очень досадно. Ей опротивели эти взгляды, которые изменяли лица интеллигентных и симпатичных мужчин до неузнаваемости. Порою даже казалось – у них вот-вот вырастут клыки, как у вурдалаков. Соне было приятнее, хоть не сильно, видеть другие лица – с не отрастающими клыками, а постоянными.

Поднимаясь пешком на пятый этаж, она успокоилась и согрелась. Дверь ей открыла Эля. Если внезапное появление Сони её и обескуражило, то она сумела блистательно это скрыть. Её тёмные глаза радушно захлопали.

– Ух, ты! Сонька! Привет! Вот это сюрприз! А ну, проходи давай! Дашка, Дашка!

– Я мимо шла – дай, думаю, забегу, проведу, – врала Соня, вешая на крючок пальто, – позвонить хотела, да руки заledenели.

Эля, заперев дверь, кинулась на кухню, где что-то жарилось и варилось. Даша с огненно-рыжими, ещё влажными волосами вышла из ванной. Она была обёрнута полотенцем.

– Сонька, здорово! Элька меня тут красила. Как тебе?

– Офигенно! Ты всё-таки это сделала? Молодец. Я не помешаю?

– Наоборот, поможешь! Пиво допить. Вчера Лёшка откуда-то притащил его литров пять! Оно натуральное. Не допьём сегодня – придётся в унитаз вылить.

– А Лёшка дома?

– Не знаю. Если и дома, то у себя.

Алексей Андреев также работал в театре. Вот уже целый год он встречался с Дашей. Все удивлялись их отношениям, постоянно скакавшим от абсолютного кризиса к абсолютной гармонии и обратно.

Эля, тем временем, со своими делами на кухне разобралась – в одной сковородке что-то перемешала и огонёк под нею убавила, под другой убрала совсем, в большую кастрюлю бросила соли. Детальным образом обсудив новый цвет дашкиных волос, три актрисы расположились в гостиной, за низким столиком. Две хозяйки мигом его накрыли, притащив с кухни свежепожаренную картошку, сосиски, пирожки, пиво. Даша сменила банное полотенце на длинный, красный халат. На Эле был розовый и короткий.

– Вы давно встали? – спросила Соня, сделав глоток из стеклянной кружки.

– Давно, – ответила Даша, – хотим сегодня, в конце концов, фотки развезти по агентствам. А сколько можно тянуть? Можно и отправить по электронной почте – две тысячи третий год на дворе, но всё-таки будет лучше самим там пооши-

ваться.

– Дайте посмотреть фотки-то!

Эля встала и принесла сотню фотографий, своих и Дашкиных. Соня стала их изучать, делаясь впечатлениями. При этом она, хоть руки и рот её были заняты, умудрялась великолепно делать ещё два дела: всё подряд есть и запивать пивом.

– Классные фотографии, – резюмировала она, утолив и голод, и любопытство, – Сколько платили за них?

– Десять косарей, – вздохнула Эльвира.

– Не очень дорого, кстати! Фотки отличные. Надо Светке их отнести. Вы к ней собираетесь?

Эля с Дашей переглянулись.

– А вы когда планируете собраться? – спросила первая.

– Да планировали сегодня. Праздник как раз.

– Ой, точно! – вспомнила Дашка, взяв пирожок, – старый Новый год! А мы за него не выпили.

Упущение было тотчас исправлено. Ставя кружку, Соня продолжила:

– Но сегодня не получается. Вы не можете, и Волненко не может. Так что, через неделю.

– Ты знаешь, Сонька, мы не пойдём, – отрезала Дашка, вытягивая из пачки длинную сигарету. Телефон Эли вдруг зазвонил. Взяв его, она торопливо вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. Дашка закурила.

– Как – не пойдёте? – спросила Соня, вновь беря вилку,

чтобы доесть картошку из сковородки, – вы что, с ума сошли? Это – шанс!

– Шанс попасть в психушку. Мы почитали про этот дом в интернете. Это действительно страшный дом. По нему бродит привидение.

Соня быстро отчистила сковородку от подгорелок и раздражённо бросила в неё вилку.

– Дашенька, хватит! Ты не ребёнок. Большая девочка. Ты ведь знаешь, что это – бред!

– Я знаю, что так считает Волненко, а ты за ней повторяешь. Но те, кто жил в этом доме и кто сейчас там живёт, думают иначе. Хочешь – иди. А мы не пойдём туда. Мы не дуры.

Вернулась Эля с мрачным лицом.

– Кто тебе звонил? – спросила у неё Даша, когда она уселась за стол и выпила пива.

– Да Лёшка твой!

– Что он хочет?

– Вещи забрать.

– Пускай забирает. Но только ночью.

– Я ему это уже сказала. А он ответил, что ночью он сильно занят.

Дашка расхохоталась. Потом задумалась, погасив окурок. Потом взяла ещё одну сигарету.

– Вот идиот! Он думает, мне ещё интересно, занят он ночью или не занят! Какое мне до этого дело? Элька, ну скажи,

вот какое мне до этого дело?

– Тебе до этого дела нет, – согласилась Эля.

– Вот именно! – подхватила Дашка, щёлкая зажигалкой, – он теперь, сука, по ночам занят! Тут ему было заняться нечем, а там он занят! Просто пипец! На, кури мои.

Эля закурила, глядя на Соню.

– О чём вы тут говорили? Почему Сонька бледная?

– Да курить пытается бросить, – рассеянно проронила Дашка, унесясь мыслями далеко, – поэтому и психует. Ты расскажи ей про этот дом, в который она идти собралась!

Эля недовольно поморщилась.

– Дашка, хватит! Я не хочу никому ничего рассказывать. У неё есть компьютер, есть интернет и есть на плечах башка. Пусть сама посмотрит.

– Нет, лучше ты расскажи!

– Не ходи туда, – сухо и невнятно бросила Эля, с досадой глядя на свои ногти, – вот чёртов лак! Опять облезает. Волненко, тварь, мне его всучила на День рождения! На помойке, что ли, нашла?

– Это в её духе, – пожала плечами Даша.

Соня не выдержала.

– Кретинки! Если вы мне ничего не скажете, я уйду! Что за отношение к человеку? Я ведь действительно очень сильно хочу курить!

– По этому дому бродит какое-то существо, – сообщила Эля, поставив ноги пятками на диван, чтоб осмотреть ногти

на них, – оно звонит в двери к красивым женщинам, и спустя какое-то время их обнаруживают повешенными. А стоит тот дом на могиле девушки, у которой увели парня, что побудило её свести счёты с жизнью.

– Таких историй можно придумать сколько угодно, – проворкотала Соня, взяв сигареты и положив их обратно, – где доказательства?

– Есть свидетели. Эти женщины не одни были дома, когда к ним в дверь позвонила Смерть.

Соня очень пристально поглядела сперва на Дашу, затем – на Элю. Они курили. Их лица были серьёзны.

– Так вы считаете, лучше мне туда не ходить?

– Ты думай сама, – отозвалась Даша, – только своей головой, не Анькиной. Анька полезет в любую задницу ради роли в каком-нибудь сериале. Тебе-то это зачем?

– Да, ты ведь талантливая, – прибавила Эля, – тебе и так дадут роль, если ты захочешь. Но ты для этого ничего не предпринимашь. А уж пора бы! Фотки у тебя есть. Поедешь сегодня с нами?

– Сегодня – нет.

– Почему?

– Да дома проблемы. Сегодня мне совершенно не до поездок.

Эля и Даша молча вздохнули. Весь театр знал, какие проблемы были у Сони.

– Переселяйся к нам, – предложила Даша, гася окурочек, –

вот комната для тебя! Нам вдвоём платить за эту квартиру дорого, а троём – нормально. Сколько ты ещё будешь мучиться с этой пьянью?

– Да я везде буду мучиться, – проронила Соня и улыбнулась, – мне никуда не уйти от этого! Я ведь проклята.

Эта тема также была известна. Эля и Даша одновременно бросили взгляд на маленькие часы, стоявшие на комод. Это не ускользнуло от Сони.

– Вот пригласить Риту на спектакль можно, – поторопилась Даша прервать неловкую паузу, – а почему бы и нет? Давайте её на "Не покидай меня" позовём.

– Ты с ума сошла? – удивилась Эля, – Волненко будет наигрывать, всё испортит!

– Ну, тогда можем на "Три сестры" пригласить. Волненки там нет уже почти год.

– Так Соня ей всё расскажет, и она там окажется вместо Аси, которая заболит! Ася ей будет крайне признательна.

– Ой, как хочется закурить, – произнесла Соня и взяла кружку. Сделав глоток, решительно поднялась. Ей было уже пора.

– Посиди ещё, – предложила Эля.

– Нет уж, пойду.

Её проводили нетерпеливыми поцелуями. Открывая дверь, она провела рукой по дашкиным волосам.

– Как бы Митрофанович тебя завтра налысо не обрил! Ты зря это с ним не согласовала.

– Ну, вот ещё! Карина почти каждую неделю красится в
новый цвет.

Эля усмехнулась.

– Это Карина! Ей можно всё.

Идя вниз по лестнице, Соня вынула телефон и набрала
номер Аньки Волненко.

Глава шестая

Тамара Харант и скрипачка Вера Салей встретились в четверг, очень поздним вечером, на станции метро «Семёновская», у третьей колонны. Вера приехала со стороны центра. Она была с инструментом.

– Как отыграла корпоративчик? – поинтересовалась Тамара, когда они поднимались по эскалатору.

– Так себе. Контингент был вполне вменяемый. Но девчонка – тупая! Просто тупая. Жаль, что ты не смогла.

– Ой, не говори! Я Дашку, суку, убью! Что ей стоило подменить меня в «Бесприданнице»? У неё, видите ли, планы на вечер! Знаю я эти планы. С Лёшкой пошла в бассейн. Просто мразь!

– Да ладно! Может, оно и к лучшему. На корпоративе ты бы, скорей всего, нажралась.

– Верка, не гони! Я что, идиотка?

– Да.

Выйдя из метро, они закурили под фонарём.

– Давай постоим, – предложила Верка, глядя по сторонам, – я думаю, ещё рано.

– Я без колготок!

– У тебя брюки тёплые.

Было градусов восемь ниже нуля. Несмотря на позднее

время, машины шли мимо площади сплошняком. Трамваев с маршрутками ждали целые толпы. Кинотеатр на противоположной стороне улицы весь мерцал голубой подсветкой.

– Если тебя возьмут, ты сможешь работать разве что по ночам, – заметила Верка, сплюнув. Она была невысокая, тонкая, сексапильная, с выразительными глазами и крупным носиком. Одевалась дорого.

– У меня других вариантов нет, – сказала Тамара, ёжась в своей потёртой дублёнке, – вот нет, и всё! Хоть ты обосрись.

– Дура! Ты говорила, что от Артурчика даже дерево залетит!

– Значит, я – тупее, чем дерево.

– Да сходи к другому врачу! В Москве этих клиник – больше, чем булочных, твою мать!

– Верка, отвяжись! Сказала – без вариантов, значит – без вариантов.

Скрипачка шумно вздохнула.

– На хер тебе ребёнок? Ты говорила миллион раз, что детей не хочешь и не захочешь!

– А Артур хочет. Мне – тридцать семь, ему – двадцать шесть, и он офигенный! Где я такого ещё найду?

– И сколько стоит ЭКО?

– Триста косарей.

– Ох, я не могу! Зоопарк какой-то! Пошли.

По покрытой льдом Щербаковской улице народ двигался, в основном, к метро.

– Тамарка, я тебя сразу предупреждаю, что это – в последний раз, в первый и последний! – пищала Верка, ежеминутно с кем-то сшибаясь и энергично размахивая футляром, чтоб от неё шарахались, – я не буду работать в баре! Мама меня за это сожрёт с говном! Поняла?

– Поняла, заткнись!

– Ой, я падаю! Ой! Тамарка, какого лешего ты меня подпрыгла на это дерьмо? Ведь вы же все вместе договорились у Светки на новоселье закорюфаться с этой девкой!

– Во-первых, там и Волненко будет. А это значит – конец всему. Во-вторых, мне лучше без этой девки сразу закорюфаться с Хордаковским!

Тамара могла бы говорить тише. Человек сорок остановились и провожали её глазами, пока она не исчезла среди других прохожих.

– Думаешь, он тусуется в этом баре? – визжала Верка, пытаясь не отставать от неё, что было довольно проблематично.

– Всё может быть.

– Я сейчас башку себе разобью! Тут скользко! Где этот бар?

– Да вон он, за магазином!

У Верки было слабое зрение.

– Где? Не вижу!

– Да вон, весь светится! Ой, что там нарисовано!

– Что, что, что?

– Красивая девка с голыми сиськами и с бокалом! Это

Патриция Хольман, что ли?

На самом деле нужно было пройти ещё целых два магазина – «Автозапчасти для иномарок» и «Снежную королеву». Оба они были огромные. Разглядев метров через сто Патрицию Хольман, Верка хихикнула.

Перед самым порогом бара одна нога у Тамары вдруг заскользила вперёд, вторая последовала за ней, и произошло падение – с воем, с визгом, с матерной бранью. Скрипачка с таким же визгом ринулась к пострадавшей, чтоб либо её спасти, либо умереть от горя над её трупом. Но ни того, ни другого сделать ей не пришлось. Тамару галантно поднял мужчина. Он выходил из большого чёрного «Мерседеса», который подкатил к бару и занял место среди полутора десятков столь же великолепных автомобилей.

– Ну, вы даёте, – сочувственно произнёс джентльмен, рукой в кожаной перчатке отряхивая артистку сзади, – У вас всё цело, мадам? Может быть, в больницу вас отвезти?

– Нет, нет, всё нормально!

Не обращая внимания на кудахтавшую то справа, то слева Верку и потирая зад, ужасно невовремя получивший два синяка, Тамара прищурилась на мужчину. Он был чуть младше её, чуть пониже ростом, хорош собой и одет под стать «Мерседесу» – расстёгнутое пальто, костюм, чёрные ботиночки, галстук. Взгляд его был пытливым, но добродушным.

– Спасибо вам, – сказала Тамара, морщась от боли, – вот идиоты! Не могут лёд сколотить перед своим баром! Я могла

запросто сломать ногу!

– Нельзя ломать такое сокровище, – засверкал актёрской улыбочкой мерседесовладелец. Ох, до чего же он был хорош!

– Мы в суд на них подадим! – верещала Верка, – мы зарабатываем кучу денег!

– Вы проиграете суд во всех трёх инстанциях, – возразил мужчина. Верка непонимающе засопела.

– Но как же так? Ведь здесь – голый лёд! Вот, прямо перед ступеньками! У неё синяки, наверное, появились! Сейчас мы пойдём в травмпункт и всё задокументируем.

Джентльмен внимательно выслушал аргументы Верки, затем кивнул и задал довольно странный вопрос:

– Вы зачем хотели сюда войти?

– Мы ищем работу в баре, – сказала в ответ Тамара, – у нас есть номер. Она играет на скрипке, а я танцую стриптиз.

– Стриптиз? Под скрипку?

– Да, без шеста. Под классику, блюз и танго.

– И вы пришли сюда в первый раз?

– Совершенно верно.

– Ну, хорошо. Пойдёмте. Меня зовут Алексей.

Две дамы представились. Алексей, не слушая их, взошёл на ступеньки и открыл дверь. Служительницы искусства смело вошли. Тамара при этом пихнула скрипачку локтем – дескать, что, поняла, как надо?

– Со мной, – бросил Алексей охранникам в смокингах, войдя следом, – Арина сейчас на месте?

– Да, у себя.

Сдав свои пальто в гардероб, Алексей и две его спутницы поднялись по мраморной лестнице к другой двери. Её открыл ещё более представительный и холёный охранник, стоявший возле неё так окаменело, что Верка вздрогнула, когда он вдруг взял да и положил ладонь на дверную ручку.

Бар соответствовал своему названию лишь отчасти. Да, на стенах висели огромные фотографии раритетных автомобилей. Да, свет тонул в каком-то сизом тумане. Да, позади барной стойки поблёскивал в полутьме большой медный щит. Но за этой стойкой вместо полуседого кельнера с аккуратным пробором стояла стройная ослепительная блондинка с лицом шотландского типа и украинской причёской – нет, не коса вокруг головы, а что-то сродни хохоту в гробу. Шотландская панночка была в галстуке и жилетке поверх крахмальной сорочки, а её тусклые, ледяные глаза из-за макияжа казались ещё и очень зловещими. Несмотря на все эти ухищрения, посетители бара сидели только за столиками. Едва ли леди с косой по этому поводу горевала. Она слегка улыбалась, положив руки на стойку, и отбивала пальцами ритм негромкого блюза, который плыл из великолепных динамиков.

– Здесь, пожалуйста, подождите, – указал Алексей на две табуретки около стойки, и, обогнув последнюю, тут же скрылся в каком-то дверном проёме.

Оказавшись под удивлёнными взглядами завсегдатаев

элитного заведения, две работницы театра не стушевались. Взобравшись на табуретки, они скептически изучили ассортимент, потом закурили и заказали по сто грамм рома «Баккарди».

– Колой разбавить? – осведомилась блондинка.

– Мне – да, – ответила Верка, – и бросьте ещё в бокал два кусочка льда, если вам не сложно.

– А мне налейте колы отдельно, – потребовала Тамара, – и кстати, как вас зовут?

– Меня зовут Вика.

– Классное имя, – кивнула Верка, умевшая извлечь толк из любой блондинки, – и классный носик.

– Ваш носик гораздо оригинальнее, – изрекла блондинка чистую правду и шустро выполнила заказ. Когда две подруги сделали по глотку, она поинтересовалась:

– А это скрипка?

– Скрипелка, – махнула Верка рукой, – скрипка начинается с двадцати тысяч долларов.

– О! А сколько стоит ваш инструмент?

– Семнадцать.

– Ого! И где вы на нём пиликаете?

– В раю, – сказала Тамара, – любое место, где Верочка начинает играть, становится раем. По крайней мере, так кажется всем, кто слушает.

– В это очень легко поверить. Она похожа на ангелочка.

– Точно! Безгрешное существо. Четыре аборта сделала ис-

ключительно потому, что у нас в театре сперма распространяется как зараза, воздушно-капельным образом.

– Тьфу, скотина! – фыркнула Верка, слегка забрызгав по-другу ромом, – вот тварь!

На официантках, обслуживавших столики, также были жилетки поверх крахмальных рубашек, узкие юбки, подчёркивавшие стройность их бёдер, и мокасины. С клиентами девушки разговаривали подчёркнуто-деловито, на грани дерзости. Вероятно, таков был стиль заведения.

Ром ударил Тамаре в голову моментально.

– А ты когда-нибудь видела Хордаковского? – привязалась она к скучающей Вике. Та улыбнулась.

– Видела.

– Здесь?

– Да, здесь.

– И как он?

– Да ничего.

– А этот вот Алексей – он кто?

– Спроси у него, – пожала плечами Вика.

– А у тебя что, язык отвалится, если скажешь?

– Отвалится, потому что мне его оторвут.

– Да кому он нужен?

– А ну, отстань от неё! – жёстко пресекла нелепый конфликт скрипачка, – она работает!

– Ах, работает? Зашибись! Хороша работа! Мне бы такую. Да, видать, рылом не вышла!

Вика немедленно начала протирать бокалы.

– Вам повторить? – холодно спросила она Тамару, как только та допила свой ром.

– Повторить. И глупых вопросов не задавать.

Шотландская леди взяла бутылку. Взгляд её был таков, что Верка перепугалась. Она решила – бутылка будет разбита об лоб Тамары. Но нет, ром хлынул в бокал. Всосаться в него Тамара, к своей досаде и к величайшей Веркиной радости, не успела, поскольку в этот момент пришёл Алексей. Он был не один. Ему сопутствовал ещё более молодой, атлетичный, рослый, с весёлым взглядом и благородным носом блондин в толстовке и джинсах. Он был небрит. От него буквально веяло смертоносной для женщин наглостью. Верку он удостоил полусекундным взглядом, а на Тамару уставился, в показном восхищении раскрыв рот. Вика усмехнулась.

– Дамы, вас ждут в кабинете администратора, – произнёс Алексей, мотнув головою в сторону коридорчика, из которого вышел вместе с блондином. Сразу забыв о тех, к кому обращался, он сделал шаг к выходу из бара. Но ускользнуть от пьяной Тамары было не так-то просто.

– Одну минуточку, – ухватила она его за рукав, – вы – друг Хордаковского?

Алексей взглянул на неё растерянными глазами.

– Что вы сказали?

– Я спрашиваю, вы друг Михаила Борисовича?

– А что?

– Ответьте, ответьте! Мне интересно.

Верка закатывала глаза. Вика протираала бокалы. Блондин был в диком восторге.

– Мне кажется, вы теряете время, – проговорил Алексей, выдернув рукав из пальцев Тамары. Но его тут же взял за рукав блондин.

– Лёха, Лёха, Лёха! Мне очень хочется это видеть. Я посмотрю. Пять минут. Окей?

– Но только не дольше. Я жду в машине.

И Алексей стремглав убежал, дабы уберечь свой рукав от очередной дурасти.

Не успели артистки слезть с табуреточной высоты, как на плечи им властно улеглись ручищи блондина.

– Ой, вы, милашечки! – с хохотом кричал он, лихо увлекая их в коридорчик, – сколько ж вы выпили? По сто грамм? Ой, какие лапочки! Маргарита Викторовна! Арина Юрьевна! Принимайте! Смотрите, какие это очаровашечки!

Кабинет, куда хохотун втолкнул двух приятельниц, оказался весьма просторным. Рита сидела в кожаном кресле, положив ноги на стул, и пила ликёр из бутылки. Её высокие сапоги валялись поблизости. Главный администратор бара, Арина Вронская, за большим офисным столом пила кофе. Кроме бокала с изображением полуголой туберкулёзницы, украшавшей наружный вход, перед ней стояли пепельница с бычками в помаде и моноблок компьютера «Макинтош».

– О, Денис Антонович, вот и вы! – вскричала Арина, выта-

рашив глаза на весельчака, по-прежнему обнимавшего своих спутниц, – какое счастье! А мы уже успели соскучиться. Целая минута прошла с тех пор, как мы распрощались с вами навеки!

– Арина Юрьевна, вы, конечно, имеете право иронизировать! Через пять минут я уйду. Я просто не смог отказать себе в наслаждении посмотреть, как женщина раздевается. Вы ведь знаете, как я вас всех люблю – молоденьких, длинноногих!

Белозубо смеясь, блондин сделал шаг к свободному креслу и примостился на подлокотник. Рита с досадой цокнула языком и пошевелила пальцами ног, обтянутых чёрной тканью колготок. Бросила взгляд на часики. Воцарилось молчание, крайне тягостное для Верки. Рассеянный, злой взгляд Риты с предельной ясностью говорил о том, что более неудачный момент для знакомства с нею трудно было бы выбрать. Тамара также чувствовала себя неловко, что было ей не очень-то свойственно. Сто грамм рома как будто вдруг испарились из организма. Пока она собиралась с мыслями, чтоб решить, с чего начать разговор, Арина сама его начала:

– Ну, что вы умеете? Раздеваться? Так раздевайтесь! У нас для вас – пять минут, и то лишь в том случае, если будет на что смотреть.

– Большое спасибо, – произнесла Тамара и огляделась, – Можно я возьму стул?

– Берите, но не ломайте.

Рита убрала ноги со стула. Переставив его на самую середину комнаты и проверив, крепок ли он, Тамара сняла ботинки. Ни носков, ни колготок под ними не оказалось. Верка, тем временем, извлекла из футляра скрипку с тусклым янтарным отсветом и смычок. Футляр взял блондин, после чего Верка слегка подстроила основной инструмент и винтиком натянула волос смычка. На Тамаре были тщательно выглаженные брюки, блузка и пиджачок.

– Что тебе играть? – сердито спросила Верка, вскинув скрипку к плечу.

– Сен-Санса.

– Тамарка, я тебе уже объясняла, что для Сен-Санса нужен ещё рояль!

– Ну, поиграй Брамса.

– Пятый или второй?

– Второй.

Смычок потянулся. Тонкие ноздри Верки раздулись, её левая рука скользнула по грифу в третью позицию. Скрипка взвыла проникновенно, глубоко, страстно. Танец, который поставил и скрупулёзно отрепетировал Виктор Левин, Тамара пятьдесят раз уже исполняла без единой ошибки. Она как будто не сбрасывала с себя предметы одежды, а незаметно выскользывала из них – то двигаясь вокруг стула, как потревоженная пантера, то становясь на него коленками, то ложась животом и вытянувшись в струну параллельно полу. Сначала на пол упал пиджак, после него – блузка. Медленный темп

венгерского танца взвился, как пламя. Из брюк Тамара выползла столь изящно, что привкуса дурновкусия не возникло ни у кого. Оставшись в одном белье, она оседлала стул, и, зацепив стопами две передние его ножки, стала откидываться назад. Казалось, что стул вот-вот опрокинется. Но нет – руки Тамары коснулись пола. Затем на него легли и чёрные волосы. Неожиданным и волшебным образом слетел лифчик, как в старом советском фильме.

Видимо, Рита его и вспомнила, потому что внезапно расхохоталась, поставив на пол бутылку. Смех её был почти истеричным. Он испугал скрипачку. Она взяла фальшивую ноту, а потом сбилась совсем. Опустила скрипку. Тамара выпрямилась. Вскочила. Она была раздосадована. Поймав её взгляд, Рита перестала смеяться.

– Прошу прощения. Это было очень забавно. Стриптиз под классику! Обалдеть!

– Вот именно, обалдеть, – очень суетливо согласился Денис, взглянув на часы. Отдав футляр Верке, он быстро встал, подобрал пиджак и нежно укрыл им голые плечи Тамары, не преминув мимолётно коснуться ртом одного из них. Тамара не шевелилась. Она пыталась понять, что думает о ней Рита.

– Денис, признайтесь, часто вам приходилось одевать женщин, раздевших не для вас? – съехидничала Арина.

– Я, если честно, ни разу ни одной дамы не одевал, – хихикнул Денис, – такая вот я свинья! Но я ни разу и не был в таком восторге. Эх, жаль, прошли пять минут! Мне пора

бежать. Побегу. До встречи!

И убежал. Едва дверь за ним закрылась, Тамара, бросив пиджак на стул, стала одеваться. Верка молча совала смычок и скрипку в футляр. Арина докуривала, стуча по столу ногами. Она при этом не отрывала взгляда от двери, как будто это был телевизор.

– Лак, – вдруг сказала Рита, когда Тамара зашнуровала ботинки и опять выпрямилась.

– Что – лак? – не поняла та. Внимательно глядя на её руку, которой она разглаживала свою голубую блузку, сбивая с неё соринки, Рита взяла бутылку и чуть-чуть выпила.

– Ногти лучше покрыть ярко-красным лаком. Бесцветный в зале будет смотреться так, будто его нет. Это не годится. Аринка, ты как считаешь?

– Забей ты на этот лак, – сказала Арина, – ей бы причёску сделать посовременнее.

– Вот уж это никак нельзя! – переполошилась Тамара, взглянув на Верку с такой мольбой, будто лишь она могла спасти ситуацию, – Меня режиссёр за это утопит! Я ведь играю классику!

– Ты работаешь в театре? – вяло спросила Рита, вытянув ноги. Тамара поторопилась стул к ним придвинуть, и бизнес-леди вновь возложила их на него.

– Да, вместе со Светочкой, – объяснила актриса, – с вашей соседкой. Она сказала мне, что вы вроде как собираетесь танцевальное шоу устроить у себя в баре, рассматрива-

ете какие-то варианты. Вот я подумала...

– Поняла. Как тебя зовут?

– Тамара Харант.

Хоть этот ответ для Риты был ожидаемым, с её губ сорвался невольный взглас:

– Ага!

Она очень долго не отрывала глаз от Тамары. Потом скосила их на скрипачку.

– А это Вера Салей?

– Совершенно верно, – отозвалась музыкантша.

Рита задумалась.

– Хорошо. Очень хорошо. У вас ещё есть готовые танцы?

– Да, – сказала Тамара, – и очень много. Штук двадцать, если не больше.

Верка с готовностью закивала. Правда, кивнула она всего лишь пять раз, давая понять, что есть у неё одно небольшое «но». Никто этой тонкости не заметил.

– Как мы оформим их? – обратилась Рита к Арине.

– Официантками, – был ответ, – мы ведь не проводим здесь никакие зрелищные мероприятия. Правильно?

– Нет, меня оформлять не надо, пожалуйста, – воспротивилась Верка, – я взялась только помочь Тамаре устроиться на работу. С музыкой вам придётся как-то решать вопрос.

– Хорошо, решим, – согласилась Рита, – живая музыка, в принципе, не нужна. А вот над костюмами надо будет подумать. Тамара, ты сможешь начинать в десять?

– По понедельникам – да. За прочие дни я не поручусь, всё будет зависеть от репетиций. Но уж никак не позже одиннадцати! И больше четырёх раз в неделю я не смогу работать. Физически не смогу.

– Хорошо, годится. Насчёт оплаты за смену или за выход с Ариной потом решите.

Верка была немного обескуражена тем, что её отказ от сотрудничества не вызвал ни у кого никаких эмоций. Защёлкивая футляр, она поинтересовалась:

– А что, её обязательно оформлять по полной программе? В толк не возьму, зачем?

– У официантки медкнижка ведь должна быть, – спохватилась Рита, на Верку даже и не взглянув, – Арина, мы сможем это как-нибудь обойти?

– Сможем, но зачем? Пускай сделает медкнижку. Клиника – здесь, на соседней улице. Послезавтра Наташка, кстати, туда пойдёт продлевать свою. Она там всех знает. Пусть идут вместе.

– Ладно, я с репетиции отпрошусь, – кивнула Тамара, – в субботу, да? А во сколько?

– А я сейчас её позову, – предложила Рита, – договоритесь.

Соскочив с кресла, она без обуви торопливо вышла из кабинета.

– Паспорт с собой возьми, – сказала Арина, – и предварительно с ним подойди ко мне. Я выдам тебе запрос.

Тут вернулась Рита. С ней вошла рослая молодая официантка с очень красивым личиком и каштановыми кудрями, отчасти скрытыми под косынкой. Хищно накрашенные глаза девчонки смотрели холодно, тяжело. На её губах лежала помада с блёстками.

– Вот она, – указала Рита на повернувшуюся Тамару. Официантка прошлась по ней быстрым взглядом и улыбнулась левым уголком рта.

– Я пойду туда к десяти. Устраивает?

– Вполне, – сказала Тамара, – а где встречаемся?

– Возле бара. Риточка, я могу идти?

– Да, иди.

Наташа кивнула и удалилась с такой надменностью, будто всех послала сейчас на три буквы.

– Вот лошадь-то, – хмыкнула Арина, – мозги ей надо проверить.

Рита, не отвечая, уселась в кресло. Было понятно, что она уже думает о другом.

– Мы тоже можем идти? – спросила Тамара.

– Да, разумеется. Телефон твой у Светки есть?

Тамара ответила утвердительно.

– Ну, до встречи тогда. Пока.

– До свидания, – проронила Верка и вышла. Тамара было направилась вслед за ней, но остановилась.

– Чуть не забыла. За ром платить Вике надо?

– За какой ром? – с досадой спросила Рита.

– Мы выпили по сто грамм «Баккарди».

– Нет, никому ничего не надо платить. Иди.

Плотно прикрыв дверь с другой стороны, Тамара решила возле неё постоять. Несколько секунд за дверью молчали.

Потом послышался голос Риты:

– Да на него уже дело шьют!

– На Платона?

– Да.

– Слушай, ведь если даже я скажу этому уроду, что у меня таких полномочий нет, он вряд ли отвяжется!

– От него-то что, вообще, зависит? Он понтоваться ходит сюда.

– Вот это не знаю. Чтоб они сдохли! Все! И откуда Ельцин вытащил эту крысу?

Дальше уже Тамара не слушала, потому что Верка крикнула ей из зала, что больше ждать её не намерена.

Весь обратный путь они обсуждали театр. Расстались на кольцевой. Тамара жила в общежитии на Китай-Городе, Верка – с мамой, в Реутово. Сняв пиджак после ужина и на всякий случай проверив его карманы, Тамара вдруг обнаружила в боковом какую-то пластиковую карточку. Это была визитка. Денис Антонович Светенков являлся оперуполномоченным ФСБ.

Глава седьмая

В клинику с Тamarой пошла не только официантка Наташа, но и барменша Вика, тридцатилетняя белокурая дрянь шотландского типажа. Ей также пора было продлевать свою санитарную книжку. Бланк этого документа Тамара приобрела накануне. В регистратуре ей и двум её спутницам выдали обходные листы на семь кабинетов. За час они прошли шесть. Седьмым и последним пунктом в их направлениях был анализ на энтеробиоз. Оказалось, что энтеробиоз можно сдать в любом из двух кабинетов, семнадцатом и двадцатом. Очередь, состоявшая преимущественно из женщин молодых лет, в семнадцатый кабинет была чуть длиннее. Это у Вики вызвало любопытство.

– А почему сюда меньше народу заняло очередь? – обратилась она с вопросом к шатенки в строгом костюмчике и с планшетом, сидевшей перед двадцатым. Дама не сразу оторвала глаза от планшета, в котором она вела какую-то переписку. Её дерзкое лицо с пухлыми губами сквозь секретарскую холодность оживилось скучающим дружелюбием, и она объяснила:

– Здесь на глистов проверяет парень. Ну, практикант! Конечно, такой анализ сдавать медбрату малоприятно, но Мне моё время дорого. Да подумаешь, энтеробиоз! Обычный ана-

лиз. Даже и думать об этом нечего. Вполне штатная ситуация.

Три работницы бара полностью согласились с деловой дамой и заняли за ней очередь в двадцатый. Сели на стульчики. Вика сразу стала листать глянцевого журнала, который она минуту назад взяла с какого-то подоконника.

– Долго, вообще, проверяют? – полюбопытствовала Тамара, движением головы указав на дверь кабинета. Официантка, строча какую-то эсэмэску, дала ответ:

– Как правило, полминуты. Но у студента всякое может быть.

Тамара поморщилась. Ей хотелось выйти на улицу покурить, но она боялась, что не успеет. Очередь, впрочем, едва-едва продвигалась. Немногословная Вика, одетая очень стильно, шуршала глянцевыми страницами, останавливая внимание на моделях в кожаных брюках. Она сама казалась одной из них, да притом не худшей. Стильными у неё были и макияж, и укладка. Видимо, после кабинета с табличкой «20» её ожидало нечто не менее романтическое. Про Тамару сказать такого было нельзя, хоть её ждал вечером бал. В доме Капулетти. Взглянув на очередь, она всё же решила, что две или три затяжки сделать успеет. Но тут её телефон вдруг заулюлюкал. Она достала его. Номер показался смутно знакомым. Он вызывал какую-то подсознательную тревогу, и брать звонок не хотелось. Пока Тамара пыталась вспомнить, где она могла видеть этот порядок цифр, телефон умолк. Он

был раскладной. Тамара его защёлкнула и задумалась. Этот странный звонок испортил ей настроение ещё больше. Тут и Вика плеснула масла в огонь. Подарив журнал офисной шатенке, которая начала скучать, ибо убрала свой планшет, она обратила пристальное внимание на изгиб бровей другой девушки, выходявшей из кабинета. Этот изгиб был красноречив, и Вика не удержалась от замечания:

– вот нашли куда посадить мальчишку из медучилища! Вообще, что ли, идиоты?

– Не всё ли тебе равно? – зевая, пробормотала Тамара. В этот момент шатенка, медленно перевернув журнал до рекламы спортивного «Мерседеса», вскрикнула:

– О! А вот это тема! Это мне нравится!

– Со студентом, особенно с пацаном, нетрудно договориться, – громко сказала Наташа, – рублей за триста-четырееста он легонько палочкой проведёт, и тогда анализ получится идеальный.

Эти слова слышала вся очередь. Не обрадовалась им, кажется, только Вика. Прошло ещё минут пять. Разглядывая красавиц, которые горделиво шагали мимо неё после посещения кабинета, Тамара думала, что любая из них смогла бы сыграть леди Капулетти как-нибудь на свой лад, и вряд ли спектакль от этого стал бы хуже. Официантка будто подслушала её горькие мысли. Ей стало вдруг интересно, где обучают актёрскому мастерству, и под издевательский стон со стороны Вики она об этом спросила.

– Ну, я окончила Школу-студию МХАТ, – сказала Тамара, – из крутых вузов есть ещё ВГИК, «Щука», «Щепка» и ГИТИС.

– А ты в кино не снимаешься?

– Да снялась в паре эпизодов какого-то сериала. Даже и вспоминать об этом не хочется.

– А ты замужем?

– Да, – бросила Тамара, поколебавшись.

– А как муж смотрит на то, что ты – стриптизёрша?

– Я, прежде всего, актриса. И он актёр.

Вскоре подошла очередь шатенки. Оставив журнал на стуле, она сперва приоткрыла дверь и спросила:

– Можно?

Ответ последовал утвердительный. В кабинете офисная сотрудница пробыла несколько минут. За дверью часто слышался её голос, иногда – смех. Потом рассудительная шатенка вышла, непроизвольно оглаживая рукой подол юбки сзади. Но, судя по глазам, её убеждённости в правильности выбора кабинета выдержала удар.

– Можете зайти, – мельком улыбнулась она Тамаре и её спутницам. Те вошли в кабинет втроём. Медбрату на вид было лет семнадцать. Он деловито сидел за большим столом, снимая резиновые перчатки. Три пациентки сдали ему медкнижки и обходные листы. Он их просмотрел, а затем раскрыл какой-то журнал и стал с важным видом что-то в него записывать. Вдоль стены стояли три стула. Дамы при-

сели, внимательно наблюдая за медработником. У Тамары мысли никак не могли отлипнуть от предстоящего бала. Она думала-гадала, как бы устроить так, чтоб Карина с Дашкой в самом начале сцепились и репетиция была сорвана. А ещё ей очень хотелось съездить юному фельдшеру по мордасам справа и слева, чтоб он не задира л нос. Она почему-то не сомневалась, что этот мальчишка – девственник. Вика также разглядывала его, как пятно на скатерти. А Наташка решила к нему пристать.

– Ты практику здесь проходишь? – осведомилась она, вкладывая в голос большую дозу паскудства. Ответом ей был кивок.

– Какой молодец! Где учишься?

– В колледже при мединституте. На втором курсе.

– Как, только на втором? А ты у меня совершеннолетний?

– Какая разница? Я не пиво у вас беру.

Это проявление остроумия побудило Тамару насмешливо поднять бровь, а Вику – заойкать. Вооружившись печатью, мальчишка проштамповал направления и спросил:

– Так это тот самый бар, который недалеко отсюда?

– Именно он, – кивнула официантка, – теперь у нас там будет ночной стриптиз. Приходи, посмотришь! Тебе ведь сиськи здесь не показывают.

Взгляд медработника отразил живейшее любопытство.

– А там какого размера сиськи у стриптизёрши?

– В точности моего, – решительно пресекла этот разговор

Тамара, – мы, вообще, спешим.

Студент на одну секунду встретился с ней глазами, после чего очень торопливо надел новые перчатки, пинцетом взял из лотка квадратный отрезок скотча и огласил фамилию Вики. Та улыбнулась, глядя на скотч с холодным недоумением, потом встала и подошла. Она была ростом выше Тамары, а в модных зимних ботинках, которые прибавляли ей сантиметров пять, вообще казалась баскетболисткой. Студент взволнованно засопел, скосив на неё глаза.

– Снимайте штаны, – сказал он нетвёрдым голосом, – раздвигайте попу руками.

Бледное, сероглазое лицо Вики стало таким, как будто её призвали снять королевскую мантию и раздвинуть пределы своей страны, встав во главе армии.

– Любопытно, – проговорила она, вытягивая ремень из брючных петелек, – а девушка в прошлый раз мне велела только спустить трусы до колен, и всё!

– Так то была девушка, – объяснила официантка, – а это, кажется, мальчик. Тебе что, жалко?

– Тебя, – дала ей загадочный ответ Вика, расстегнув брюки. Затем она повернулась, спустила брюки с трусами ниже колен и, задрвав рубашку, подставила второкурснику обнажённые ягодицы. Глядя на дверь, стала развивать с ним конфликт уже по другому поводу: – Я не знала, что и у взрослых тоже берут энтеробиоз скотчем! Была уверена в том, что только у школьников.

– А вы разве не старшеклассница? – расхрабрился мальчишка, видя перед собой уже не глаза высокой шотландской леди, а куда более прозаичную грань её совершенства, – я думал, что вам – шестнадцать! Присядьте и разведите руками ягодицы.

Вика присела, раздвинула, но сперва изогнула шею и поглядела в глаза недоумку так, что он чуть не сдох. Нужны были ей всякие дурацкие комплименты от проверяльщика задниц!

– Давно у вас геморрой, Виктория Дмитриевна? – опять заумничал тот, немного остыв. Вика безразлично ответила, что недавно. Когда студент заклеил её заднюю кишку квадратиком скотча, Тамара не удержалась от бессловесного восклицания.

– Да, и так – каждые полгода, – нравоучительно покосилась на неё Вика, – а куда денешься? Попу тоже проверять надо. Мы ведь работаем не с дровами, а с пищевыми продуктами!

– Это правда, – не стала спорить Тамара, – я – так уж точно! Место моей работы – овощной склад, который называли театром, чтобы получать на него бюджетное финансирование.

Наташа и Вика, крепко сжимавшая пальцами ягодицы, стали хихикать весьма приятным дуэтом. Студент, прижимая скотч к раздвинутой попе шотландской леди маленьким шпателем, улыбнулся. Потом сказал, содрав скотч с помо-

щью пинцетика:

– Всё, Виктория Дмитриевна. Вы можете одеваться. Вашу медкнижку сейчас тоже проштамую.

– Благодарю.

Продолжая ржать, Виктория Дмитриевна стремительно натянула штаны и, взяв со стола медкнижку, умчалась почти бегом. Видимо, тоска по романтике обострилась.

Защёлкнув дверь на щеколду, с неторопливым достоинством оголила зад перед бойкой недорослью Наташа. Ягодицы она раздвинула широко, наклонилась низко. Когда студент начал брать мазок, она неожиданно зашлась смехом.

– Вам что, щекотно? – беспокоился практикант.

– Смешно!

Студент сдёрнул скотч.

– Одевайтесь.

Вернув на прежнее место трусы с колготками и одёрнув длинную юбку, официантка заметила:

– Ты, дружок, теперь обязан на мне жениться!

– Тамара Викторовна, снимайте штаны, – очень торопливо и резко скомандовал практикант, хоть названная им дама уже вставала со стула. Официантка обиделась и уселась, чтобы её подождать. Свою свежештампованную медкнижку она у мальчика забрала. Тамара решила всё сделать быстро, без балагана. Расстёгивая ремень, она подошла к медработнику и состроила ему глазки, но, тут же вспомнив о принятом три секунды назад решении, развернулась и Заголилась.

Когда она подставляла свои упругие ягодицы под скотч, мобильник в кармане спущенных брюк опять заиграл. Сказав «Твою мать!», актриса его достала. Номер был тот же, смутно знакомый. Как было устоять перед искушением обложить приставалу матом?

– Алло!

– Добрый день, Тamarочка, – прозвучал весёлый и также смутно знакомый голос, – как поживаете?

– Это кто? – спросила Тамара.

– Не узнаете? Всё у меня стандартное – и лицо, и рост, и походка, и даже голос! Для спецслужбиста это, конечно, очень даже неплохо, но для мужчины...

– Денис Антонович, это вы?

– Нет, это не я. Для вас я – просто Денис. Мы с вами ровесники и, мне кажется, почти жаждем узнать друг друга поближе.

– Я не могу сейчас это обсуждать. Кто дал вам мой телефон?

– Тamarочка, это очень странный вопрос! Ваш телефон есть во всех актёрских агентствах. А мы, агенты, рады помочь друг другу.

– Я поняла. Больше говорить не могу – на мой голый зад сейчас с нетерпением смотрит один симпатичный мальчик, студент медколледжа. До свидания.

И Тамара нажала сброс. Пока она закрывала и убирала мобильник, официантка смеялась, а симпатичный мальчик

отчаянно возмущался:

– Тамара Викторовна, там очередь на весь коридор, а вы тут меня задерживаете! Ведь можно через минуту по телефону поговорить! Раздвигайте попу, живее!

– Прошу прощения, – улыбнулась Тамара и выполнила приказ за одну секунду. Глядя на пряжку ремня, качавшуюся у пола, она задала вопрос: – Ну, много там интересного, молодой человек? Случайно, больничного не видать?

Наташа опять хихикнула, потирая пальцем уголок глаза. Но балаган был устроен зря.

– Скажите, пожалуйста, у вас попа не чешется по утрам? – спросил медработник, действительно приглядевшись.

– Смотря кто рядом лежит, – снова рассмешила официантку Тамара, – шучу, никогда не чешется!

– А животные дома есть?

– Ты сперва спросил бы, есть ли у меня дом! У мамы – собака. Но мы едим из разных тарелок.

– У вас три прыща на попе, – усилил натиск студент, видимо, припомнив, что у его собеседницы две работы, – эти прыщи очень подозрительны. Надо их обязательно показать дерматовенерологу. Вам придётся опять его посетить.

Взглянув на официантку, которая широко зевала, Тамара негромким голосом предложила двести рублей. Мальчишка обиженно засопел.

– У вас целых три прыща!

– Хорошо, пятьсот! Ты только представь, сколько эскимо

ты сможешь купить на такие деньги! Не будь ослом, соглашайся!

Юный наглец промолчал. Насмешливо выпрямившись и сделав пол-оборота, прима театра с трусами ниже колен достала из пиджака купюру. Шустрый подросток схватил её без смущения, но мазок после этого взял очень деликатно и быстро, как только прима вновь перед ним раскрылась во всей красе. Несмотря на это, пятьсот рублей было жаль. Застёгивая ремень, Тамара сломала ноготь большого пальца.

– Так вы работаете в театре? – спросил у неё студент, ставя штамп в медкнижке.

– Тебе-то что?

– Может, пригласите, когда хороший спектакль будет? Моя девушка обожает ходить по театрам.

Тамара открыла рот, желая послать нахальное недоразвитое ничтожество на три буквы, но передумала, рассудив, что лучше пока не ссориться с этим мальчиком.

– Хорошо, диктуй телефон.

Он продиктовал. Она внесла номер в базу.

– Я позвоню.

– Большое спасибо, Тамара Викторовна. Вот ваша медкнижка.

– Тебе спасибо. До встречи.

Одарив взяточника улыбками, дамы гордо покинули кабинет. Забрав в гардеробе куртки, они с большим удовольствием вышли вон из мерзкого учреждения.

Закурили. Светило солнце. Мороз был градусов пять.

– А знаешь, кто его девушка? – вдруг спросила Наташа, пуская дым изо рта.

– Откуда я могу это знать? А ты разве знаешь?

– Я.

Тамара остолбенела. Потом ей стало так весело, что десяток–другой прохожих шархнулись от неё.

– Да вы просто суки, – проговорила она, икая, – Взяли да развели меня, как последнюю идиотку! Как вам не стыдно? Пятьсот рублей мне отдашь.

– Конечно, отдам, – сказала Наташа, сплёвывая в сугроб, – Я ведь не тебя разводила, а остальных, кто в очереди сидел. А пошли в кафе?

– Классная идея! Надо снять стресс. Мне очень обидно.

Через пару домов была «Шоколадница». К ней Тамара с Наташей и поспешили. Войдя, они разместились за столиком у окна, спросили по чашке кофе и по два тоста. Наглый мальчишка никак всё не выходил из двух мест Тамары. Главным из этих мест была голова.

– Мне кажется, он гораздо младше тебя, – сказала актриса, опять закуривая.

– Всего лишь на десять лет и два месяца, – уточнила Наташа.

– На десять лет? И у нас с Артуром точно такая же разница. А вы где познакомились?

– В кабинете и познакомились. Когда я сняла перед ним

штаны и попу раздвинула, он спросил телефончик. Я, разумеется, прифигела! И сколько ты, спрашиваю, девчонок смог закадрить таким гнусным образом? Он – в ответ: «Ты – первая! И последняя. Твои царственные глаза лишили меня покоя до гробовой доски!» Ну, я поржала, потом разозлилась и говорю: «А ты что, не мог мне это сказать в лицо, а не в голый зад?» Он начал оправдываться – мол, царственные глаза все мысли парализуют! Ну, я с голой задницей телефончик продиктовала. Почему нет? Он мне позвонил на другое утро, а вечером мы уже пошли с ним в кино.

Принесли заказ.

– Твой дружок, наверное, знаком с нею, – предположила Тамара, указывая глазами вслед удаляющейся официантке.

– Да, это уж точно! Слушай, а в театре – что, реально все идиоты?

– В смысле?

– Ну, ты сказала, что все там – вроде как овощи.

– Да как сказать... – Тамара задумчиво помешала ложечкой кофе и надкусила тост, – ну, я – идиотка. Мне пить нельзя. Артур – идиот, иначе зачем я была бы ему нужна? Сонька – идиотка. Она всегда под чьим-то влиянием, и ни разу источником этого влияния не оказывался вменяемый человек. Волненко – без комментариев, Кремнёв – тоже. О ком ещё рассказать? Да нет, остальные, вроде, нормальные. Светка вот меня удивила.

– А это кто?

– Девка, которая с Ритой вашей живёт. Ну, они соседки. Ты знаешь, что там у них неделю назад случилось? Короче, вечером, уже около двенадцати – звонок в дверь. Светка к ней подходит и спрашивает, кто там. Какая-то баба ей отвечает: «Мне, типа, Свету!» Светка открыла дверь. За ней – никого!

– И что?

– Ничего. Но Светка сошла с ума. Она теперь ждёт Джульетту.

Наташа чуть не пролила кофе.

– Кого-кого?

– Джульетту, из пьесы! Мы её репетируем, и она – в смысле не Джульетта, а Света, торчит на всех репетициях. Сидит, смотрит и что-то пишет, пишет в блокнот! И везде таскает с собою томик Шекспира, где эта пьеса.

– А как всё это связано со звонком?

– Так Светка решила, что это сама Джульетта к ней приходила, и что она её где-то ждёт!

– Джульетта?

– Джульетта. Все, разумеется, в диком ужасе, потому что все Свету любят, но повлиять на неё не может никто. Корней Митрофанович, наш худрук, даже приглашал какого-то психиатра, но тот сказал – дескать, ничего, это скоро кончится! Вот мы ждём, когда подтвердятся его слова.

– Очень интересно, – пробормотала Наташа, почесав кончик своего носа. Тост она съела очень культурно, используя

нож и вилку. Тамаре было смешно за ней наблюдать.

– Кем она работает, эта Света?

– Уборщицей.

– Молодая девушка?

– Двадцать лет. Из очень крутой семьи. Истфак МГУ. В смысле, ещё учится. Второй курс.

– Ну, значит, она, по всей вероятности, изначально с башкой не дружит! Разве не так?

– Наверное, так. Но я не убеждена.

Наташа задумчиво закурила.

– Откуда ты? – поинтересовалась Тамара, опять занявшись уже почти насытившим её тостом.

– Из Красноярска.

– Снимаешь комнату?

– Да, с подругой, – ответила сибирячка и рассказала, что вот уже третий год пытается поступить в Институт Культуры, но сталкивается с необходимостью слишком много платить за проходной балл. Телефон Тамары вдруг зазвонил. Взглянув, что за номер, она шёпотом ругнулась сквозь зубы.

– А ну его!

И нажала сброс.

– Какой-нибудь ухажёр? Поклонник? – полюбопытствовала Наташа.

– Типа того. Слушай, ты не знаешь, что за блондин приходит к хозяйке?

– Блондин?

– Ну, да! Такой балагур, красавец, лет тридцати?

Наташа задумалась.

– А его зовут не Денис?

– По-моему, да. Денис.

– Он к Рите подкатывает.

– Зачем?

– То есть как, зачем? Она – девка видная, при деньгах.

– А она считает его красавцем?

– А я-то откуда знаю? Вот лично мне он не нравится. Он меня за жопу как-то схватил, и я ему тогда сразу чётко сказала... Ой, погоди...

Несколько секунд Наташа молчала, как будто что-то припоминая. Тамара не отрывала от неё глаз. И тут подошла к ним официантка.

– Ещё что-нибудь желаете заказать?

– А у вас есть вермут? – поинтересовалась Тамара.

– Разумеется, есть.

– Наташка, ты будешь?

– Вермут? Пожалуй.

– По сто пятьдесят, пожалуйста, принесите.

Принесли сразу. Выпили быстро.

– Ещё, ещё! – вопила Тамара. Несли ещё и ещё. Тамару забрал Артур, которому позвонили по её просьбе, Наташу – её лжедевушник Миша, который ежеминутно звонил ей сам. Он унёс её на плече, хоть был и худее, и ниже ростом.

– Сука, вот на ... ты нахерачилась? – с ударением абсо-

лютно на каждом слове спросил Артур, разогнав машину до ста. Тамара сидела жёлто-зелёная, в узких чёрных очках.

– Для дела.

– Какое, на ... у тебя дело? Всех доставать, блевать, потом подыхать?

– Мне нужно было узнать, зачем он приходит.

– Кто?

– Конь в пальто.

– Ну и как, узнала?

– Конечно.

Артур привёз Тамару к себе домой. Он жил в маленькой квартире, да не один, а с сестрой и матерью. Они обе терпеть не могли Тамару и молча дали это понять в очередной раз, когда он вошёл с ней вместе. Она почти ничего не соображала и не имела сил говорить. Сейчас это было к лучшему. Артур бережно оттащил её в свою комнату, уложил и сел рядом с ней играть на гитаре.

Наступил вечер. Лохматая голова Тамары моталась, сминая наволочку. Её большие глаза были приоткрыты. Свет не горел. В уличных огнях тонкие и белые ноги на простыне казались ещё белее и ещё тоньше. Спустя несколько минут Тамара вдруг позвала:

– Артур!

– Что тебе?

– Перестань играть! У меня болит голова.

Он молча поставил гитару на пол, прислонив к креслу.

Чуть помолчав, спросил:

– Больше не болит?

– Болит всё равно.

– Может, мне дышать перестать?

– Не знаю. Попробуй.

– А может, ты перестанешь пить, наконец?

– Не знаю. Может быть, да. У меня теперь вторая работа.

Артур взглянул с недоверием.

– Ты серьёзно?

– Да.

– И кем ты работаешь?

– Проституткой.

– Великолепно.

– Мне очень нужен ребёнок. А я – инопланетянка. Ты сам сейчас говорил мне, что я – зелёная и не очень похожа на человека. Мы принадлежим к разным биологическим видам. Поэтому нет детей.

Он резко поднялся с намерением уйти.

– Артур, ты куда?

– Надо переставить машину.

– Она нормально стоит.

– Нет, она стоит ненормально. Ты завтра первая её пнёшь.

– Я что, идиотка?

– Да.

Когда он ушёл, у неё из глаз закапали слёзы. Сумеречные огни размазались по стеклу. Подушка намочла. В эту минуту

мобильник вновь заиграл. Нашупав его справа от себя, Тамара нажала сброс. Но он зазвонил опять. Она приняла звонок.

– Да, я слушаю.

– Наконец-то, Тamarочка, наконец-то! Вам дозвониться труднее, чем в службу жалоб и предложений по поводу работы милиции! Я надеюсь, вы сбрасывали мои звонки не из-за того, что ваш медосмотр всё ещё продолжался? Впрочем, ощупывать и осматривать вас любой был бы счастлив не то что шесть с половиной часов – всю жизнь! А мне два часа подарите? У меня сегодня вечер свободен. У вас, насколько я знаю, спектакля нет...

– Иди на ..., детка!

Глава восьмая

На другой день Корней Митрофанович объявил конец репетиции очень рано, в шестнадцать тридцать. Никто ничего не понял. Тамара, Кремнёв и Ася от радости улыбнулись друг другу, хоть две минуты назад пребывали в ссоре. Все остальные с такой же радостью заподозрили, что худрук увидел проблему, которую невозможно преодолеть, и стали пытаться у него выяснить, так ли это на самом деле. Не утрудив себя объяснениями, он сухо позвал к себе в кабинет Колю Атабекова – самого молодого актёра труппы, Свету и Соню. Они очень удивились и побледнели. Но в кабинете бледность у них прошла, а вот удивление выросло. Даже не предложив трём молодым людям присесть, а сам водворившись в своё высокое кресло, худрук велел им немедленно отправляться на семичасовой спектакль в Малый театр. Света едва не выронила второй том Шекспира, который она держала в руке, сунув в него палец вместо закладки, Соня и Атабеков переглянулись. У Сони раздулись ноздри, Коля спросил:

– Основная сцена?

– Да, основная.

– А что там будет идти?

– То, над чем работаем. В ролях – Меньшиков, Невзоров, Хаматова, Муравьёва. Кто там у них Ромео – не помню. Чей-

то сынок, полная бездарность.

– Но ведь Хаматова – в «Современнике», – возразила Соня, из бледной делаясь красной.

– Приглашена.

Но Соня не успокоилась. Она стиснула кулаки.

– Корней Митрофанович, у меня сегодня «Тартюф»!

– Я об этом знаю. Но на «Тартюф» у нас есть состав. Сегодня Дорину сыграет Ася.

– Корней Митрофанович! – заорала Соня, – я близко не подойду к этому гадюшнику! Ни за что!

– Ты про Малый театр?

– Да, разумеется! Я – из МХАТа! Вы что, об этом забыли? Попробуйте-ка Тамару туда отправить – она вам весь кабинет в клочки разнесёт! Пускай едет Аська! Она – из «Щепки»!

– Нет, Ася будет сегодня играть Дорину. Ей уж давно пора её освежить. Все эти структурный разногласия между двумя школами ты засунь себе в жопу, ясно? Они тебя не касаются! Едешь ты.

Соня зарыдала. Тогда худрук её выгнал, велел ей позвать Гирфанову. Эля вскоре явилась и начала кривляться, изображая недомогание, но Корней Митрофанович пригрозил сейчас же дать ей ремня. Зная, что худрук вполне может выполнить обещание, Эля сразу почувствовала себя отлично.

– Там очень злые администраторы, – заявила она, делая изящные жесты правой рукой, – у нас с Колей есть удостове-

рения СТД, а Светочка как пройдёт?

– Я насчёт неё уже позвонил Соломкину. Вон отсюда!

Таким вот нехитрым образом Эля, Света и Атабеков отправились в Малый театр. У них было невесёлое настроение. Приближаясь к метро, они завернули в маленькое кафе, где выпили по пятьдесят грамм вискаря и переругались.

– Это из-за тебя! – яростно напала на Свету Эля. Света прикинулась идиоткой.

– При чём здесь я?

– Не строй из себя овцу! Ты уже неделю всех ставишь на уши своим бредом! Ты всем нам вынесла мозг! Так как психиатр тебе башку прочистить не смог, Корней Митрофаныч решил подключить Соломкина!

– Это кто?

– Художественный руководитель Малого театра, твою мать! Хаматова у него играет Джульетту! Знай: если ты, увидев её на сцене, не перестанешь долдонить всем с утра до ночи, что Джульетта к тебе приходит, я твою долбаную башку тебе оторву! Тебя надо отвести не в театр, а в зоопарк!

Света разозлилась и назвала Гирфанову сволочью. Та в долгу не осталась, благо Корней Митрофановича с ремнём поблизости не было. На глазах десятков людей вскочив, две очаровательные тихони – каждая ростом метр семьдесят шесть, стали выяснять отношения и чуть было не подрались. Видимо, как раз для этого случая к ним приставлен был Атабеков. Он, несмотря на свой малый рост и крайнюю худосоч-

ность, вклинился между ними и даже сумел добиться их совершенного примирения в результате Гирфановских извинений.

– Ты извини, – сказала Гирфанова, – я устала. И мне ещё на вечернюю тренировку надо успеть к десяти!

– Забей, – улыбнулась Света. Из Атабековского кармана счёт был оплачен, и путь к метро был продолжен. Колька вышагивал между двумя рослыми красавицами, взволнованно задрав нос. Судя по всему, он ещё ни разу не целовался. В метро Света и Эльвира его начали забалтывать, и он сразу закончил своё волнение, как и важность.

На Театральной зашли уже не в кафе, а в маленький ресторан, так как Атабеков от болтовни очень разошёлся и раскуражился. Опрокинули снова по пятьдесят, под один салат на троих и живую музыку в стиле ретро. К театру мчались бегом и еле успели. Там, на контроле, была толпа размером с Перово.

– Сколько же в зале мест? – удивилась Света, когда сдавали пальто и куртки.

– Тысяча с лишним, – сказала Эля, – это тебе не Перовский театр!

Молоденьким контролёршам Эля и Коля дали взглянуть на свои удостоверения, а по поводу Светы что-то сказали. Была позвана очень важная дама-администратор, которая проводила троих халявщиков по крутым ступенькам в зрительный зал и расположила их за партером, на страфонтене.

Спинки сидений были там вертикальными, так что ни о каком комфорте речи не шло. Дама извинилась и удалилась.

Второй звонок уже был. Последние группы зрителей торопливо входили и занимали места. К третьему звонку незанятых кресел осталось десятка два, да и они ждали курильщиков-раздолбаев. Света с интересом вертела всклокоченной головой, разглядывая партер, бенуар, амфитеатр и бельэтаж с балконами. Да, действительно, не Перовский театр! Из нереальных динамиков убедительно и красиво звучала просьба перед началом спектакля выключить телефоны. Она звучала не раз. Когда прибежали курильщики-раздолбаи, на сцену вышла другая дама-администратор – не важная, но красивая. Она через микрофон повторила просьбу. Исчезла. И, ко всему этому вдобавок, была прокручена запись голоса Юрия Мефодьевича Соломкина. Он сказал: «Многоуважаемые друзья, господа и дамы! Имею честь сообщить вам, что перед каждым нашим спектаклем мы многократно и убедительно обращаемся к залу с просьбой выключить все мобильные телефоны или перевести их в беззвучный режим работы. Но, несмотря ни на что, на каждом спектакле – я подчёркиваю, на каждом, время от времени раздаются звонки ваших телефонов. Каждый такой звонок, говорю без преувеличения, ставит спектакль на грань срыва. Поэтому ещё раз умоляю вас: пожалуйста, выключите свои мобильные телефоны или поставьте их на беззвучный режим! Большое спасибо. Приятного вам просмотра.»

Услышав это, Коля, Света и Эля достали свои мобильники, уже выключенные, и тщательно их проверили на предмет невозможности зазвонить. Кажется, то же самое сделали остальные тысяча сто девяносто два человека. Через пару-тройку минут они все притихли и начали незначительно аплодировать. Погас свет. Все шорохи стихли. На сцену вышел блистательный женский хор, и под его пение появились несколько знаменитых артистов в образе представителей двух веронских семей. Начался спектакль. За десять минут в зале прозвучало примерно столько же телефонных звонков.

– Я не понимаю – все эти люди под героином, что ли? – прошептал Колька, сидевший между своими спутницами. Они пожали плечами. Им было скучно. Света не доставала томик Шекспира, лежавший в сумочке. Эля изо всех сил пыталась уснуть, что было непросто, поскольку комфорт отсутствовал. Постановка пьесы, которую обе они знали наизусть, была абсолютно классической. Да, пять-шесть народных артистов время от времени впечатляли, как и Джульетта в зелёной бархатной шапочке, но во время реплик Ромео Свете хотелось закрыть руками лицо, что она и делала.

Досидев до антракта, три представителя конкурирующей организации с говорливой толпой спустились в буфет. Свинтить было бы рискованно, потому что Корней Митрофанович мог иметь в Малом театре крепкую агентуру. Отстояв очередь, они молча выпили водки и съели по бутерброду с

красной икрой. Эле ещё нужно было покурить, и она чуть позже присоединилась к Свете и Атабекову, которые из буфета вернулись в зал.

Второй акт спектакля был неплохим, поскольку Гирфановой удалось всё-таки отрубиться, а два её товарища по несчастью не без влияния водочки взялись за руки и, конечно, полностью идентифицировали себя с главными героями пьесы. У Светы даже откуда-то взялись слёзы. Громкая музыка, звон рапир и вой леди Капулетти не разбудили Эльвиру, но от финальных аплодисментов она проснулась и тоже хлопала, крича «Браво!» Видимо, ей приснилось что-то хорошее. Теперь можно было идти.

Однако, в фойе трёх друзей-приятелей очень мило остановили и попросили проследовать в кабинет к Юрию Мефодьевичу.

– Охотно, – кивнула головой Эля, – я, как специалист по хореографии, обсудила бы с ним несколько моментов.

– Убеждена, что ему будет интересно выслушать ваше мнение, – улыбнулась девушка в синей форме, – а также его помощнице по художественно-постановочной части, которая вместе с ним находится в кабинете. Её зовут Ксения Леонидовна.

И любезная девушка очень сложным путём провела гостей к помещению, о котором упоминала. Они вошли в него, и она закрыла за ними дверь, оставшись снаружи. Что же увидели приглашённые в кабинете, который был не столь ве-

лик и роскошен, как кабинет их начальника? За большим письменным столом с телефоном сидел пожилой мужчина, которого Света видела молодым в очень-очень старых советских фильмах. Справа от него, за столом поменьше и с ноутбуком, сидела дама примерно тридцати лет и редкостной красоты. Оба улыбались.

– Прошу вас, друзья мои, – указал Соломкин на небольшой кожаный диванчик, стоявший прямо напротив письменного стола, – Корней Митрофанович мне сказал, что вы нынче репетировали весь день – так что, уж пожалуйста, не стесняйтесь, разваливайтесь как можно удобнее! Кофейку попросить для вас?

Гости развалились удобно, от кофейка отказались. Ксении Леонидовне почему-то стало смешно.

– Ох, Юрий Мефодьевич, очень нужен им кофеёк! Им надо догнаться, будто не видите! Коньяку хотите, ребята?

От этих слов на диване произошло покраснение, за которым последовал дружный вялый отказ и от коньяка. У Ксении Леонидовны губки чмокнули, и она рассмеялась снова. Юрий Мефодьевич пригрозил ей шутливым жестом, а затем сходу устремил взгляд в глаза Атабекову, и, назвав его Николаем, спросил, как ему спектакль. Николай, мнением которого интересовались последний раз в его раннем детстве, когда спросили, как ему нравятся обезьяны в клетке, так растерялся от неожиданного к себе внимания, что сказал:

– Отличные обезьяны. Ой, извините... Спектакль – на

высшем уровне!

– Вам, прекрасная сеньорита? – перенацелился легендарный артист на Элю, не обращая внимания на агонию Ксении Леонидовны.

– Я почти соглашусь с Николаем, – вовсе не растерялась Эльвира, даже закинула ногу на ногу, – как эксперт по хореографии, могу только заметить, что танцы во втором акте не отличались особым разнообразием...

– Совершенно с вами согласен, поскольку во втором акте нет вообще ни одного танца, – невежливо перебил Эльвиру Юрий Мефодьевич, опасаясь, что в случае продолжения её речи для Ксении Леонидовны нужно будет вызывать Скорую.

– Я об этом и говорю, – вновь не растерялась Эльвира, – кроме того, у меня возникли сомнения знаете в связи с чем? Вы делаете упор на то, что леди Капулетти и сеньор Капулетти воздвигли между собой какую-то стену! Они общаются, как чужие, едва знакомые люди. Я бы сказала, что это напрочь лишает некоторые места спектакля живости.

Ксения Леонидовна перестала биться головой в стол и недоумённо уставилась на Эльвиру.

– Девушка, вы как будто проспали весь второй акт! Или вообще не читали пьесу. Ведь Шекспир прямо пишет, что всё семейство Капулетти – это не что иное, как клубок змей, которые жрут друг друга! Всё в первом акте оправдано. Эту самую стену, которую вы заметили, они потом обрушивают

друг другу на головы!

Эльвира крайне задумчиво приложила палец к щеке.

– Обрушивают друг другу на головы? Угу... Очень интересно. Решение весьма сильное, на мой взгляд!

Поняв, наконец, что разговор с ней был начат напрасно и продолжать его бесполезно, Юрий Мефодьевич поглядел на всклокоченную, смущённую Свету.

– А вы что скажете нам, мадемуазель?

Света не успела ответить, так как открылась дверь, и вошла Джульетта – в костюме, в гриме, но без зелёной бархатной шапочки.

– Вызывали, Юрий Мефодьевич?

Это было так неожиданно, что сидевшие на диванчике чуть с него не вскочили. Впрочем, минутой позже им всё равно пришлось это сделать, так как Соломкин, сказав молодой актрисе несколько общих слов по поводу сыгранного спектакля, закончил свою речь так:

– Чулпан, познакомься – к нам в гости пришли ребята из небольшого театра в Восточном округе! Ты им очень понравилась.

– Слава богу, – пожалала звезда плечами, едва взглянув на ребят, – что-нибудь ещё?

Ребята, как было сказано выше, встали с диванчика, чтобы выразить восхищение. Но уж тут даже и Гирфанова не блеснула особенным красноречием, потому что звезда смотрела, как Снежная королева. Света и Коля под её взглядом

и вообще забормотали что-то невнятное. Опасаясь, как бы последний опять не вспомнил про обезьян, вновь повеселевшая Ксения Леонидовна заявила:

– Чулпан, с тебя очень классно слетела туфелька, когда он тебя закружил! Надо будет это оставить.

– Ксюха, отстань! – фыркнула звезда и поторопилась уйти. Едва дверь за ней закрылась, Юрий Мефодьевич, не давая Свете опомниться, повторил свой вопрос:

– Ну, так что вы думаете, Светланочка?

Несмотря на свою подавленность, Света с лёгкостью поняла, чего от неё хотят. Но у неё не было желания откровенничать с тем, кого она знала только по персонажам, которые ей не нравились.

– Ваш спектакль великолепен, Юрий Мефодьевич. Больше я ничего не могу добавить, так как с театром соприкасаюсь лишь через половую тряпку. Наверняка Корней Митрофанович вам сказал, чем я занимаюсь.

– Я не имею в виду спектакль, – не отставал народный артист, – Джульетта вам как? Это ведь она?

– Это не она, – отрезала Света, – это талантливая актриса, играющая её. Джульетта совсем другая.

Эля решила не ехать на тренировку, так как была в ослабленном состоянии. Когда вышли на улицу, Атабеков собрался с духом и пригласил своих спутниц на дискотеку в кинотеатр «Победа», на Пролетарку. Эля и Света с радостью согласились, хотя последняя знала, что рядом с первой на

танцах будет смотреться, мягко говоря, жалко. Но ей на это было плевать. Ей хотелось выпить и побеситься.

Домой она приехала на такси, очень ранним утром. Ноги отваливались. Гирфанову Атабеков повёз к себе. Он сильно нажрался, да и она отличилась в этом же направлении. Встретил Свету Мюрат. Он выскочил, словно огненный метеор, из комнаты Риты. Хозяйка комнаты вышла следом за ним, хоть легла в постель ещё ночью. Ей не спалось.

– Красота какая! – заплодировала она, поглядев на Свету, которую у подъезда стошнило, – тьфу на тебя!

Глава девятая

На новоселье к Свете Анька и Соня явились не в понедельник, а в среду, поскольку выходной день был перенесён на неё. Сначала они по разным источникам выясняли, будет ли дома Рита, и, выяснив, что она чуть-чуть приболела, купили кучу лекарств – дешёвых и бесполезных, но кучу просто огромную. Фармацевт в аптеке так и не поняла, какая у них проблема, хотя, в принципе, несложно было это понять. Дверь открыла Света.

– Привет, привет! С новосельем, Светочка! – проорала Волненко, одной рукой её обнимая, другой толкая перед собой смущённую Соню, – что, обжилась? Соседи не беспокоят? Окна нормальные? Всё работает?

– Окна старые, – запирая дверь, ответила Света, – плита

почти не работает.

– Ничего, заработает! Этим даже не заморачивайся. У нас тоже плита сперва хреново работала, потом – раз!

– И дома – как не бывало, – вставила Соня.

– Типун тебе на язык! Вот дура неумная! А где Риточка? Как она себя чувствует?

Вышла Рита в халате и с сигаретой во рту. Ответив на несколько идиотских вопросов и благосклонно выслушав вопли ужаса относительно её хождения босиком по холодному полу, она взяла две сумки с лекарствами, отнесла их в комнату и сказала:

– Снимайте куртки. Ботинки можете не снимать – пол, точно, холодный. А это что? Вино? Торт? Отлично. Светка, на кухне располагайтесь, я к вам сейчас присоединюсь!

На кухне Волненко попросту взорвалась восторгом.

– Сонька, смотри! – орала она, долбя кулаком по стенам, с которых сыпалась краска, – а стол какой! А какие полки! А чайничек! Ну, ты, Светочка, и вселилась! Да это просто хоромы барские!

– Не ори, – поморщилась Соня, с крайней степенью осторожности сев на стул, похвалить который у Аньки наглости не хватило, – что ты тут разоралась?

Света и Анька быстро расставили на столе тарелки с бокалами, а затем нарезали ветчину, сыры двух сортов и хлеб. Соня, закурив, откупорила бутылку. Дождались Риту. Она пришла в том же виде, только без сигареты. Впрочем, как

вскоре выяснилось, сигареты были у неё в кармане халата.

– А где мальчишки? – осведомилась она, садясь, – Светка мне сказала, что будут мальчишки.

– Наш прекрасный Ромео прибудет позже, – с апломбом провозгласила Волненко, – У остальных – срочные дела.

Света покраснела. Все на неё уставились.

– Не красней, – сузила фарфоровые глазищи Соня, – что ты тут раскраснелась?

– А потолки-то я не заметила! – заорала Волненко, спрыгивая со стула, – вот потолки так уж потолки! Красота какая! А, ну...

Она высоко подпрыгнула, подняв руку, чтобы притронуться к потолку. Ничего не вышло. Став столь же красной, какой была перед этим Света, она предприняла ещё ряд попыток. Её с трудом усадили.

– За новоселье! – сказала Соня, подняв бокал, – квартира хорошая. Да, конечно, надо бы сделать ремонт и поменять окна, но – ничего, жить можно.

– Хорошее чувство юмора, – проронила Рита, сделав пару глоточков, – не хуже, чем у Ремарка. Вы не читали его роман про концлагерь?

– Чушь! – гаркнула Волненко, набив рот сыром, – Чушь, чушь, чушь, чушь! И ещё раз чушь!

– Не кудахтай, – строго взглянула на неё Соня, – что ты тут раскудахталась?

– А ты что тут раскомандовалась? – заплевала её всю сы-

ром Волненко, – твоё новоселье мы, что ли, празднуем?

– Ты ответь на вопрос! – повысила голос Соня, – тебя спросили, читала ли ты, свинья, роман про концлагерь?

– Да я ответила на вопрос! Дом самоубийц – это чушь. Любой дом рано или поздно становится домом самоубийц. Вот весь мой ответ. Устраивает?

– Да что вы всё спорите? – удивилась Рита, беря бутылку и наполняя бокалы, – у вас кулаков нет, что ли?

Чокнулись. Выпили. Долго ели, не говоря ни слова. Соня слегка раздувала нос, следя за Волненко. Та раза три порывалась что-то сказать, но под взглядом Сони сбивалась с мысли.

– Однако, домом самоубийц называется лишь один, – плеснула бензину на угли Света, – и притом тот, по которому бродит каждую ночь мадемуазель Капулетти. А значит, всё не так просто.

– Она тебя не достала своей Джульеттой? – спросила Волненко Риту, – нас ужас как задолбала! Даже гримёры и костюмеры, когда эта тварь появляется со своим ведром, хватаются за голову и стонут.

Рита закуривала, болтая голый ногой, закинутой на другую ногу.

– Анька! Она имеет полное право меня достать. Знаешь, почему? Потому, что я достала её. И совсем неважно, кто из нас прав.

– А чем ты её достала? – спросила Соня.

– Я всё пытаюсь ей доказать, что меня надо называть моим настоящим именем.

– А какое у тебя имя?

– Наполеон Бонапарт, – хихикнула Света. Анька и Соня также хихикнули.

– У тебя есть член? – спросила Волненко.

– Нет.

– Тогда не докажешь. У Бонапарта он был. А Светка – историк.

– В том-то и дело, что был! Был и есть – понятия разные. Так, слегка.

Волненко изобразила глубокомысленный скептицизм, давая понять, что вызов на философский спор ею принят, и у соперницы шансов нет. Но Соня ей всё испортила.

– Так он умер? Или ему отрезали член? – спросила она.

– Вот дура! – косо взглянула на неё Анька, – это была метафора. Впрочем, можно и уточнить. Свет, Наполеон умер?

– Нет. Сидит перед вами.

– Значит, ему отрезали причиндалы?

– Нет.

– Так он мужиком никогда и не был?

– Волненко, разница между полами – вещь относительная. На высшем уровне её просто нет. Если Сонька не врёт, Иисус сказал, что в Царстве Небесном никто не женится. Следовательно, там нет никаких полов. Смотри на всё просто и недвусмысленно. Если у тебя есть рыжий котёнок – значит,

ты – Наполеон Бонапарт. И никак иначе.

Анька сочувственно улыбнулась.

– Кстати, а где Мюратик? – спросила Соня, – вы что, его утопили?

– Не так легко его утопить, – отозвалась Рита, – даже в Березине он не утонул, под градом картечи. Он просто спит. Поспит и придёт. Давайте допьём вино и начнём пить чай.

Допили вино. Разрезали торт. Поставили чайник.

– Расскажите про театр, – попросила Рита, – как там дела?

– Полное дерьмо! – вложила стрелу в тетиву Волненко, – я в последнее время всё чаще спрашиваю себя: на ... я закончила ЛГИТМИК? Чтобы работать в театре, где процветает алкоголизм и низкопоклонство перед инстинктами люмпенизированной толпы? Вот уж настоящий домик самоубийц! Иначе не скажешь.

– Там тоже вешаются?

– Да если бы! Это было бы просто счастье. Там перемалывают себя! В труху и опилки. Там превращаются в мертвецов, заживо гния! Вот если бы Сонька сдохла пять лет назад, её бы все сравнивали с увядшим цветком. А сдохни она сейчас – все кинутся за шампанским и будут плясать от радости! Посмотрите, во что она превратилась! Ведь это просто помойное рыло с триппером!

– Тварь, заткнись, – возмутилась Соня, вытянув сигарету из пачки Риты, – зачем ты так говоришь?

– Правду говорить легко и приятно. Пять лет назад ты

знала наизусть Библию, потому что ходила в протестантскую церковь и проповедовала на улицах! Что теперь? Живёшь с алкашом и бегаешь от коллекторов!

– А сама ты чем занимаешься? Проституцией!

– Я об этом и говорю! Посмотришь – и Элька годика через два проституткой станет, и Дашка, и, уж тем более, Ася! Про Светку я вообще молчу, тут говорить не о чем. Это место – заразное! Оно проклято.

Рита, о чём-то думая, разминала пальцами сигарету. Света поставила на стол кружки, налила чай.

– Короче, надо валить из этого долбаного гадюшника, – подошла к логическому итогу Волненко, – да только вот не знаю, куда? Без хороших связей сейчас ни в один театр даже на «Кушать подано!» не устроишься, роль в кино не получишь. А мне вчера, между прочим, один известный психолог – доктор наук, сказал, что я непременно сойду с ума, если за неделю не уберусь из этого театра!

– А Тамара Харант работает в нём давно? – перебила Рита, щёлкая зажигалкой.

– Тамарка? – переспросила Соня, – двенадцать лет. Она, как и я, окончила Школу-студию МХАТ, но на семь лет раньше.

– Но ведь она, насколько я знаю, не проститутка?

Соня и Анька взглянули на Риту дико. Соня от шока выронила окурочек, но метко. В пепельницу.

– А кто ж она? – пропищала Анька, взявшись за сердце, –

самая настоящая проститутка, к тому же спившаяся! Спроси хоть у своей Светочки, как она отжигала, чтоб ей в последнем спектакле дали главную роль!

– А что это за спектакль?

– «Свободная пара»!

– Так там ведь всего две роли, – вспомнила Света, – женская и мужская.

– Да, но целый месяц была грызня на предмет того, кто получит женскую роль! – напрыгнула на неё Волненко, – хотели дать её Ирочке, но Тамарка к кому-то съездила – уж не знаю, к кому, чуть ли не к начальнику Мосдепкульта, и так блеснула талантом, что он по-дружески попросил Митрофаныча дать роль ей! Вот и вся история.

– Любопытно, – бросила Рита, отпив из чашки, – ну, а актриса она хорошая?

– Да, талантливая, – сквозь зубы признала Соня, – и даже очень.

– Я как актрису её вообще не воспринимаю, – махнула рукой Волненко, – ведь у неё – ни совести, ни стыда! За три дня до праздников в жопу пьяная вышла играть Кручинину! Публика подняла скандал. Пришлось вернуть деньги.

– А почему её не уволили?

– А спроси что-нибудь полегче! Видимо, потому, что не проститутка. За срыв спектакля в любом театре любого актёра немедленно увольняют! Но наш высокоморальный, не озабоченный проститутскими задницами худрук за неё всту-

пился. Ей объявили выговор. Деньги в кассу за все билеты она внесла, и этим отделалась!

– Потому, что такими актрисами не бросаются, – заявила Соня, отломив ложечкой кусок торта, – она – больной человек. Но очень талантливый.

– Да ты тоже пляшешь под её дудку, так как вы обе – из МХАТа! – в бешенстве подавилась тортом Волненко, – короче, иди ты в задницу вместе с ней и с её Артуром, который всех уже задолбал!

Торт был очень вкусным. Все положили себе ещё по куску.

– Танцует она отлично, – сказала Рита, – и я взяла её на работу. В бар.

Волненко опять закашлялась. Из рта у Сони выпал кусок.

– На работу? В бар? – заливаясь краской, переспросила Соня.

– Да. Стриптизёршей.

Две молодые актрисы переглянулись.

– Но ей уже тридцать семь! – вскричала Волненко, – какой стриптиз? Она вся больная! Её постоянно рвёт!

– Но она талантливая. Тут Соня права.

– Но я, например, танцую гораздо лучше! Она нигде не училась хореографии! А вот я – профессионалка! Ей до меня так же далеко, как мне – до Эльвиры!

– Очень возможно. Но мне она подошла.

На это уж возражать было просто глупо.

– Она сама припёрлась к тебе? – поинтересовалась Соня.

– Да, вместе с Верой.

– Без этой крысы не обошлось, – буркнула Волненко, – ну, поздравляю, Риточка, поздравляю! Послушай, а для меня работы у тебя нет? Я тоже талантливая!

– Подумаю. Дам ответ в ближайшее время.

Про торт две гостьи забыли. Пришёл Мюрат. Они его не заметили. Он попил молока и влез на колени к Рите. Она его посадила на плечо к Аньке.

– Ой! Это кто? – заорала та, – а, котёночек? Убери, пожалуйста! Я боюсь.

– Пугливая ты моя, – усмехнулась Рита, ставя котёнка на пол, – жаль, что ты боишься животных! Я уж хотела тебя устроить помощницей укротителя тигров в цирк на Цветном бульваре.

– Нет, вот это не надо! – вскрикнула Соня, – она всех тигров сожрёт!

– Я, вообще, вегетарианка, – разволновалась Волненко, – и тигров я обожаю! Они меня также любят!

– В это я верю, – сказала Рита, – все вегетарианцы ужасно любят друг друга.

Мобильник Аньки заиграл Баха, и она вышла на связь.

– Да, Малютин! Код не работает, я ведь тебе об этом сказала. Дверь как следует дёрни. Сильней, сильней!

Форточка была приоткрыта. Донёсся лязг стальной двери.

– Ну, что, открыл? Молодец. На второй этаж поднимайся. Первая дверь на площадке.

– Это Ромео? – спросила Рита, следя, как краснеет Света. Все ей ответили утвердительно, а Волненко помчалась открывать дверь. Вернулась она с Малютиным и со средней паршивости коньяком, принесённым им. Кирилл был высокий, весьма накачанный парень с правильными чертами лица и длинными волосами. Анька представила ему Риту. Он осторожно пожал ей руку, Волненко хлопнул по заднице, Со-не в шутку дал по башке, на Свету взглянул. Она опустила глазки.

– Ты представляешь, Малютин – наша Тамара у Ритки уже работает! – проорала Анька, когда Кирилл сел за стол и стал открывать бутылку.

– Знаю. Верка сказала. Рита, а вам мужской стриптиз там не требуется?

– Не требуется, – ответила Рита, – я не хочу, чтоб моим «Баккарди» блевали.

Коньяк оказался пятидесяти трёх градусным. После двух бокалов всем стало весело. Рита, Соня и Анька стали орать, что Света просто обязана показать Малютину свою комнату. Сами же за каким-то чёртом попёрлись в Ритину. Про Мюрата забыли, и он, оставшись один, предпринял стремительный штурм стола, благо что на нём остались два куска сыра и три куска ветчины.

Комната Кириллу очень понравилась, а диван так просто его привёл в дичайший восторг. Он на него лёг, позабыв снять руки со Светы, которую обнимал. Света зашипела, как

кобра в зубах мангуста. Диван скрипел очень громко, но абсолютно не раздражающе. Он, казалось, подбадривал, говоря: «Молодцы, ребята! Вот это дело!» Потом вдруг как-то малость просел и стал скрипеть жалобно. Вероятно, одна из пружин сломалась.

Вконец измучив диван и Свету, Кирилл уснул. Света аккуратно через него перелезла, спрыгнула на пол, и, натянув лишь трусы с футболкой, пошла на кухню. Перед её глазами всё колыхалось.

От сыра и ветчины остались три крошки. Мюрат лежал под столом. Из Риткиной комнаты доносился долгий, сдавленный стон. Непонятно было, кому он принадлежал. Но точно не Соне, так как она сидела на кухне, под приоткрытой форточкой, и курила. Из её светлых, огромных глаз текли слёзы.

– Сонечка, что ты плачешь? – спросила Света, садясь на стул. Сонечка утёрла ладонью нос.

– Они меня выгнали!

– А зачем ты с ними пошла? Ты разве не поняла, что это две дуры?

– А что мне, с вами надо было пойти? – проскулила Соня, глотая слёзы, – вы бы меня не выгнали? Меня отовсюду гонят! Меня прогнали даже из церкви! Получается, что сам Бог меня прогоняет!

Света налила себе чаю.

– При чём здесь Бог? Некоторые особенности твоей рабо-

ты несовместимы с правилами баптистской церкви. Тебя, по-моему, не приходится уговаривать почти в каждом спектакле раздеваться! Если ты готова на всё, чтоб получить роль, что уж тут искать виноватых?

– Да, меня не приходится уговаривать, потому что я не такая красивая, как Гайнулина, не такая способная, как Тамарка, и не такая наглая, как Волненко! Я никогда не выучусь танцевать на уровне Эли и петь, как Ирка! Что ж мне теперь – утопиться, что ли?

– Не прибедняйся! Ты и способная, и красивая, да и наглая свыше всякой разумной меры. Просто у тебя – комплексы. Ты скажи мне лучше, в Библии написано что-нибудь про выходцев с Того Света?

Соня задумалась под рычание и повизгиванье из комнаты. Гася в пепельнице окурков, она ответила:

– Авраам не отпустил Лазаря рассказать братьям богача об ужасах ада. Значит, видимо, не бывает никаких выходцев с Того Света.

– А это что за отрывок?

Соня, не путаясь, замогильным голосом наизусть прочла притчу о богаче и Лазаре. Перевод был ею использован синопсальный. По спине Светы прошёл мороз.

– Это интересно, – пробормотала она, сделав глоток чая, – и даже очень!

– Страшно впасть в руки Бога живого, – сказала Соня, закурив новую сигарету, – и для меня – гораздо страшнее,

чем для тебя.

– А почему так?

– Потому, что я предупреждена о последствиях. С меня больше спросится.

– Но ведь я теперь также о них предупреждена!

– Ты мне не обязана верить. А во мне – Дух, который меня предостерегает и обличает. Ему не верить нельзя.

– Значит, для тебя твой пьяный сожитель и сраный театр дороже Царства Небесного?

Соня не успела ответить, так как пришла Волненко. Она была абсолютно голая.

– А где Рита? – спросила у неё Света, – она жива?

– Нашла кого хоронить! – фыркнула Волненко, – на этой твоей кобыле можно пахать!

С этими словами Анька взяла со стола бутылку и высосала остатки поганого коньяка. Выбросив бутылку в окно, взяла сигареты и зажигалку. Стала прикуривать. Когда пламя взяло конец сигареты, Анька закашлялась.

– Твою мать! О чём вы тут говорили?

– О Святом Духе.

Волненко стала выкладывать свои мысли. Впалые щёки Сони сделались белыми, как недавно окрашенный подоконник, рядом с которым она сидела.

– Анька, заткнись! – вскричала она, – хула на Святого Духа – это единственный непрощаемый грех!

Анька не умолкла. В дверь позвонили. К ней подошла

Волненко.

– Кто там? – спросила она.

– А мне, если можно, Свету!

Голос был женский, если не девичий.

– Анька, не открывай! – закричала Света, вставая. Но было поздно. Волненко уже открыла. Больше того – она уже была без сознания.

Глава десятая

Зная, что за соседней дверью живёт врач-реаниматолог на пенсии, Рита стала по ней отчаянно барабанить. Она при этом была в халате, напяленном наизнанку, и босиком. Тем временем, Света, Сонечка и Кирилл, который успел надеть лишь трусы, очень осторожно перетащили Аньку к тахте со смятой постелью и уложили.

– Хватит сходить с ума! – вяло возмутились за дверью, на которую Рита обрушила свою панику, – пожалейте руки! Ведь есть звонок! Если вы хотите, чтоб я открыл – добьётесь обратного, потому что я сумасшедшим не открываю! Выломать дверь у вас не получится, она крепкая! Объясните по-человечески, что вам нужно?

– Андрей Ильич, это Рита, ваша соседка! Девушке плохо! Пожалуйста, помогите, Андрей Ильич!

– Минуточку обождите, радость моя.

Не через минуту, а раньше замки защёлкали, дверь открылась, и к Рите вышел плотненький старичок с седой бородой, в спортивном костюме и мягких тапках. Взгляд его сквозь очки казался стальным.

– Добрый день, Ритулечка. Где больная?

– Там, там, в квартире! Пожалуйста, проходите, Андрей Ильич, проходите!

Соня и Света стояли около Аньки, укрыв её простынёй. Когда вошёл доктор, они попятились.

– Почему она голая? – поинтересовался Андрей Ильич, с профессиональной лихостью приподняв простыню, затем – веко Аньки.

– Ну, она это ... ну, как бы это сказать-то, – замялась Рита, густо краснея. Левой рукой она комкала полы своего халата, соединяя их под пупком. Но вдруг её взгляд упал на Кирилла, который стоял около окна и хлопал глазами. Правая рука Риты победоносным движением протянулась к его трусам, указывая на них вытянутым пальчиком.

– Понимаю, – холодно усмехнулся пенсионер. Взяв Анькину руку, стал считать пульс. Это не мешало ему высказываться:

– Под таким жеребцом и у здоровенной кобылы копыта в стороны расползутся! А тут – довольно хрупкая девушка. Кто она? Студентка? Или работает?

– Да, работает. В театре, – пробормотала Рита.

– Тем более! Существо с утончённой душевной организацией. Молодой человек, вы явно переусердствовали!

Малютин, сконфузившись, открыл рот, чтобы всё испортить. Под взглядом Риты закрыл. Соня улыбнулась.

– Обычный обморок, – констатировал бывший доктор, опустив руку хрупкого существа на диван, – что-либо предпринимать я смысла не вижу. Когда очнётся, дайте ей успокаивающее.

– Какое? – спросила Рита. Андрей Ильич призадумался, сняв очки и тщательно протирая их носовым платочком.

– Какое? Да много есть вариантов. Но вот что я скажу вам, Ритуленька. Я на прошлой неделе был в Ярославле, на конференции военных медиков. На секретной, прошу заметить. Так что, ребята, всё это – между нами. Договорились? Суть дела состоит в следующем. На этом мероприятии мои близкие друзья и коллеги из фармацевтического отдела НИИ Минобороны презентовали одно лекарство – совместную разработку российских, израильских и швейцарских учёных. Я этот препарат опробовал на себе, и вот что скажу: побочных эффектов – ноль, результат – отличный.

– Это успокоительное лекарство?

– Ну, чтоб вас не запутывать, скажу – да. Я взял для себя четыре коробки, что было довольно проблематично, так как состав данного лекарства, которое предназначено для особых целей, строжайшим образом засекречен. Но с вами я поделюсь. Ведь мы же товарищи по несчастью, в конце концов! Живём в одном доме. Вы понимаете.

– Понимаю. И сколько стоит?

Андрей Ильич вновь надел очки.

– Две тысячи девятьсот рублей двадцать семь копеек. Это, Ритулечка, себестоимость.

– За коробочку?

– Да. В ней – двадцать таблеток по пятьдесят миллиграмм. Если вы их примете курсом, по одной в день, тревоги исчез-

нут. Ну, что, попробуете?

– Давайте.

Анька очнулась вскоре после того, как чудо-таблетки были принесены и Андрей Ильич с деньгами ушаркал, всем пожелав крепкого здоровья и здравомыслия. Ей засунули в рот таблетку, дали стакан воды. Он звенел о зубы. Рита его придерживала. Кирилл поддерживал сзади Аньку, чтоб ей удобнее было пить.

– Как ты себя чувствуешь, Анька? – спросила Света, когда вегетарианка с тонкой душевной организацией – бледная, с мокрым лбом, откинулась на подушку. Ответа не было.

– Ты кого увидела на площадке? – спросила Соня, – Джульетту?

– Нет, – отозвалась Анька, пристально глядя на потолок с разветвлённой трещиной, – не Джульетту.

Три пары глаз с трёх сторон впечатали в Свету столько насмешливого внимания, что она почувствовала себя абсолютно голой, а не почти. Ей стало неловко.

– Какой смешной старикашка! – сжалилась над ней Соня и захихикала, – когда он увидел Анькину письку, у него щёки отвисли ещё сильнее! Но под штанами так ничего и не шевельнулось.

– Но уж зато наш Ромео – просто красавец! – вскричала Рита, поосновательнее прикрывшись вывернутым халатом, – Малютин! Трусы порвутся сейчас!

Заметив, что Рита вполне права, Света подбежала к Ки-

риллу и торопливо вытолкала его из комнаты.

– Во дурак! Иди, одевайся быстро!

Кирилл послушно направился в её комнату. Его мнимая жертва, тем временем, приняла сидячее положение, и, отвергнув помощь подруг, стала возвращаться в приличный облик. Все три её собутыльницы наблюдали за ней.

– Так ты нам расскажешь, тварь языкастая, кто стоял на площадке? – спросила Рита. Натягивая колготки, Анька взглянула на неё мрачно.

– Могу сказать. Это была Смерть.

– Я тебе язык оторву, – пригрозила Рита, взглянув на Сою и Свету, которые закачались, как куклы Барби на шатком столике, – прекращай балаган и говори правду!

– Там была Смерть, – повторила Анька. Рита забыла, что нужно держать халатик, и стиснула кулаки.

– Значит, там, за дверью, стояла Смерть? Ну а почему ты грохнулась на пол? Ты что, её испугалась?

– Да, испугалась. Хотя она пришла не ко мне.

Анька говорила спокойно. Её спокойствие ужасало. Кирилл Малютин из другой комнаты позвал Свету. Сразу же прибежав к нему, она очутилась в его объятиях. Это вызвало у неё смятение, потому что он не оделся, а вовсе даже наоборот. Он был возбуждён. Она попыталась вырваться. Он легко уложил её на диван, и, прижав к нему, стал довольно грубо стягивать с неё трусики.

– Во дурак! – вскричала она, цепляясь за них, – быстро

слезь с меня! Нашёл время!

– Не я, а он выбирает время, – сказал Кирилл, твёрдо дав понять, о ком говорит. Света завизжала. Вбежали Рита и Соня. Вонзив в Малютина ногти, они общими усилиями сволокли его с разъярённой Светы.

– А ну, одевайся, тварь! – приказала Рита, бросив Кирилла его трусы. Он быстро оделся. Света последовала его примеру. Он предложил ей пойти в кино. Она согласилась. И они вскоре ушли. Ещё через полчаса откланялись Анька с Соной, взяв с Риты слово прийти к ним в пятницу на спектакль. Спектакль назывался "Не покидай меня". Даша, Эля, Соня и Аня играли юных разведчиц, заброшенных в тыл к фашистам для корректировки огня. Под этим огнём они погибали, а их насмешливый командир позже умирал от ран в госпитале, пытаясь приделать оторванную голову кукле, которая была талисманом его девчонок. Зрители плакали. Также в спектакле были заняты Олег Журов, Лёшка – Дашкин жених, и Артур. Артур читал текст от автора и играл на гитаре.

Был уже вечер. Утрамбовав кулаком и пяткой в мусорное ведро две сумки с лекарствами, Рита приняла душ, оделась для выхода и взяла сотовый телефон. Набирая номер, она закуривала.

– Привет, – ответил ей мужской голос.

– Привет, Алёшка! Ну, как дела у нас?

– Да всё так же. Сегодня ты ему не звонила?

– Утром звонила. Он мне сказал, что всё хорошо. Я уста-

ла, Лёха! Я очень сильно устала. Меня нельзя держать под стеклом и лампой как игуану! Он понимать этого не хочет. Но ты-то можешь это понять?

– А кто тебя под стеклом-то держит, Ритулечка? Ты всегда и во всём поступаешь так, как считаешь нужным. Я тебе тысячу раз говорил – машину смени! Не хочешь. Ждёшь приключений.

– Я не об этом! Хватит, Алёшка, делать из меня дуру! Сегодня я встречаюсь со Светенковым.

– Где и когда?

– Не знаю! – вдруг сорвалась на дикий крик Рита. Тут же оборвав связь, она проглотила пару таблеток, проданных ей реаниматологом. Суетливо запив их водой из чайника, вновь схватила мобильник и набрала другой номер. Денис ответил не сразу.

– Да, Маргариточка.

– Добрый вечер. У меня есть свободные два часа.

– Очень хорошо. Только я пока что на тренировке. Она закончится через сорок минут. Можете подъехать в Черкизово?

– А конкретнее?

– Институт Физкультуры знаете? Слева – рынок, справа – метро...

– Найду я, найду!

Ей пришлось заехать на АЗС и отстоять очередь. Под конец захотелось кофе. Десять минут и двести рублей ушли на

кафешку, после которой путь был возобновлён. Проклиная снег, светофоры и остолопов, которым какие-то идиоты выдавали права, Рита выжимала из своей шустрой «девятки» всё, на что та была способна. Мощные иномарки незамедлительно уступали ей левый ряд. Мобильник звонил, не переставая. Рита не отвечала. Припарковав машину возле ворот института, она всё же посмотрела, кто ей звонил. Потом закурила, убрав мобильник во внутренний карман куртки.

Оттенировавшиеся спортсмены с весёлым гомоном покидали здание. Некоторым из них плоды тренировок не позволяли проходить в дверь иначе как боком. Многие, пожав руки своим друзьям, садились в машины, стоявшие, как и Риткина, вдоль бордюра. Рынок, раскинувшийся до Измайловского шоссе, уже закрывался. Возле метро, подходы к которому были сжаты коммерческими ларьками, возникло столпотворение. Рита не замечала, что пепел сыплется ей на брюки. Она смотрела по сторонам, щурясь на огни, разбрызганные по стёклам.

– У вас, по-моему, колесо спускает немножко!

– А?

Рита вздрогнула, потому что эти слова раздались не справа, откуда слышался смех спортсменов, а слева, где очень близко просвистывали машины. Тот, кто их произнёс, склонился к стеклу водительской двери. Рита нажала на кнопку стеклоподъёмника и увидела желтоватое, треугольной фор-

мы лицо в узеньких очках, блестящих под низко надвинутым капюшоном.

– Что? Колесо? Какое?

– Заднее, левое. Посмотрите сами. Если хотите, я помогу его заменить.

– Большое спасибо!

Рита открыла дверь и выставила наружу левую ногу. Спас её телефон, который она впихнула во внутренний карман куртки. Нож расколол его, и на это ушла вся сила удара. Немедленно осознав, что произошло, Рита с диким визгом шарахнулась внутрь машины, и, повалившись навзничь, отчаянно замахала ногами. Один из её ударов, как показалось ей, достиг цели, после чего дверь захлопнулась. Рита продолжала бить и по ней, не переставая кричать, колотясь затылком о кожаное сиденье. Оба её каблука сломались. Дверь пострадала невероятно. Если бы не Денис, который открыл другую и схватил Риту, крича ей, что это – он, всё было бы переломано и разбито.

Глава одиннадцатая

– Я не хочу вызывать милицию.

– Понимаю. Но это сделать необходимо.

– Я всё равно не смогу его опознать! Вы его не видели.

– Да, не видел. Но он, скорее всего, истекает кровью. Вы своим каблучком правую стекляшку из очков высадили. В течение получаса его возьмут. Это точно.

– Он ничего не скажет. Я не хочу. И так слишком много шума вокруг меня.

– Ну, что ж, как угодно.

Они сидели в машине Риты. Рита курила. Пальцы её почти не дрожали. Она с досадой разглядывала свои сапоги и дыры на пластиковой обшивке двери. Денис смотрел на узенькие очки, держа их рукой в перчатке.

– Вот так история! А вам кто-нибудь угрожал?

– Денис, успокойтесь! Я разберусь.

– Уверены?

– Разумеется.

– Как угодно. А всё-таки покажите-ка мне ещё раз свой телефон.

Рита раздражённо вынула из кармана то, что осталось от телефона.

– Клинок довольно широкий был, а удар – вполне профес-

сиональный, – проговорил Светенков, – пробить насквозь «Эриксон», да ещё сквозь куртку на синтепоне – это, я вам скажу...

Рита перебила, убрав свой несчастный «Эриксон»:

– Ну, так что вам от меня нужно?

– Да ничего.

– То есть? А зачем встретиться предлагали?

– Я ведь не знал, что вас тут будут насаживать на шампур!

Рита приоткрыла дверь, и, плюнув окурком, снова её захлопнула.

– Значит, вы, как хороший сеттер, подранков не догрызаете? Это очень приятно слышать.

– Иногда приходится догрызать, – возразил Денис, засунув очки в карман, – но вы со мной – одной крови.

– Тогда везите меня домой.

– С большим удовольствием. На моей поедем?

– Нет, на моей, – ударила Рита правой рукой по рулю, –

Если вы, конечно, не испугаетесь.

– Маргарита Викторовна! Если я вас не очень боюсь – откуда возьмётся страх перед теми, кто получает в морду вашей прекрасной ножкой и утирается?

Поменялись местами.

– А почему бы вам не приобрести другую машину? – спросил Денис, заводя мотор, – ведь вы – бизнес-леди. Вам, на мой взгляд, очень пойдёт синий «Ситроен».

– Да мне всё идёт. Поэтому я катаюсь на том, что нравит-

ся.

Светенков вёл лихо. Свистел. В зеркало смотрел часто и очень пристально. Увидав в Измайлово салон связи, Рита велела остановиться. Вышли. Купили сотовый телефон. Вставили сим-карту.

– Смотрите, а вон кафе, – мотнул Светенков своим длинным носом на «Ёлки-палки».

– Я ведь без каблучков! – всполошилась Рита.

– Бойтесь нового нападения? Не волнуйтесь, Риточка. Я умею махать ногами не хуже вас.

Рита засмеялась. И вдруг поймала себя на том, что смеётся искренне, да и вовсе не оттого, что очень смешно.

Они заказали пару салатов с курицей, холодец, тефтели с картошкой, кофе и водку. Последний пункт был вписан официанткой после минутных раздумий Риты. Ей куда больше хотелось рома, но почему-то выбор всё-таки остановлен был не на нём. Что-то удержало её от рома сейчас. Когда она осушила стопку, Денис спросил, жуя холодец:

– Как вам там живётся?

– Где именно? Я во многих местах живу.

– Да, это точно. Но ведь вы знаете, что мне трудно представить жизнь лишь в одном из них. Я вам говорил, что я – суеверный.

Рита вновь засмеялась, на этот раз – по-другому.

– Налейте мне ещё водки. А вы совсем спиртного не пьёте?

– Почему? Пью.

– Ну, так в чём же дело?

– Я – за рулём.

– Ах, вот оно что! Но ведь у вас есть удостоверение!

– На том свете оно мне не пригодится.

Рита, не склонная с этим спорить, выпила и продолжила есть салат. Денис наблюдал за ней. Поймав его взгляд, она улыбнулась.

– Вы это поняли? Замечательно.

– Я всегда это понимал.

– А ваши начальники?

– Понимают.

– А почему вы больше не шутите? Или это шутка была?

Отличная шутка!

Смех Риты прозвучал так, что официантка, которая проходила мимо, едва не выронила поднос. Денис не смеялся. Он ел спокойно и быстро.

– Как вам живётся? – опять поинтересовался он, когда Рита сама себе налила ещё одну стопку и закурила.

– Что вас конкретно интересует?

– Никто вам больше жить не мешает?

– Больше? Что значит – больше? Мне там никто не мешал.

– Что вы говорите? Вы удивительно незлопамятны, Маргарита Викторовна! Насколько я знаю, соседка сверху изрядно вам досаждала. Потом с ней что-то произошло. А также и с её мужем. Точнее сказать, сожителем.

Рита очень долго молчала. Денис смотрел ей в глаза. Погасив окурок, она промолвила:

– И что дальше?

– Да, ничего. Я просто интересуюсь. Никто вам больше жить не мешает? Все там пока могут спать спокойно?

– Вы что, с ума сошли?

На лице Дениса возникло недоумение.

– Я? С ума сошёл? Почему? Вы скажете мне, что в доме самоубийц только идиот может спать спокойно? Вы это мне хотите сказать?

– Денис, перестаньте. Что вам от меня нужно?

– Выпейте ещё водки.

Просьба была исполнена.

– Не волнуйтесь, – сказал Денис, закурив, – Абсолютно ясно, что эта баба зарезала своего сожителя и повесилась. Вы-то как смогли бы её подвесить? Она была раза в три тяжелее вас.

Рита промолчала. Денис, выпуская дым, поинтересовался:

– А что у вас за конфликт с ней был, Маргарита Викторовна? Наверное, ерунда какая-нибудь?

– Они по ночам мне спать не давали. Да и не только мне, а всему подъезду.

– Вы им грозились?

– Нет. Я просто милицию вызывала.

– А им на это было плевать? Они продолжали?

– Да.

– И вашу машину стали гвоздём царапать?

– Да, поцарапали пару раз.

– Собаку на вас спускали?

– Да, было дело.

– На вашем месте, – вздохнул Денис, – я бы не сдержался и нанял киллера. Таких тварей надо уничтожить. Это ж твари, Риточка! Самые настоящие твари.

Рита молчала, глядя в окно. Несмотря на позднее время, свободных столиков в кафе не было. За одним сидела компания весьма шумная.

– Ещё водки? – спросил Денис.

– Спасибо, не хочется.

– Но вам грустно! Я ведь отлично вижу, что грустно. Вот я опять испортил вам настроение. Извините, я не хотел.

– Перейдите к делу, – нетерпеливо сжала кулаки Рита, – и вам, и мне время дорого.

– Это правильно. Игорь Плотников часто приезжает к вам в гости?

– Игорь? Он один раз, по-моему, приезжал. Привозил мне что-то. Не помню, что.

– Не помните, и не надо. Всё хорошо. Это не вопрос, Маргарита Викторовна. Вам сахар положить в кофе?

– Спасибо, нет. Я сама. Вас Игорь интересует?

– Кто вам сказал?

– Я просто спросила.

– Я тоже просто спросил. Так вы ему жаловались на этих буйных соседей?

– Конечно, нет. Ведь это – больные люди.

– То есть, вы понимали, что их следует лечить, а не убивать? Поэтому ничего ему не сказали?

Отхлебнув кофе, Рита достала сотовый телефон и стала нажимать кнопки.

– Риточка, вы сейчас поднимете шум ненужный, лишний и вредный, – проговорил Денис прежним тоном, но чуть-чуть громче, – я ничего ещё не сказал.

Рита отложила мобильник и подняла глаза.

– Ладно, говорите. Но только коротко.

– Как угодно. Он, Маргарита Викторовна, вас всех в могилу утянет.

– Кто?

– Игорёк. Знаешь, на кого он раньше работал?

– Ну?

– Вот тебе и ну! Теперь с этим человеком Путин созванивается по всем нефтяным вопросам. А Игорь твой его кинул несколько лет назад. Естественно кинул. Отсюда – груда проблем у твоего Миши. И она будет расти по геометрической, если Миша не сбросит этот балласт. А Миша его не сбросит. Он – человек упёртый до неприличия. Понимаешь?

– А что вы так о Мише заботитесь?

– Потому, что Мишу топить не хочет никто. Он создал реально работающую компанию, эффективную и прозрачную.

Честно платит налоги. Детские дома тянет. Да, в девяностые он немножко поураганил, но кто из нас без греха? Не об этом речь. Вопрос, скажем прямо, в принципы упирается. Его нужно как-то решить. И лучшим решением будет избавить Мишу от этого беспредельщика. Вот и всё.

– Да пошёл ты на ...!

Рита произнесла это тихо. Шёпотом. Но Денис увидел её слова. Именно увидел. Он мог читать по губам. На его лице отразилась грусть.

– А ты хорошо подумала?

– Денис! Игорь не купится ни на что, даже если ему реально будет грозить пожизненное! Он вам не поверит. Он никаких показаний на Михаила Борисовича не даст. Он просто вам не поверит. Это его особенность – вам не верить. Я, например, брюнетка. А ты – блондин с длинными ресницами. А у Светы, моей соседки, часто вываливается еда изо рта. А вот Игорь Плотников вам не верит!

– Ох, Маргарита Викторовна!

Задумчиво позвенев ложкой в кофе, Денис спросил:

– Так вы говорите, он поднимался к вашим соседям?

Телефон Риты подал сигнал. Она приняла звонок.

– Да, Арина.

– К Тамаре тут грубо подкатил один мусорок, – сообщила Вронская сквозь какой-то скандал и громкую музыку, – очень мерзко всё это было. Но не волнуйся – он, максимум, лейтенант.

– Так что она сделала?

– Молча в рыло ему дала.

– Ну, и молодец! Аринка, прости, мне Светка звонит тут по второй линии ... Да, чего? Говори быстрее, я занята немножко.

– Он идиот! – зашлась рёвом Света, – он тут дерётся из-за меня! Ой! Ой, какой ужас!

Действительно, раздавались крики человек трёх, отчаянно молотивших друг друга.

– Где это происходит? – спросила Рита.

– Здесь, в кинотеатре! Зачем, зачем он к ним прицепился? Вот уже кровь! Я хочу домой!

– Так беги домой! Охранники разберутся! Я занята.

Рита убрала телефон и допила кофе, не обращая внимания на Дениса, который опять закуривал и внимательно наблюдал за нею. Потом она поднялась и вышла на улицу.

Завывающий ветер обжёт ей щёки. Её «девятка» стояла двумя колёсами на бордюре рядом с автобусной остановкой. «Свинья какая-то, а не лошадь!» – решила Рита, увидев грязь, пластами висевшую на подкрылках. Район впадал в ночное оцепенение. Небо было рваным и заскорузлым, как над пожарищем. Все московские фонари – и мачтовые, и низкие, во дворах, как будто сдирали кожу с бегущих туч, цепляясь за них десятками тысяч рук. Рита неподвижно стояла на тротуаре, не замечая людей, которые оказались вынуждены её обходить. Корпуса гостиницы расплывались пе-

ред её глазами, как миражи. Она заморгала. С ресниц закапали слёзы. Кто-то остановился.

– Девушка, вам помочь?

Она не ответила. Ветер пил её слёзы и выл, как зверь. Он просил ещё. Она зарыдала, сторбившись и прижав ладони к лицу. Человек, который спросил, не требуется ли помощь, подошёл ближе.

– Да что случилось? У вас несчастье? Вам плохо?

Она не знала, что говорить. Однако, молчать было невозможно. На ум пришли слова Светы, которые кто угодно мог бы произнести, только не она. Рита повторила:

– Вот уже кровь! Я хочу домой!

– А где ты живёшь?

– В Перово.

– Это недалеко. Я сейчас поймаю такси.

– Не надо такси! Вот моя машина. Я её здесь не брошу!

Но я пьяна. Я выпила полбутылки.

Он помолчал, закуривая. Часы, висевшие на столбе около метро, показывали одиннадцать сорок. Слёзы вдруг показались Рите чужими, тёплыми от ненужной и чужой боли. Она перчаткой стала их вытирать.

– Могу тебя отвезти, – сказал незнакомец, бросив окурок в урну.

– Вы?

– Да. Час у меня есть.

Она протянула ему ключи. Нажав кнопку пульта, после

чего «девятка» приветливо замигала, он сел за руль. Рита села рядом. Минуты две пришлось отогреть стёкла. Всё это время Рита, достав платочек и пудреницу, старательно приводила в порядок своё лицо. Ей было ужасно стыдно за свои слёзы. Стыдно перед собой, а не перед тем, кто вызвался ей помочь. Она ведь его не знала. А он, вырвав по снежным ухабам на полосу движения, произнёс:

– Ты, видимо, редко плачешь.

Она недоумевающе опустила платочек.

– С чего ты взял?

– Слишком много слёз.

– А сколько их должно быть?

– Не больше, чем водки. А ты всего полбутылки выпила.

Ему было лет двадцать семь. Он слегка сутулился, морщил нос и дёргал башкой, сбивая с глаз чёлку. Машину вёл резковато. Казалось, нервничал. Но, приглядываясь к его лицу в рыскающем свете уличных фонарей и встречного транспорта, Рита сильных эмоций не замечала.

– Как тебя звать? – спросила она, закуривая.

– Серёжа.

– А меня – Рита.

Он промолчал.

– Спасибо, что выручил.

– Ерунда.

– Ой! Ничего, что я закурила?

– Я сам курю.

Новый телефон подал голос. Взглянув на номер, Рита нажала сброс.

На Главной аллее Измайловского парка Сергей увеличил скорость до девяноста. Редкие фонари над узкой, чёрной, пустой дорогой казались отблесками луны, деревья с обеих сторон её – великанами, видящими только друг друга. И Рите вдруг захотелось, чтоб эта ночь, такая далёкая от всего, что ей опостылело, сделалась бесконечной, и далеко, до звёзд, вонзалась в неё дорога – узкая, чёрная и пустая.

– Чем занимаешься? – поинтересовался Сергей, сбрасывая газ перед поворотом налево.

– Бизнесом.

– Крупным?

– Да как сказать... Не особо мелким.

– Тогда всё ясно.

– Что именно?

– К тебе хвост прицеплен.

Расплющив пальцами сигаретный фильтр, Рита стремительно повернула голову. Жгучий свет галогенных фар единственного на всём видимом пространстве автомобиля заставил её зажмуриться. Это был «Ниссан Максима» – низкий, чёрный, с непроницаемой тонировкой стёкол. Он входил в поворот, который Сергей уже миновал, после чего скорости не прибавил.

– С чего ты взял? – удивилась Рита.

Сергей молчал, сдувая с глаз чёлку. Стрелка спидомет-

ра колебалась между шестьюдесятью и семьюдесятью. Завершив поворот, «Ниссан» сохранил прежнюю дистанцию.

– Да с чего ты взял? – повторила Рита, хоть ей всё стало понятно. Но не спросить она не могла.

– Когда мы отъехали от метро, я четыре раза вправо свернул. Привычка такая. Он не отстал.

– Прибавь-ка газку!

Сергей это сделал, но только после того, как внезапно, резко выполнил разворот. Стрелка подскочила к ста двадцати. «Ниссан» повторил манёвр и стал сокращать дистанцию.

– Не шифруются, – произнёс Сергей, бросив взгляд на Риту, – короче, тебе – хана. Он идёт на мокрое.

– В каком смысле?

– Да в прямом смысле, дура! Тебя сейчас мочканут.

У Риты свело живот. Она вжалась в кресло, как будто вдруг оказалась на высоте птичьего полёта, и проскулила:

– Нет! Ради Бога, сжальтесь! Я не хочу!

– Ты думаешь, я хочу? – процедил Сергей, давя на акселератор, – да чтоб ты, мразь, провалилась! Мне только и не хватает пули в башке для невероятного счастья! Чёрт меня дёрнул связаться с такой козой!

Скорость неуклонно росла. «Ниссан» приближался, притом стремительно, наполняя «девятку» слепящим светом. Зеркало било им по глазам и нервам, лишая Риту последних крох самообладания. Колотя зубами о зубы, она молилась, хоть никогда ни в какого бога не верила.

– До шоссе не доедем, – сказал Сергей, приняв, судя по всему, некое решение, – тормоза нормальные?

– Да, нормальные, – пропищала Рита, – на той неделе меняли и регулировали!

– Отлично. Ты пристегнулась?

– Да!

– Фаркоп есть?

– Да, есть!

– Ну, держись!

С этими словами Сергей ударил по тормозам. Колодки зашлись поросычьим визгом. Асфальт был, к счастью, вычищен идеально. Риту бросило вперёд так, что если бы не ремень – она улетела бы сквозь стекло метров на пятнадцать. В следующую секунду её швырнуло назад, поскольку к «девятке» сзади, также визжа колодками, сокрушительно приложился чёрный «Ниссан».

Удар был невероятный. Перед глазами Риты всё пошло вихрем и кувырком. У неё возникло твёрдое ощущение, что её лошадка своё отъездила. Но – не тут-то было. Сергей, мгновенно после удара врубив вторую, заложил круто влево и хорошенько дал по газам. «Девятка» опять помчалась в Перово. Краешком глаза Рита увидела, что «Ниссан» продолжает медленно катиться вперёд. Его радиатор был разворочен.

– Нам повезло, они не были пристёгнуты, – объяснил Сергей, включая четвёртую передачу, – а без ремней подушки

безопасности – не спасители, а убийцы! На это я и рассчитывал. У «Ниссанов» вся эта хрень работает безотказно.

– Их там что, двое? – спросила Рита.

– Как минимум. Ведь они заходили слева – значит, стрелять готовился пассажир.

Это рассуждение показалось Рите логичным. Она задумалась, с тоской глядя на телефон. Но к клавишам так и не прикоснулась.

Сворачивая на Шоссе Энтузиастов, Сергей спросил, куда ехать дальше.

– Направо. Три светофора проскакиваем, и за четвёртым – налево.

Улицы были почти пусты, и весь этот путь занял минут пять.

– Если ты здесь живёшь, тебя уже могут ждать во дворе, а то и в подъезде, – предостерёг Сергей, свернув к дому, – короче, я тебе не завидую.

– Рано радуешься, дурак! Ты вместе со мной поднимешься до квартиры.

– А какой смысл? Нас обоих грохнут. Я – без ствола.

– Серёжа! Надо завершать то, что начал. Ты пока сделал только полдела.

Рита даже не сомневалась, что этот довод подействует, потому что уже неплохо знала своего спутника. И её расчёт оправдался. Серёжа молча въехал во двор и припарковал «девятку» под фонарём около подъезда. Выскочив из маши-

ны, Рита её осмотрела сзади. Ни одного повреждения не заметила.

– Эти идиоты прямо в него уткнулись, – сказал Сергей, ударив ногой в фаркоп, – Отличная штука.

Во дворе не было никого, и также в подъезде. Перед квартирной дверью Сергей прислушался, поглядел на следующий пролёт.

– Вроде всё нормально. Пойду?

– Куда ты пойдёшь? – ужаснулась Рита, схватив его за рукав, – а если в квартире киллер засел?

Сергей согласился, что и такое возможно, хотя его впечатлила величина ключей от дверных замков, да и сама дверь. Вошли. Светы ещё не было. Мюрат спал в уголке прихожей. Шевельнув ухом и приоткрыв один глаз, он пристально поглядел на двоих вошедших и снова его закрыл. Ему было всё равно.

Рита провела Серёжу на кухню. От коньяка он не отказался. Сказал, что хочет и бутерброды. Пока он ел, Рита написала длинное сообщение. Ей ответили. Прочитав ответ, она закурила, положив ноги на табуретку. Сергей на них не взглянул. Он был очень голоден.

– Кто тебя подослал? – поинтересовалась Рита, следя за ним, – Михаил Борисович?

Этот вопрос удивил Сергея, но не настолько, чтоб он перестал жевать. Его удивление выразилось лишь взглядом.

– Ну, хорошо. Сама всё узнаю. Ты автогонщик?

– Нет.

– Сварить тебе кофе?

– Да.

Его рот был всё ещё занят. Поднявшись, чтоб подойти к плите, она вдруг увидела, что носки у него – не очень. Каждый имел по две-три дыры. Ей стало смешно. Ну как можно было подумать, что он к ней кем-то подослан? Тощий, мрачный оборвыш! Неожиданно для себя самой она положила руки ему на плечи. Он среагировал – весьма вяло, но недвусмысленно. Первым делом она стянула с него носки, так как они выглядели ужасно.

Чайник вскипел. Про него забыли. Вскоре явилась Света. Она была вся в слезах. При виде того, что происходило на кухне, её лицо прояснилось.

– Ой, извините, – пробормотала она и ушла к себе. Неаполитанский король, прискакавший следом за ней на кухню, остался и досмотрел до конца. А потом втроём пили кофе. Третьим, конечно, был не Мюрат. Он пил молоко.

– Ритка, а он кто? – поинтересовалась Света, разглядывая Серёжку через стол спереди после взгляда сзади, справа и слева. Серёжка не придавал ей особенного значения. Он был занят своими мыслями, а ещё сдувал со лба чёлку, между глотками кофе затягивался «Парламентом» и поглядывал на окно, как будто под фонарём стоял его «Мерседес».

– В каком смысле, кто? – не поняла Рита.

– В смысле – телёнок, цыплёнок или утёнок?

– Я в затруднении, если честно. Трахается как кролик, а в остальном ведёт себя как свинья!

– Сама ты свинья, – вдруг подал голос Серёжка, гася окурок, – так я у вас до утра останусь?

– А ты разве не спешил по срочному делу?

– А я его уже сделал.

– Так ты к девчонке спешил?

– Ну, да.

– Тогда оставайся. Я живу слева от туалета.

Время близилось к двум часам пополуночи. Допив кофе, Серёжка в одних трусах с небольшой дырой поплёлся в указанном направлении. Пока плёлся, Рита и Света не отрывали глаз от этой дыры. Потом, когда дверь закрылась и кровать скрипнула, засмеялись. Рита, не обращая внимания на Мюрата, который начал сражение с её левой ногой, сказала:

– Прости, что я тебя не предупредила! Внезапно как-то случилось всё.

– Что случилось?

– Нет, сперва ты рассказывай! Что с Малютиным? Он живой?

Ответом был жест, который давал понять, что Малютин жив, но радуются по этому поводу пускай те, кого он ещё не трахнул. Рите опять сделалось смешно.

– Так ты с ним встречаться уже не будешь?

– Да почему не буду? Может быть, буду, может быть – нет.

А ты где была?

– Каталась.

– А этот парень в рваных трусах спас тебя от смерти?

Рита внимательно поглядела Свете в глаза и допила кофе.

– С чего ты это взяла?

– Да очень уж ты ему шикарно давала раком!

– Я, вообще, всё делаю шикарно, за что берусь, – пожалала плечами Рита.

– Но ты взялась за очень странное дело.

– Почему странное? Он вполне симпатичный мальчик.

– У него очень несимпатичный взгляд. Ты бы просто так не приволокла домой мужика с такими глазами! Зависеть ты от него не можешь – слишком у него трусы рваные. Значит, ты ему благодарна.

– Ну, хорошо, Шерлок Холмс, – усмехнулась Рита, – он спас мне жизнь, это правда. Ты хочешь знать что-нибудь ещё?

– Боже упаси! – ответила Света и поднялась, – я пойду.

– Нет, сядь.

Света опять села. Закурив, Рита ей рассказала всё. Она ждала слёз, истерики, причитаний. Но появились одни лишь слёзы.

– Прости, пожалуйста, если можешь, – вздохнула Рита, гася окурки так тщательно, словно он был соединён шнуром с бочкой пороха, – Ты должна была это знать.

– Зачем? Зачем мне всё это знать?

– Ты должна решить, остаться тебе со мной или переехать.

Со мной стало жить опасно, как видишь. Очень опасно.

– А ты хоть знаешь, кто за тобой охотится?

– Нет, не знаю. Вряд ли спецслужбы. Во-первых, я им нужна. Точнее, они так думают. Во-вторых, они бы два раза не лажанулись. Это уж точно.

– Может быть, конкуренты?

– Да, может быть. Очень вероятно. Что ты решила?

Света, не отвечая, утёрла слёзы. Её мобильник подал сигнал.

– Это опять Рома, – произнесла она, взглянув на дисплей.

– Спроси, что он хочет. Возможно, это и есть решение.

Света выключила мобильник, надавив пальцем на него так, что он затрещал. Рита улыбнулась.

– Да не ломай телефон! Подумай ещё.

Мюрат вдруг запрыгнул к ней на колени. Она его почесала за ухом. Он уснул. За окном царило безмолвие дна морского. Фонарь белел над «девяткой» и над другими машинами будто в раме масляного пейзажа. Свету одолевало странное ощущение. Ей казалось – кто-то удерживает ход времени, чтоб она подумала ещё раз. Она нанесла несколько ударов ребром ладони по телефону, лежавшему на столе. Он не пострадал – рука у неё была очень мягкая. Но Мюрат спрыгнул на пол и зашипел. Шерсть у него вздыбилась.

– Тихо вы! – воскликнула Рита, приложив к уху свой телефон, который заиграл вальс, – алло!

– Маргарита Викторовна, прошу извинить за поздний зво-

нок, – сказал Светенков без тени своей обычной весёлости, –
впрочем, вы, я слышу, не спите. Говорить можете?

– Могу слушать. Что вам угодно?

– Я всё-таки попросил соответствующие ведомства проявить активность по поводу человека с кровоточащим глазом. Так, ненавязчиво – ведь у вас претензий-то к нему нет.

– Что дальше?

– Мне только что сообщили, что экипаж ГАИ обнаружил в Измайлово «Ниссан Максима», потерпевший аварию. Внутри – двое. Оба сильно травмированы, и у одного разрезано веко. Эта травма к аварии отношения не имеет.

– Где он сейчас?

– В больнице, но под присмотром. Можете с ним переговорить – хоть сейчас, хоть завтра.

Рита задумалась.

– Что молчите?

– Зеваю.

– Ясно. Вы, как я вижу, убеждены, что это паскудство организовано нами, с целью внушить вам некую мысль? Риточка, попробуйте рассуждать хотя бы на самом низком уровне логики! Если бы не мобильник в вашем кармане, вас бы проткнули ножом насквозь. Убийца, по-вашему, о нём знал и бил именно в него? Если так, то это – не человек, а сверхточный робот с двумя рентгенами вместо глаз.

– Ах, Денис Антонович! Мне смешно. Вы очень смешной. Я пойду, посплю. Хорошо?

– Я почти уверен, что вы проснёться, – сказал Денис и положил трубку. Света глубокомысленно засопела. Мюрат, стоявший поблизости, разделил её озадаченность. Они оба слышали всё. Рита, между тем, набрала какое-то сообщение, и, отправив его, опять водрузила на табуретку ноги. Её лицо было злым.

– «Эриксон» я пальцем проткну, – заявила Света, – Он очень хлипкий.

– Ты это знаешь наверняка?

– Да, на все сто процентов. У Ромы был в точности такой же, как у тебя. Однажды я его швырнула об стену, и он рассыпался на молекулы.

Рита стала часто моргать. Решив, что она борется со сном, Света её дёрнула за ногу, потому что нужно было дожидаться ответного сообщения. Тут оно как раз и пришло.

– «Если бы не «Эриксон», ты в больнице бы пролежала пару недель», – прочла Рита вслух, – «не больше. Бил профессионал, точно рассчитавший удар.»

– Чья это оценка? – спросила Света.

– Специалиста.

– Из службы безопасности Хордаковского?

Рита сделала отрицательный жест. Опять закурила.

– А Хордаковский знает, что на тебя покушались?

– Да.

– Он тебе звонил?

– Пока ещё нет. Он занят.

– Нормально!

– Да, это вполне нормально – не делать то, что не принесёт ни малейшей пользы.

– Он меры хотя бы принял?

– Наверняка.

– Какие?

– Не знаю. Я не специалист. Но думаю, что подъезд взят под наблюдение.

Света встала и подошла к окну. Блестящая темнота уставилась на неё глазами гадюки, слившейся с зарослями. Во дворе не было ни души. Так, по крайней мере, казалось.

– А может быть, и не взят, – произнесла Рита, вставая, – всё может быть. Я пойду, посплю.

Света и Мюрат остались на кухне. Она взяла его на руки. Он был чем-то обижен. Пришлось его покормить. Кукушка из комнаты сообщила, что уже два сорок пять.

– Ты прав, – заметила Света, следя, как рыжий охотник за этой самой кукушкой и занавесками уплетает сыр и сосиску, – проблемы надо решать по мере их поступления. И тогда не будешь страдать отсутствием аппетита.

Глава двенадцатая

Света встала в восемь пятнадцать, преодолев искушение раздолбить будильник об пол. К своему большому недоумению, она вдруг обнаружила по пути в санузел, что Рита в одном белье жрёт на кухне кашу. Недоумение объяснялось тем, что хозяйка бара никогда прежде раньше полудня не пробуждалась.

– Привет, – просопела Света, открыв дверь ванной, – а твой дружок ещё спит?

– Ушёл он, – с набитым овсянкой ртом ответила Рита. Она казалась задумчивой.

– Как ушёл? Так рано? Он что, работает?

– Вероятно.

Ополоснувшись, Света сварила кофе. Рита, тем временем, одевалась. Обе молчали. Мюрат скакал от одной к другой. Надевая куртку, Рита спросила свою подругу, не подвезти ли её до театра.

– Было бы хорошо! – отозвалась та, – но тебе придётся ждать меня минут двадцать.

– Ладно, я подожду в машине. Котёнку в миску что-нибудь положи.

– Да подожди здесь! Одной выходить опасно.

Но Рита вышла, изобразив на лице тошнотную скуку. Сев

к ней в машину минут через двадцать пять, Света пожалела о том, что не задержалась ещё, Потому что Рите пришлось прервать телефонный ор на госпожу Вронскую. Сделав это, она не скрыла досады. Ни слова не говоря, дала такой старт, что две передних покрышки сильно приблизились к сроку утилизации.

За «девяткой» тронулся чёрный «Лексус». Он за ней следовал и по улице. Света обратила на него внимание Риты.

– Свои, – отозвалась та, включая четвёртую передачу.

– Типа, охрана?

– Типа того.

– Ты сейчас куда?

– По делам.

Движение было плотным, однако Рита гнала машину под девяносто, пересекая сплошные линии и рискованно маневрируя. «Лексус» не отставал.

– А хочешь, я отпрошусь и с тобой поеду? – спросила Света.

– Зачем?

– Ты неадекватна. Прости, что я тебе это говорю, но...

– Прощаю в последний раз, – оборвала Рита, резко затормозив у ограды театра, – привет Малютину.

Света вышла, не попрощавшись, и зашагала к зданию, не оглядываясь. Увидев её лицо, охранники поздоровались с нею сдержанно. Попросили предъявить пропуск. У них был строгий приказ директора не впускать без пропуска никого,

включая даже его любимую секретаршу.

Быстро переодевшись, Света начала мыть полы. Ей до смерти не хотелось, чтоб с ней здоровались, спрашивали о чём-то. Но все, конечно же, это делали, а иные, в том числе сам Корней Митрофанович, дружелюбно хлопали и трепали. Малютин, не в пример им, приветствовал её холодно.

– Прости, что я вчера убежала, – сказала Света, опустив тряпку в ведро, – я очень трусливая. Боюсь крови.

– Да у этих козлов вместо крови – водка, – проговорил Ромео, почёсывая ногтями лоб в напрасной попытке скрыть синеву под глазом, – а чтоб мою кровь увидеть, таких не двое надо, а шестеро!

– Ах, Кирилл! Ты – весь в своей роли. Только Джульетта бегает не к тебе, а ко мне. Не знаешь, с чем это связано?

– С трясущимися руками у акушерки, – сказал Кирилл и ушёл в гримёрку.

Кончив работу, Света осталась на репетицию. Она села рядом с Маринкой, раскрыла томик Шекспира. Никто на это не среагировал. Все привыкли. Виктор Эмильевич был в отъезде, и в связи с этим на репетиции отрабатывался ряд сцен, не связанных с танцами. В их число входил плач леди Капулетти над телом дочери. Режиссёр остался очень доволен Тamarой. Она, действительно, раздирала себе лицо и каталась по полу достоверно, но секретарша директора, Вероника, сидевшая перед сценой с вытянутыми ногами в чёрных колготках, громко не поняла, почему леди Капулетти воеет

вполголотики – гораздо тише, чем над Тибальдом, который был всего лишь её племянником.

– Здесь должна быть и моя реплика, – объяснил Кремнёв, игравший отца, – для того, чтоб переорать Тамару, орущую во всю мощь, нужен стадионный динамик. А на него директор денег не выделит, даже если ты попросишь его об этом столь же громкими звуками.

– Пусть она от горя лишится чувств на одну минуту, – не унялась секретарша, – и ты спокойно произнесёшь свою реплику.

– Вероника, Шекспир в соавторах не нуждается, как и я – в советчиках, – осадил фантазию обладательницы роскошных ног Корней Митрофанович, – Продолжаем!

Не тут-то было. Тело Джульетты, не поднимаясь из гроба с белыми рюшками, изъявило желание высказаться по сути, против чего режиссёр обычно не возражал. Чёрт дёрнул его кивнуть и на этот раз, и мадемуазель Капулетти стала высказываться. Карина сочла идею своей лучшей подруженции, Вероники, оригинальной и гениальной. Немедленно разгорелся спор. Тамара, считавшая Веронику конченной дурой, лишаться чувств не желала. Кремнёв её убеждал, что это, действительно, неплохая мысль. Олег Журов, игравший брата Лоренцо, был с ним согласен. Тибальд, Ромео, Бенволио и Меркуцио, соответственно – Янушевский, Малютин, Горин и Атабеков, были Маринкой отпущены покурить. Даша и Эльвира, к всеобщему удивлению, оказались по разные сто-

роны баррикад и были готовы к драке. Ася и Соня также сцепились между собой. Какой точки зрения придерживалась Волненко, понять было невозможно, хотя она орала громче всех остальных. Почти столь же громким был крик Маринки, державшей сторону режиссёра. Сам он молчал несколько минут. Потом вдруг поднялся и объявил:

– Перерыв! Через три минуты ни одного постороннего в зале быть не должно.

– Вы это меня имели в виду, Корней Митрофанович? – изогнула бровь Вероника, – так вы уж прямо скажите, если меня!

Корней Митрофанович молча вышел. Света осталась и попыталась как-нибудь спрятаться за раскрытой книжкой, но наблюдательная Маринка шепнула ей, что сегодня лучше не нарываться. Из груди Светы вырвался вздох, который слышал только Шекспир. Благодушный князь, Юрий Серафимович, бормоча неловкие извинения и ещё менее удачные комплименты, под руку проводил её до фойе. Там она легла на диванчик, сунув Шекспира под голову, и мгновенно крепко уснула.

Спустя четыре часа девочки позвали её пить кофе в свою гримёрку. Все они были вымотаны физически и морально. Сидели бледные, неподвижные. Соня плакала. Но никто, включая Карину, над ней не иронизировал, потому что слёзы просились из глаз у всех.

– Мне ещё сегодня работать, – хрипло проговорила Тама-

ра, стиснув руками голову, – это что, вообще, такое?

– И мне ещё сегодня работать, – ныла Волненко, – всю ночь! С продюсером! Ему семьдесят!

– Ну, и радуйся, – раздражённо вымолвила Карина, – он в любом случае будет счастлив.

– Вот уж не думаю, что он будет счастлив, если я блевану ему прямо в рожу его поганую! Для того, чтоб этого не случилось, мне нужно будет напрячь все силы. А где их взять? Их у меня нет! Корней Митрофанович вывернул меня назнанку! И наплевал мне в душу! Он просто мразь! И скотина!

– Так пусть же эта скотина отдрючит ту, семидесятилетнюю, – предложила Эля, – та возражать не будет. В семьдесят лет приятнее наклониться, чем наклонить.

Шутка никого не развеселила. Света включила чайник и приготовила кофе всем. Эля и Тамара её поблагодарили.

– Что, нашла Ритка для нас какие-нибудь варианты? – осведомилась Волненко, взяв у неё огромную свою кружку.

– Вряд ли, я думаю. Ей сейчас не до этого.

Лицо Аньки отобразило крайнее удивление.

– Я не въехала! Что значит – не до этого? Мы ведь ей русским языком объяснили, что дело срочное! Ей так сложно взять свой мобильник и набрать номер?

– Анька, заткнись, – утирая нос, прохлюпала Соня, – она тебе ничего не пообещала!

– Она меня приняла! – взревела Волненко, – ей что, была

непонятна цель моего визита? Как бы не так! Она ведь не идиотка! Тамаре быстренько нашлось место! А мы с тобой, которые её младше на десять лет, можем идти на ...?

Тамара даже и не взглянула на говорившую, но сказала, что да, пора, продюсер наверняка уже жрёт виагру. Эля, откинув голову, засмеялась с явным усилием. Даша вторила ей. Тут же к ним примкнули Карина с Асей, которым Анькины крики были сейчас хуже зубной боли. Анька их всех окинула страшным взглядом. Когда никто особо не испугался, она втянула в себя достаточный объём воздуха для словесного урагана, который мог привести к большой катастрофе.

– Её хотели убить! – воскликнула Света, – ударили ножом в грудь! Потом чуть не застрелили в лесу!

После этих слов даже слёзы Сони остановились, что было менее предствимо, чем моментальная остановка скорого поезда. Воцарилась мёртвая тишина. Она продолжалась почти целую минуту.

– Ударили ножом в грудь? – повторила Анька, поставив кружку, – ты шутишь?

– Какие шутки? Мобильник пробит насквозь! Он был у неё в кармане! Потом за ней гонялся чёрный «Ниссан» по Главной аллее!

– И не догнал?

– Ещё как догнал! Поэтому от него хер чего осталось! Ведь на её «девятке» – фаркоп! Ну, эта штукovina для прицепа...

– Знаю, не дура! Давай, рассказывай по порядку.

Света в пяти-шести предложениях рассказала всё, умолчав только о Светенкове. Впрочем, о нём она знала мало. Можно сказать, что и ничего. Маленький пробел пришлось восполнять придумками.

– Как-то это слишком всё драматично, – надула губы Карина, – лес, темнота, дорога совсем пустая, чёрный «Ниссан»! Ведь и у меня – чёрный «Ниссан Максима». Он «девятку» легко обходит. А этот, видите ли, за ней полчаса гонялся! Такого просто не может быть.

– О, Господи, Ритку чуть не зарезали! Трудно выбрать более подходящий повод, чтоб в сотый раз рассказать, какую крутую тачку папа нам подарил! – блеснула Волненко слезами негодования, – шла бы ты уже на ... со своим папой!

Карина медленно встала. Её немедленно усадили и принялись успокаивать. Разгорелся спор о ходовых качествах двух машин. Одна лишь Тамара не приняла в нём участия. Допив кофе и покурив, она торопливо переделась и потихоньку ушла.

На улице было уже темно. Сыпал редкий снег. Подойдя к бордюру, Тамара подняла руку. Остановились белые «Жигули». Водитель помог открыть перекособоченную, помятую дверь, толкнув её изнутри.

– Семёновская.

– Садитесь.

Последовав приглашению и захлопнув дверь, Тамара достала свой телефон. Водитель, не исключавший, кажется,

некий альтернативный способ оплаты, с разочарованным вздохом привёл помойку в движение и свернул через круг направо, к проспекту. Всё-таки краем глаза он наблюдал за Тамарой.

Наташа сразу вышла на связь. Сперва Тамара услышала нарастающий вой подземного поезда, затем – голос:

– Говори громче! Я в метро еду.

– А что ты так рано вышла?

– Хочу заехать в «Рив Гош», помаду купить.

– Он где?

– На Таганке.

– Ты подожди меня там, я буду минут через двадцать пять!

Наташа сказала, что обязательно подождёт. Убрав телефон, Тамара обратилась к водителю:

– У меня изменились планы. Можете отвезти меня на Таганку?

– Я всё могу, – тоном короля ответил помоешник, пролетая на жёлтый свет. Помолчав, прибавил:

– На следующем перекрёстке – очень хорошая «Шоколадница». Не хотите кофе попить?

– Иди на ..., детка, – проговорила Тамара, хоть собеседник годился ей скорее в папаши, чем в сыновья. Она была слишком сосредоточена, чтобы замечать такие нюансы.

– Триста рублей, – озлобился ловелас.

– Угу.

Дорога заняла полчаса. Выйдя из машины, Тамара сразу

столкнулась с очень довольной Наташкой, которая выходила из магазина.

– Привет. Купила помаду?

– Да.

– Покажи!

Они закурили, идя к метро. Когда минут через пять спустились на станцию радиальной линии, разговор про помаду всё ещё продолжался. В толпе перед эскалатором он был прерван, так как толкали со всех сторон. Тамара, которой нужно было немедленно сменить тему, этим воспользовалась.

– На Ритку сегодня ночью было два покушения, – сообщила она, стоя на одной ступеньке с Наташей. Та округлила глаза.

– На Ритку? На нашу Ритку?

Тамара коротко повторила весь рассказ Светы. Наташка только моргала.

– Это ужасно, – пробормотала она, когда вошли, точнее – вломились в поезд, – ночь, пистолет, чёрная машина! С ума сойти! Их должны поймать!

Тамара взялась за поручень.

– Ты больная? Они, по-твоему, будут сами себя ловить?

– В каком смысле – сами себя?

– А то ты не знаешь... Слушай, куда этот козёл лезет? Что ты толкаешься, идиот? Мы сейчас выходим!

На Арбатско-Покровской линии двум работницам бара удалось сесть. Тамара под вой и грохот вцепилась ртом в ро-

зовое ухо официантки.

– Ты ей должна сегодня всё рассказать! Абсолютно всё! Иначе, ей – смерть! Она должна знать реальный расклад, чтоб не ошибиться с решением. Понимаешь?

– Что рассказать?

– Ты дуру не корчи! Рассказать то, что мне рассказала, когда мы выпили в «Шоколаднице»! Светенков тебя трахнул. Правильно?

– Нет! – взвизгнула Наташа, залившись краской.

– Что значит – нет? Ты это сказала?

– Да.

– Так да или нет?

– Я точно не помню. Всё может быть. Но мне не понравилось!

– И поэтому ты ему отказала, когда он тебе велел внести в бар наркотики, посулив за это московскую регистрацию и диплом престижного ВУЗа?

– Он не сказал мне, что это были наркотики!

Поезд подкатил к Бауманской. Тамара, не собиравшаяся давать своей собеседнице слишком много времени на раздумья, была готова поубивать пассажиров, неторопливо входивших и выходивших. Когда состав опять вгрохотал в тоннель, она прокричала:

– А что, по-твоему, это было? Приправа к супу? Ты так и скажешь Ритке, что он тебе поручил впаривать клиентам наркотики, предложив за это диплом, прописку и безопас-

ность!

– Да Ритка сразу уволит меня за то, что я двадцать дней молчала! А мне нельзя сейчас без работы остаться, никак нельзя! Мне надо платить за комнату.

– Да за что тебя увольнять? Совершенно ясно, что ты боялась. И ты имеешь на это полное право, как незащищенное и безмозглое существо! А вот если с Риткой что-то произойдёт, ты и в самом деле останешься без работы!

Официантка задумалась, потирая пальцами лоб. Поезд миновал Электрозаводскую. Когда он вновь начал замедляться, Тамара встала.

– Сейчас уже будет наша. Или ты дальше собралась ехать?

– Похоже, мне уже ехать некуда, – прошептала Наташка и поднялась. Лицо её было бледным. На эскалаторе она, слушая Тамару, которая продолжала с жаром долдонить ей свои доводы, набирала длинное сообщение.

Уличные часы показывали двадцать один двадцать.

– Короче, я ей всё написала подробным образом, – сообщила Наташа, когда шли к бару, – пусть реагирует так, как считает нужным.

– Отлично.

Дошли за десять минут, переодевались и марафетились куда дольше. Народу в зале было ещё немного. Тамара, только отчасти восстановив энергию чашкой кофе и перебранкой с Викой, работала вполноги. Тем не менее, после «Старого танго» Армстронга её проводили со сцены долгой ова-

цией. Вторым номером значилась «Хабанера» – только оркестр, без вокальной партии. Покурив со стилисткой и при её участии облачившись в костюм Кармен поверх эротического белья, Тамара сказала звуковику, что ещё покурит с Викторией.

Посетителей за пятнадцать минут прибавилось раза в два. Тихо играл джаз. Увидев Тамару в длинной голубой юбке, белом жакете и ярко-красных чулках, да ещё с цветком в волосах, зрители захлопали. Одарив их улыбкой, Кармен усе­лась на табуретку около барной стойки и закурила. Вика – более сдержанная, чем час назад, налила ей соку. Она была занята разговором ни с кем иным, как с юным Наташкиным лаборантом, расположившимся на другой табуретке. Он приходил уже второй раз. Его пропускали по распоряжению Риты – он был уже совершеннолетний, однако стилю не соответствовал. Звали студента Миша. Официантки ему приветливо улыбались. Щёлкнув его по длинному носу и сделав пару глотков, Тамара ему велела сказать, находит ли он её сексуальной в таком наряде.

– Да, нахожу, – сказал медработник, бросая взгляд на её чулочки.

– Но с голой задницей я, наверное, сексуальнее?

– Вы и так, и так хороши.

– А Вика?

– И Вика.

Названная особа, сиявшая белизной крахмальной рубаш-

ки под галстуком и жилеткой, не улыбнулась. К ней подошли купить сигарет. Она обслужила. Её бледное лицо казалось ещё более шотландским, чем в предыдущие дни, так как в голубых глазах мерцал необычный, тревожащий холодок. Студент, судя по всему, вполне разделял её настроение.

– У какой из нас пискля сзади выглядит интереснее? – вновь пристала к нему Тамара, пуская дым изо рта, – у меня, у твоей Наташки или у Вики?

– Да я не очень-то и присматривался, – с досадой ответил Миша, сделав глоток красного вина.

– А как ты считаешь, мне от головной боли какие-нибудь таблетки помогут?

– Розги тебе от неё помогут, – дала ответ за студента Вика, раздув свой красивый нос, – отстань от него! Ты, вообще, знаешь, что происходит?

– Что?

Вика не успела ответить, так как включили музыку, и Тамаре пришлось идти выступать. Номер был несложным, но долгим. Под конец у Тамары вдруг началось головокружение, и она, оступившись, грохнулась во весь рост в белье и в одном чулке. Это был, мягко говоря, всем ужасам ужас. Донёсся смех пьяной женщины и два-три сочувственных возгласа. Встав, Тамара с присущим ей хладнокровием доработала до трусов и очень изящно сгнула.

В коридоре, у раздевалки, её вдруг встретил мужчина в кожаной куртке. Он был небрит, хамоват, но официален.

Как-то небрежно, но подавляюще, непреклонно официален.

– Тамара Викторовна Харант?

– С кем имею честь? – спросила Тамара с такой же официальнойностью, тяжело дыша во всю обнажённую грудь третьего размера. Перед её глазами возникло какое-то удостоверение. Как возникло, так и исчезло через секунду.

– ФСКН.

С этими словами, точнее – с буквами, странный тип взял Тамару за руку выше локтя и поволок к кабинету администратора. У Тамары не было сил на сопротивление. Впрочем, если б они и были, вряд ли она сумела бы вырваться из руки угрюмого мужика. Оставалось только перебирать голыми ногами, чтоб не упасть, и думать-гадать, что всё это значит. Возле дверей кабинета стоял второй странный тип – кажется, в костюме. К этому типу Тамара уже приглядываться не стала, поскольку именно в данный конкретный миг в её голове начала вдруг складываться картинка. Она была безотраднa. И оскорбительна до безумия.

Что-то тихо сказав своему напарнику, хамоватый втолкнул танцовщицу в кабинет. Оставшись снаружи, захлопнул за нею дверь. От толчка Тамара чуть не упала. Невольно сделав шесть или семь шагов, она повернула голову, собираясь высказать грубияну всё, чего он заслуживал. Но раздумала. Зачем тратить силы и время зря? Гораздо важнее было сосредоточиться на происходящем здесь, в кабинете.

Кроме обычных двух его обитательниц – Арины и Риты,

располагавшихся на обычных своих местах – за столом и в кресле, в нём находились ещё три дамы. Официантка Наташа стояла носом к стене, абсолютно голая. Её вещи были разложены на столе, с правой стороны от клавиатуры и монитора, сдвинутых к краю. Ещё правее, около телефонного аппарата, лежали пять небольших пакетиков с чем-то белым. Двух других женщин, одетых полностью и неплохо, Тамара видела в первый раз. Им обеим было около тридцати. Одна – смуглая, худая, стояла с видеокамерой, опустив её, а вторая – беленькая и плотненькая, сидела на стуле. Когда Тамара вошла и остановилась, плотненькая блондинка, искоса на неё взглянув, обратилась к Рите:

– Ну, Маргарита Викторовна, теперь-то мы с вами точно сможем поговорить! Ведь правда?

– А что до этого нам мешало поговорить? – усмехнулась Рита, слегка дрожащими пальцами вынимая из пачки «Мальборо» сигарету, – вы полагаете, стриптизёрша знает прямой телефон Хордаковского? Если так – я сдам его с потрохами, не сомневайтесь! Было бы ей восемнадцать лет, я бы поняла. Но ей – почти сорок. Этого я простить не смогу. Но мне, тем не менее, бесконечно приятно видеть, как вы трепещете перед ним.

– К стене, – волчицей взглянула смуглая на Тамару. Та без особенной торопливости встала рядом с официанткой и назвала её плохим словом.

– А вот не надо было так на меня давить! – взорвалась

Наташка, – ты мне другого выхода не оставила! У меня – ужасная ситуация! Ты ещё вообще ничего не знаешь!

– Одно я знаю наверняка – ты сядешь надолго.

– Заткнулись обе! – овчаркой твякнула смуглая. Белобрысая, продолжая смотреть на Риту, проворковала:

– Вы, Маргарита Викторовна, полнейшую ерунду изволите говорить. Если мы перед кем-нибудь и трепещем, то исключительно перед нашим законно избранным президентом. А он нам дал установочку не кошмарить бизнес. Мы тут могли бы поставить на уши всех, включая клиентов, которые у вас сплошь одни депутаты, бандиты и прокуроры. Именно прокурору ваша сотрудница при свидетелях порывалась продать наркотики. И они у неё под видеокамеру обнаружены.

– Да, но только без понятых, – вставила Арина.

– Конечно, чтоб избежать опасного для вас шума. Нам, повторяю, запрещено будоражить бизнес без крайней необходимости. Но уж ежели таковая возникнет, будьте уверены – с доказательной базой всё хорошо. Во-первых, Наталья признает свою вину. И наверняка не только свою. Во-вторых, она совала наркотики прокурору, при четырёх свидетелях. Он, как вы понимаете, весьма пристально будет следить за тем, чтобы это дело шло как по маслу, иначе к его мундиру прилипнет грязь. И, наконец, в-третьих – видеозапись досмотра.

– Без понятых, – с ослиным упрямством гнула своё Арина.

Смуглая усмехнулась. Блондинка фыркнула.

– Ну, и что, что без понятых? Я вас уверяю...

– А я тебя уверяю, что за такие фокусы Генри Маркович Резник тебя саму с блеском упакует на восемь лет! Ты нам не даёшь вызвать адвоката, что, кстати, будет инкриминировано тебе как грубое превышение полномочий, но через час Генри Маркович всё равно тебя просветит по поводу УПК, а также УК, где много написано про фальсифицирование улик! А ну пошла вон отсюда, пока я добрая!

Но никто добротой Арины воспользоваться не поспешил. По зову блондинки вломились два странных типа. Арину с Ритой подняли, велели им расстегнуть всё то, что расстёгивалось. Затем, поставив их рядом, уткнули лицами в стол.

– У меня есть право на телефонный звонок, – напомнила Рита, – что вы себе позволяете? Предъявите ордер на обыск!

– Постановление, – уточнила блондинка, задрав ей на спину юбку, – это досмотр, а не обыск. А про звонок всё правильно. И поэтому мы должны быть уверены, что ты вытащишь из кармана сотовый телефон, а не пистолет.

– Я это вам гарантирую, – раздалось с порога. Все повернулись. В дверях стоял Светенков. Он был очень мрачен. По его знаку четвёрка наркоборцов мгновенно покинула кабинет, прихватив пакетики с белым.

– И вы идите работать, – распорядился Денис, обращаясь к голой Наташке и полуголой Тамаре, – про выяснение отношений пока забудьте. Вам всё равно ничего не выяснить

без меня.

Взяв со стола вещи, Наташка выбежала. За нею вышла Тамара.

– И мне прикажете удалиться? – осведомилась Арина, натянув джинсы.

– Вас, уважаемая Арина Юрьевна, я могу только попросить.

Арина два раза просить себя не заставила. Выглянув в коридор, Денис запер дверь и начал мотаться по кабинету. Рита за ним внимательно наблюдала, сидя вместо Арины на её офисном стуле с высокой спинкой. Ей было очень смешно глядеть на весельчака, с которым происходило что-то неладное. Он не знал, куда девать руки. Наконец, сунул их в клапанные карманы пальто и остановился. Глядя на стену позади Риты, проговорил едва шевелящимися губами:

– У её мамы очень серьёзная онкология. Курс лечения обойдётся в двести пятьдесят тысяч. И это – только начало. Можешь себе такое представить?

– Ты про Наташку?

Ответом было молчание. Правая рука Риты зачем-то стала набирать текст на клавиатуре выключенного компьютера. Это было стихотворение в дактеле.

– Сволочь, – сказала Рита, кончив строфу и не начиная другую, – Арина ей выделяла деньги. Кажется, по десятке к каждой получке. Про двести пятьдесят тысяч речи не шло никогда. Так вот на какой крючок ты её подсёк!

– Так другого не было.

– И она реально получит деньги?

– Она уже получила их.

– Но ведь она сядет!

– Да, если делу будет дан ход. А это зависит лишь от тебя.

Рита улыбнулась.

– Денис, она мне – никто. И мамы у меня нет.

– У тебя есть ты.

– У меня есть я. Поэтому Игорь в тюрьму не сядет. Сядет она. Я вытащу её маму.

– Тебе одной это будет тяжело. Твой бар закроют. В этом ты даже не сомневайся. Все твои деньги уйдут на Резника. Он тебя от тюрьмы спасёт, но боюсь – ты влезешь в долги, чтоб с ним расплатиться.

– Нет, Генри Маркович за такого рода дела берётся бесплатно. Уж очень он вас не любит. А потом, я – любовница Хордаковского.

– А ведь верно, – пробормотал Денис, как будто сражённый внезапным всесокрушающим аргументом. На его лбу прорезались две морщины. Вдруг улыбнувшись, он поглядел на Риту.

– Дай показания.

– Мы уже обсудили этот вопрос.

– Но ведь он – мокрушник! Он исполняет заказы. Он занимается этим уже шесть лет. Пока ему платят за то, чтобы он тебя охранял, я за миллиард не соглашусь шлёпнуть тебя по

жопе. Но если ему велят тебя замочить, он тебя прихлопнет. Ткнёт пальцем в грудь, и причиной смерти будет инфаркт. Он такие штуки делать умеет. И ты не первая будешь.

– Я повторяю: он вам ничем не сможет помочь, – произнесла Рита, взяв сигареты, – ты можешь это понять? Или ты дебил?

Денис промолчал, не сводя глаз с Риты.

– А впрочем, этот вопрос вполне риторический, – продолжила та, щёлкнув зажигалкой, – инсценировка покушения на меня дорогого стоит.

– Прощайте, мадам Дроздова, – сказал Денис, – уверен, что вы войдёте в историю.

Открыв дверь, он вышел. У стула были колёсики, и он очень легко катался. Возможно, по документам он даже числился креслом. Отталкиваясь от пола высокими каблуками, Рита на этом стуле или на кресле объехала справа стол, по прямой достигла второго стула, который был без колёсиков, положила на него ноги и закурила. Тут же поморщилась. У неё неожиданно заныл зуб. Вернулась Арина. Ей пришлось сесть на стол. В большом, низком кресле она казалась бы, при своём невысоком росте и хрупком телосложении, совсем крошкой.

– Ну, что? – поинтересовалась она, болтая ногами.

– Да, ничего.

– Работаем?

– Да.

– А что они могут предьявить Игорю?

– Что угодно.

– Тогда зачем именно в тебя вцепились бульдожьей хваткой?

– Да не в меня одну! Почему в меня – понимаю. Они хотят, чтобы я начала жрать это дерьмо. Коготок увяз – всей птичке пропасть.

– Понятно, – проговорила Арина, также закуривая, – но мы ещё пощечем. Завтра придёт новое пожарное руководство. Тебе желательно быть.

– Я буду, Ариночка.

Бросив взгляд на часы, Рита приложила ладонь к щеке.

– Что-то разболелся седьмой!

– Это тот, который тебе залечили осенью?

– Он! Видимо, оставили нерв. Одна здесь управишься?

– Да, езжай к стоматологу.

Рита встала и вышла в зал. Динамики источали самую душераздирающую музыкальную тему из фильма «Спрут». Тамары на сцене не было. Публика, судя по доносившимся разговорам, нетерпеливо ждала её. Проходя мимо барной стойки, возле которой была только одна Вика, Рита столкнулась почти нос к носу с Наташкой. Та, опустив глаза, взяла круто влево, но была схвачена за рукав. Её щёки густо залились краской.

– Ты понимаешь, что ты наделала, идиотка? – тихо спросила Рита, еле удерживая порыв влечь ей пощёчину, – эти

двести пятьдесят тысяч я бы тебе дала! Дала бы и больше. А ты идёшь ради них в тюрьму! И тащишь туда меня! Тебе обещали, что ты отделаешься условным? Это исключено!

– Он мне угрожал!

Рита засмеялась.

– Угрожал? Чем же? Перепроверкой анализа на глистов?

– Он пообещал, что не даст врачам её вылечить!

– Это правда?

– Правда! Клянусь!

Отпустив Наташку, Рита бегом покинула бар. Но страшная музыка с ней осталась. Она вошла в подвздошье, как нож.

Глава тринадцатая

Дул ветер. Плыли огни. Патриция Хольман готовилась выпить ром. Рита озиралась по сторонам, как будто не понимая, где очутилась. Сутки назад она горько плакала. Теперь – нет. Ей было теперь легко, потому что музыка, сотни раз слышанная прежде, вошла в подвздошь, как нож. Кроме сладкой дрожи от межпланетного холода этой стали, у Риты не было ничего. Ей хотелось крикнуть – небу, луне и спящему при огнях, как при погребальных свечах, огромному городу вдалеке: «Меня звали Рита! Рита Дроздова!» Откуда вдруг взялось ощущение, что она умерла? Тут всё было ясно – зуб перестал болеть. И неудивительно. На таком расстоянии от всего, кроме полуголой туберкулёзницы, предлагающей всем нажраться, сдаёт позиции даже нерв под световой пломбой.

Дверь чёрного «БМВ», стоявшего рядом с её вишнёвой «девяткой», открылась. Рита не заострила на нём внимание сразу, так как оно было не единственным чёрным «Бумером» на парковке.

– Что ты здесь делаешь? – удивилась она, когда худощавый и горбоносый мужчина в сером пальто приблизился к ней.

– Решил сменить Родика, – был ответ.

– Разве всё так плохо?

– Да, ничего хорошего.

Рите вдруг захотелось ощутить страх. Такой, чтобы горло перехватило. Но музыка продолжала делать её бесстрашной. Да, голова кружилась, однако в этом был виноват Ремарк со своей Патрицией. Рита крепко прижалась к Игорю. Он, казалось, этого ждал. Он обнял её. Она задрожала, почувствовав нереальную силу его рук.

– Игорь, Игорь!

– Что?

– Мы можем уехать?

– Можем.

Рита подняла голову, чтоб увидеть его лицо. Она в первый раз видела его так близко, почти вплотную. Горбатый нос, небритые щёки, серый ледяной взгляд, ленивые на улыбку губы. «Ведь он мокрушник!» – мысленно согласилась она с другим человеком в пальто, – «профессиональный и прирождённый убийца! Он меня грохнет, если ему велят. Это интересно!»

– У меня болел зуб, – сказала она, – я вышла на холод, и он прошёл! Должно быть, от холода. Я хочу с тобой в ресторан!

– Но ведь там тепло! Что, если он вдруг опять заболит?

– Ты мне его выбьешь. Ты сможешь сделать это небожно?

– Нет.

– Почему?

– Потому, что в зубе есть нервы. И у меня они есть.

– А вот это новость, – хмыкнула Рита, – но всё равно, я настаиваю! Поехали в ресторан!

– Хорошо. В какой?

– Пока ещё не решила. Езжай за мной, да не отставай!

Достав из куртки ключи, Рита побежала к своей машине. Игорь сел в «БМВ». Они устремились по ночным улицам к центру города. Рита, задавшись целью заставить Игоря нервничать, добивалась цели маниакально. Стрелка спидометра доскакивала до ста шестидесяти. Мотор надрывался, подшипники дребезжали. Рита сама себе удивлялась. Зачем ей всё это нужно? Стоит ли цель того, чтобы превратить «девятку» в металлолом, а себя саму – в беспомощное и жалкое существо, которое даже и умереть не сможет без посторонней помощи? Эти мысли вызвали смех. А разве сейчас – не так? Разве то, что первая может развивать скорость сто шестьдесят, а вторая – трахаться, как-нибудь отделяет их от убожества? Нет, конечно! И Рита делала всё, чтоб чёрное «БМВ» хоть на один миг исчезло из зеркала, слившись с ночью. Но нет – «девятке» до «БМВ» было далеко. А Рите – до Игоря. Она злилась. Она забыла про светофоры. Все повороты делались на четвёртой и оборачивались заносами. К счастью, улицы были почти пусты.

На Новом Арбате белый патрульный «Форд», мчавшийся навстречу, молниеносно выполнил разворот и с воем сирены бросился догонять удалую пару. Назвав себя идиоткой, Рита сбросила газ и затормозила рядом с бордюром. Это же сделал

Игорь. Патрульный «Форд», поравнявшись с машиной Риты, остановился. Из него вышел рослый, плотный старлей, обтянутый светоотражающими ремнями. На нём висел автомат. Фуражка была ухарски заломлена на затылок. Рита нажала кнопку стеклоподъёмника.

– Документы, – буркнул старлей, подойдя. Он выглядел заспанным, раздражённым. Едва на него взглянув, Рита закурила.

– Вы не хотите представиться?

Офицер представился так, что нельзя было разобрать ни одного слова. Повысив голос, опять потребовал документы.

– Что я нарушила?

– Скоростной режим.

– Вам придётся это технически доказать.

– Из машины выйдите!

– Да пошёл ты.

Она сознательно нарывалась. Старлей был ей неприятен. Его лицо – широкое, наглое, со свирепыми моргающими глазами, принадлежало не одному ему. Это было общее их, всех этих всосавшихся в её жизнь упырей, мурло. Именно таким она его представляла. Кроме того, её интересовало, как поведёт себя Игорь. Игорь повёл себя очень просто. Когда старлей поволок Риту из машины, чтоб уложить на асфальт, её горбоносый спутник вмиг оказался рядом и уложил самого старлея, сломав его квадратную челюсть коротким ударом справа. Потом достал пистолет. Рита завизжала. Второй ми-

лиционер, выскочив из «Форда», дал автоматную очередь. Но он нервничал, а вот Игорь стрелял спокойно. Выронив автомат, милиционер схватился левой рукой за запястье правой. Сквозь пальцы потекла кровь. Тут же донеслась другая сирена. Со стороны Садового вырисовывался ещё один экипаж ДПС под синими проблесками.

– За руль! – крикнул Игорь и без малейшей нежности втиснул Риту в «девятку», – не вздумай ехать за мной!

Пока она обретала способность соображать и двигаться, он поднял пистолет и два раза выстрелил в сторону приближающейся машины. Та взяла вправо, резко замедлившись. Из неё был сразу открыт ответный огонь. Но он не имел успеха, и Игорь смог сесть за руль. Через две секунды чёрное «БМВ», сделав разворот, помчалось к Арбатской.

Рита не помнила, как она завела мотор, как тронулась с места, куда свернула с проспекта. Перед её глазами мелькали сквозь поток слёз какие-то улицы, переулки, площади. И, конечно же, фонари, от которых небо было багряным, как над пожарищем. Ноги Риты помимо её желания отпускали педали и вдавливали их в пол, руки управлялись с маленьким рычагом и рулём также машинально. Как двадцать минут назад Рита затруднялась понять, точно ли она умерла, вот так и теперь её беспокоил только один вопрос: а точно ли это – сон? Зуб, снова начав болеть, дал страшный ответ на оба этих вопроса. Это произошло на набережной, у храма Христа-Спасителя. Вслух сказав, что она не спит, Рита сняла

ногу с педали газа.

Был второй час. Машина остановилась у парапета. Река была только кое-где затянута льдом. Её медленные воды под синими фонарями напоминали поток расплавленного свинца. Справа возвышалась громада храма. Он и река сонно перемигивались, как будто замыслив подлое и кровавое дело. Риту трясло. Музыка из «Спрута» теперь придавливала её к реальности, из подвздошья переместившись в голову, и пульсировала в висках. Достав телефон, Рита в первый раз набрала один из двухсот номеров, занесённых в базу.

– Серёжка!

– Что?

– Это Рита!

– Слышу.

– Ты где?

– Ты лучше скажи, чего тебе надо.

– Мне надо спрятаться! Я тут вляпалась, ..., в такое дерьмо! Ты просто не представляешь! Рядом – река! Если бы ты знал, как мне сейчас хочется утопиться!

Серёжка долго молчал, слушая рыдания. Закурив, спросил:

– А где ты сейчас?

– Около Кремля!

– Что, кто-то опять пытается тебя грохнуть?

– Нет! Клянусь, нет! Всё гораздо хуже!

– Ну, хорошо, приезжай ко мне. Я на Белорусской сейчас

живу.

– Так ведь это рядом! Говори адрес!

Серёжка продиктовал. Спустя несколько минут Рита, припарковав машину в тёмном дворе, бегом поднялась на первый этаж старого кирпичного дома и позвонила в дверь. Ей открыла девушка ростом чуть повыше её – красивая, смугленькая, босая. На ней было кимоно.

– Мне Сергея, – пробормотала Рита, зачем-то глядя на её волосы, влажные и торчащие во все стороны.

– А его сейчас нет. Но он скоро будет. Ты проходи. Только не ори во всю глотку, здесь коммуналка.

Сняв в коридоре куртку, шарф и ботинки, Рита проследовала за вымытой девкой в одну из четырёх комнат. Там было очень просторно и неприглядно, из мебели – только шкаф, два облезлых стула, зеркало и диван, накрытый сиреневым покрывалом. На нём лежала ничком, болтая ногами другая девушка – также смуглая, тощая, с длинным носом. Были на ней вельветовые штаны, кофта и носки с дырками на пятках. Она читала толстую книгу, очень старинную. Присмотревшись, Рита узнала Библию. Бросив взгляд на неё, на Риту, носатая улыбнулась, перелистнула страничку и придала лицу более серьёзное выражение.

– Тебя как зовут? – поинтересовалась первая девушка, указав Рите на стул и сев на диван, чтоб продолжить то, от чего её оторвали – стрижку ногтей на ногах. За левой стеной стонали. За правой громко скрипел диван. Рита опустила

на стул.

– Меня зовут Рита.

– Вдолбишься?

– Нет.

– Понюхаешь?

– Можно.

– Танька, насыпь!

Вторая девчонка, не отрываясь от книги, быстро достала из-под подушки пакетик с белым и пятидолларовую купюру. Из твёрдых, гладких, горизонтальных поверхностей в комнате был лишь дощатый пол. Рита опустилась на четвереньки. Накокаинившись, она села – но не на стул, а на пол, и зарыдала, опустив голову. Девушки наблюдали за ней с большим удивлением.

– Что такое? – спросила первая, убрав ножницы, – не накрыло?

– Меня ничто не берёт! Ничто! Даже смерть! Я сейчас хотела кинуться в прорубь, но тут из храма вдруг кто-то вышел, достал у меня из куртки мобильник и сунул его мне в руку!

Две твари переглянулись. Им было завидно. Тут мобильник Риты подал сигнал эсэмэски. Прочтя её, Рита встала с кружащейся головой. Её затошнило. «Рита, ты дома?» – спрашивал её Игорь. Она ответила: «Нет!» Написала адрес, громко его шепча. Потом бросилась в сортир. Он был кем-то занят. Ей пришлось скорчиться над ванной, напоминавшей внутри слякотный асфальт. Было очень больно. Её рва-

ло, казалось, колючей проволокой. И кто-то пару секунд за ней наблюдал, чуть приоткрыв дверь.

Когда Рита, прополоскав хорошенько рот и окатив ванну из душа, вернулась к девкам, никаких звуков из других комнат не доносилось. Босая девка лежала рядом с религиозной и была зла.

– Как тебя зовут? – спросила у неё Рита, вытерев рот платочком.

– Алёна.

– Алёна, слушай! Сейчас сюда приедет мой друг. Сергей его знает. Он для него...

– Какой на ... друг? – заорала Танька, захлопнув Библию и приняв сидячее положение, – мы клиентов ждём! Поняла? Клиентов!

Рита кивнула. Села.

– Я понимаю. Но речь идёт о жизни и смерти.

– А у нас речь идёт о трёхстах гринах! Кто нам возместит их потерю? Ты, что ли?

– Я.

Ответив так, Рита вынула из кармана требуемую сумму в банкнотах с портретом Франклина и швырнула их на диван. Они в тот же миг исчезли в кармане Таньки, после чего девчонки задумались.

– Хорошо, – сказала Алёна, – что ему нужно, твоему другу? Анальный секс?

– Я пока не знаю.

– Как так – не знаешь? – снова взорвалась Танька, – а вдруг он конченный извращенец? Или маньяк? Если так, то мы не согласны, шёл бы он на ...!

– Вы ему не нужны, – заверила Рита, – ему нужна только комната до рассвета.

Танька, пожав плечами, вынула из штанов мобильник и набрала сообщение. Вскоре заулюлюкал дверной звонок. Открыла Алёна. Игорь вошёл. Упал. Он был весь в крови. Увидев её – на нём, на полу, на руках Алёны, судорожно пытавшейся что-то сделать, Рита зашлась припадочным хохотом. Успокоив её пощёчинами, Алёна и Таня втащили Игоря в комнату и, частично раздев, уложили навзничь на свой диван. Раненый хрипел. Он был уже без сознания.

– Ему лёгкое прострелили, – предположила Алёна, срывая с него рубашку, – ой, сколько крови! Пипец!

– А чем же он дышит? – спросила Таня.

– Вторым.

– Она так вся вытечет! Дай мне бинт! Придётся его перевернуть набок.

Рита следила за суетливой и, может быть, убийственной перевязкой, сидя на стуле. Ветер звенел оконным стеклом. Часы на стене показывали два сорок. Проклятый зуб опять не болел. А значит, опять всё было неясно. По коридору кто-то прошёл. Прошёл, не остановившись. Возникла мысль: ведь если бы этот кто-то увидел кровь, то остановился бы! Значит, он её не увидел. Но как же так? Она растеклась на

весь коридор! Это было странно. Такие странности могут существовать разве что в иных измерениях.

Непроглядное, дребезжащее под напором ветра окно казалось иконой. Ему хотелось молиться: ночь, помоги! Девчонки ругались матом. Рита пыталась понять смысл произносимых фраз, но не понимала. А он уже смотрел на неё. Смотрел, не мигая. Это был твёрдый, живой, осмысленный взгляд. Рита встрепенулась.

– Он жив! Поглядите, девочки, он в сознании! Игорь, Игорь! Ты меня слышишь?

– Да отвяжись от него! – вскричала Алёна, рвя бинт на две полосы, чтоб завязать узел, – ему нельзя говорить! Он исходит кровью!

Потом она взглянула на Таню.

– Что ты стоишь, как ... ранним утром? Вызывай Скорую!

Это протыкающее насквозь, ледяное слово вернуло Риту к реальности. Она встала, желая отчаянно возразить, но Таня опередила её:

– Алёна, ты что, больная? Какая Скорая? Тебе что, мало здесь проблем?

– Проблемы начнутся, если здесь будет труп с огнестрельной раной, – проговорила, выпрямившись, Алёна, – где телефон?

– Смотрите, смотрите, он хочет что-то сказать! – закричала Рита. Алёна с Таней взглянули на губы Игоря. Да, они шевелились, беззвучно произнося короткое слово – раз, дру-

гой, третий.

– Конечно, он хочет пить! – догадалась Таня, – я принесу!
Она убежала. Вернулась с литровой банкой воды.

– А ну, дай сюда!

Забрав банку, Алёна её приставила к губам Игоря. Накло-
нила. Раненый пил большими глотками. Таня, подсунув ру-
ки ему под голову, осторожно приподнимала её.

– Не надо вызывать Скорую, – попросила Рита, когда вода
была выпита до последней капли и Игорь опять откинулся
на подушку, закрыв глаза, – он знает, какой крепкий? Он
оклемается!

– Это вряд ли, – решительно заняла сторону напарницы
Таня, – но подождём Серёжку. Он должен скоро приехать.
Пусть разбирается сам. Нам в его дела не следует лезть.

Игорь продолжал терять кровь. Ему приносили воду ещё
не раз. На его запавших, белых щеках то слабенько вспыхи-
вал, то опять угасал румянец. Рита рыдала, стоя перед ним
на коленях и прижав нос к бинту на его груди. Когда она под-
нимала голову, он смотрел ей прямо в глаза. А ночь продол-
жала что-то шептать ей голосом ветра. Отдельно звучала му-
зыка. Да, всё эта же. И нетрудно было понять, понять окон-
чательно, что реальность и нереальность – это одно и то же,
как жизнь и смерть. И посему Рита в этот последний час об-
ращалась только к бездонной трещине, расползавшейся под
ногами: «Дай мне ещё хоть одну минуту! Только одну! Ведь
я от тебя никуда не денусь!»

Сергей пришёл ранним утром, когда обитатели других комнат закопошились. Увидев Игоря, он безмолвно взглянул на Риту. Та всё ему рассказала.

– Как ты меня замучила, – сказал он, устало садясь. Рита улыбнулась. Она должна была улыбнуться. Ведь её звали Рита! Рита Дроздова.

– Серёжка, ты меня видишь второй раз в жизни!

– Надеюсь, третьему не бывать. Вызывайте Скорую.

Таня вызвала. Ждали молча. Но дождались не врачей. Заметив во дворе дома пробитое пулями «БМВ», на которое был объявлен план «Перехват», бойцы спецподразделения по кровавому следу дошли до двери квартиры.

Часть вторая

Глава первая

Восьмого марта Света сидела одна в фойе и читала книгу. За окнами таял снег. Солнце жгло совсем по-апрельски. Был перерыв в репетиции. Первая её часть, несмотря на праздник, отметилась грандиозной выволочкой. Корней Митрофанович, подаривший утром всем дамам по шоколадке, орал на них самым настоящим базарным матом. Тамара, которой досталось больше других, отправилась в перерыве к нему на второй этаж, чтобы до конца разобраться, чего он от неё хочет. Разговор шёл уже минут двадцать. Света, читая, ела невкусную шоколадку и игнорировала беззлобные, но затасканные дразнилки с поста охраны. Идя от Корнея Митрофановича в гримёрку, Тамара к ней подошла.

– Что ты здесь сидишь?

– А разве нельзя? – всполошилась Света, захлопнув книгу. Она действительно всполошилась и приготовилась встать. Это удивило Тамару.

– Да почему нельзя? Просто ты обычно с нами тусуешься! Странно видеть, что ты сидишь здесь одна.

– Хочу почитать.

– Шекспира опять читаешь?

– Ну, да.

– Ещё не тошнит?

– Как тебе не стыдно так говорить? Это ведь Шекспир!

Тамара вздохнула и повернулась с намерением продолжить свой путь в гримёрку. Света остановила её, спросив:

– Что тебе сказал Митрофаныч?

– Да ничего особенного, – махнула рукой Тамара, – В сущности, он признал, что погорячился.

– Вот это да! Видимо, медведь в лесу сдох! Что это он вдруг?

– Всё элементарно. Я ему пригрозила, что стресс сниму алкоголем. А на «Тартюф» сегодня придёт какой-то козёл из Мосдепартаментa по культуре. Ты представляешь, что будет, если Эльмира выйдет на сцену пьяная в хлам?

– Она даст Тартюфу! – вскричала Света и рассмеялась. Тамара подняла бровь.

– Недурная мысль! Я её обдумую. Впрочем, Малкин вряд ли воспользуется моей добротой – в том же Мосдепкульте сейчас решают, присваивать ему звание заслуженного артиста или повременить. Да пошли в гримёрку!

– Да нет, я уж тут посижу немножко. Хочу ещё почитать.

– Ну, читай, читай! Как там Ритка?

– Лучше.

– Большой привет ей передавай, – сказала Тамара, и, потрепав Свету по плечу, оставила её наедине с книгой.

Войдя в гримёрку, она застала там девочек далеко не в праздничном настроении, хоть в их кружках было шампанское вместо кофе. Фруктов и сладостей на большом столе не сильно уменьшилось по сравнению с тем, что было двадцать минут назад. Только небольшой ананас переключался на столик Волненко и был разрезан в пластиковой тарелочке.

– Пообщалась я с ним, – весело сказала Тамара, сев за свой столик, – всё хорошо.

Никто почему-то ей не поверил.

– Что – хорошо? – осведомилась Волненко тоном старой училки, заметившей макияж на лице у красивой девочки, – то, что мы – в сумасшедшем доме? Для тебя это, может быть, и неплохо, а я закончила ЛГИТМИК! Ты понимаешь? ЛГИТМИК, а не моторно-тракторное училище! Почему на меня орут? Это что – театр или колхозный клуб?

Тамара была настроена примирительно.

– А ты думаешь, в «Малом», в «Ленкоме», в «Вахтангова», в «Современнике» не орут? Ещё как орут! И не только.

– Так это ведь «Современник»!

– Да, и ты там до конца жизни пищала бы «Кушать подаю!» А Корней Митрофанович дал тебе уже две главные роли, хотя ты здесь и года не проработала. Плюс к тому, вы с Дашкой реально жёстко косячили в менюэте.

– Это не повод на нас оруть! Мы здесь не уборщицы!

– Соглашусь, – решила прекратить спор Тамара, – кстати, почему Светка сидит в фойе?

Никто на этот вопрос ответить не захотел. Но пять грустных дам пристально уставились на Волненко, решив, что раз уж она начала разговор с Тамарой, то ей его и заканчивать. Анька сразу же захотела спать и зевнула.

– Она читает, по-моему.

– Да, я знаю. Но ведь вчера она здесь читала. И ей никто не мешал. Позавчера – тоже.

– Она в фойе потому, что там – её место, – безрадостно и чрезмерно взбодрилась Анька, переглянувшись с Кариной и наколов на вилочку ананас, – разве посторонним входить в гримёрку не запрещается?

У Тамары раздулись ноздри. Рукой смахнув со лба волосы, она медленно обвела всех взглядом и сжала пальцами подлокотники своего вращающегося стула.

– Вы что, совсем идиотки?

Ей никто долго не отвечал. Эля напряжённо зевала. Даша пилила ногти. Соня вздыхала. Ася строчила длинное сообщение. Наконец, Карина воскликнула:

– А в чём дело? Анька права, по-моему. Разве нет?

– Вы что, идиотки? – тихим, но страшным голосом повторила Тамара, встав, – нет, вы что – уродины? Значит, Светка сидит в фойе потому, что к вам посторонним вход воспрещён? А может быть – потому, что её подруга поссорилась с Хордаковским и продала свой бар? Ну, скажите прямо!

– Говорю прямо: плевать мне было всегда на эту подругу и на её стрёмный бар! – вскричала Карина, – все это знают!

И не ори, пожалуйста, на меня!

– И на меня тоже, пожалуйста, не ори, – вставила Волненко, – ори вот лучше на Соньку! Она была изначально против того, чтоб всякие Светки-пипетки, тем более полоумные, здесь у нас ошивались! Мы оставляем в столиках ноутбуки и телефоны.

– Сука, заткнись! – возмутилась Соня, – зачем ты это сказала?

Тамаре до смерти захотелось сделать что-нибудь страшное. Задыхаясь от ярости, она вышла. Через минуту вернулась, волоча за руку Свету с книгой. На лице Светы был очень сильный испуг. Она упиралась, но всё-таки была втащена и усажена на своё обычное место, то есть на табуреточку.

– Читай здесь! – вскричала Тамара, не позволяя Свете подняться, – а если хоть одна тварь будет возражать, я её прикончу! Мне терять нечего, я – бездетная.

– Слава богу, – не удержалась Волненко и приготовилась убежать. Бежать было ни к чему, но, так как никто, включая Карину, её за хамство не похвалил, она поспешила оговориться, что, мол, имела в виду данную конкретную выходку, от которой в первую очередь Светочке неудобно.

– Сука, заткнись! – всё равно прищучила её Соня, – зачем ты это сказала?

– Да нет, всё правильно, – возразила Тамара, – я ведь, действительно, с головой не сильно дружу! Очень хорошо, что

это понятно даже Волненке.

Пять девушек из шести улыбнулись Свете, которая обводила их виноватым взглядом.

– Давайте выпьем шампанского, – предложила Даша, – Тамара, Света! Вы пьёте?

Обе кивнули. Им сразу подали вино, фрукты и круассаны. Тамара, снова усевшись, пересказала Светину шуточку об Эльмире, которая даст Тартюфу, если напьётся. Идея всем пришлась по душе. Карина и та присоединилась к общему ликованию, а затем рассказала Свете, как на последней «Фрекен Жюли», ещё в ноябре, Тамара реально переусердствовала с эротикой, в результате чего Андреев позабыл текст. Света улыбнулась, но осторожно, чтоб не обидеть Дашку Гайнулину, у которой с Лёшкой Андреевым второй день было всё отлично. Карина не успокоилась.

– Как Джульетта там поживает? – полюбопытствовала она, когда осушили кружки.

– Не знаю, – сказала Света, – она давно ко мне не приходит.

– Ты к ней сходи, проведай её! Быть может, она тяжело больна?

– Придётся сходить, – согласилась Света с такой естественной интонацией, что всем стало не по себе. Тут в дверь постучали.

– Можно! – крикнула Эля. Ввалились четверо молодых актёров – Кирилл Малютин, Дмитрий Капитонов, Лёшка

Андреев и Николай Атабеков. Они внесли большую коробку сладостей и семь роз.

– А что ж ты, скотина, Светке цветочек не подарил? – строго обратилась к Кириллу Анька, когда коробка была поставлена на большой общий стол, каждая актриса с шутками-прибаутками получила по розе и молодые люди двинулись к двери, – решил, что если она – уборщица, её можно драть за «спасибо»?

– Волненко, пять! – взвизгнула Карина и залилась громким смехом. Соня открыла рот, чтоб произнести обычную свою реплику, но Малютин опередил её:

– Волненко, «спасибо» из моих уст дорогого стоит. Если б я драл тебя, ты бы по башке получала вместо «спасибо»!

– Очень приятно, – пробормотала Света под дружный хохот, – я тронута.

– А на самом деле, – вставил своим тонким голоском Капитонов, – Кирилл боится Ольгу Сергеевну. Ведь вы все помчались бы ей докладывать, что он Светке подарил розу!

Ольга Сергеевна была одной из трёх сравнительно пожилых актрис, которые пользовались своей отдельной гримёркой. Все знали, что у неё с Малютиним что-то есть.

Как только парни ушли, девушек позвали на репетицию. Света на неё не осталась. Ей нужно было ехать на семинар. Домой она возвратилась в семь часов вечера. Покормив Мюрата, который с января почти не подрос, что было причиной крайнего беспокойства его хозяек, она легла на диван вместе

с ноутбуком и шоколадным батончиком и ушла в интернет. Спустя некоторое время её мобильник подал сигнал эсэмэски. Она прочла: «Немедленно приезжай!» Набрала: «Куда?» Был ответ: «Приезжай сюда! Немедленно! Срочно!»

– Совсем уже упиалась, – проворчала Света, устроившись поудобней. Она лежала со своим «Асусом» почти голая, открыв форточку, потому что трубы были раскалены, как при сильной стуже. Мюрат, бесившийся с мячиком на полу, воспринял её слова как призыв играть и ловко запрыгнул к ней. Она его потрепала, не отрывая глаз от экрана. Вскоре пришло ещё одно сообщение. Света даже не стала его читать. Мюрат притворился, что прочитал. Он громко мяукнул, трогая Свету лапкой. Сразу же после этого телефон зазвонил.

– Что ты мне мешаешь? – вскричала Света, выйдя на связь, – я не хочу слушать твой пьяный бред! Не трепи мне нервы! Я занята! Я готовлюсь к сессии!

Телефон дребезжал от взрывных басов танцевальной музыки.

– Но я трезвая, – возразила Рита действительно трезвым голосом, – и что значит – ты занята? Ты до сих пор дома?

– А где я, по-твоему, должна быть? Отстань от меня!

– Светка, ты нормальная? Я что, шутки шучу с тобой?

Русским языком написала: «Приезжай срочно!»

– Да куда? В жопу? Разве я знаю, где ты находишься?

– Твою мать! Я тебе сказала, где буду вечером! Повторила двадцать пять раз!

– Ты всё повторяешь двадцать пять раз, поэтому всем плевать на то, что ты говоришь!

– Ладно, не ори! Короче, я в «Праге». Знаешь, где это?

– Ну, на Арбатской. И дальше что?

– Быстро приезжай! Меня тут имеют во все места!

Света испугалась.

– Так и меня отымеют!

– С тобой не справятся, ты – историк! Короче, тут тебя ждут. Охранникам скажешь, что ты – на банкет к Верховцеву. Шевелись!

С этими словами Рита ушла со связи. Света, вздохнув, захлопнула ноутбук и спрыгнула на пол. Она дала себе слово Риту избить, если это всё окажется ерундой. Котёнок насутился, осознав, что его опять покидают. Дав ему ещё корма, Света приблизилась к гардеробу. Он содержал небогатый выбор нарядов. Поколебавшись, она достала розовое коктейльное платье, колготки с синим оттенком и ярко-красные туфли от «Кельвин Кляйн». На то, чтобы принять душ, наложить тональник, слегка подкрасить глаза и соорудить причёску, ушло всего полчаса. Ещё несколько минут – на то, чтоб одеться. Мюрат не ел. Сказав ему «извини», Света убежала.

На лестнице она повстречалась с отставным доктором из соседней квартиры.

– Здравствуйте, Света, – прогудел он в ответ на её приветствие, – поздравляю вас с Женским днём. Вы нынче рос-

кошны, как никогда! Уж не на свидание ли намылились, извините за любопытство?

– Так точно, Андрей Ильич, – рассмеялась Света, спускаясь, – спасибо за поздравление!

Старичок ей в спину гудел:

– И как у вас на всё сил хватает, у такой худенькой? И работа, и институт, и личная жизнь!

– Да ваши таблеточки помогают! Спасибо вам.

– На здоровье, Светочка, на здоровье! Когда закончатся, обращайтесь.

Глава вторая

До метро Света ехала на такси. В метро была давка. Взмокла спина. Пришлось расстегнуть дублёнку. Всё время тягостного пути до Арбатской Света жалела, что согласилась ехать туда. Но не возвращаться же было! Тем более, не терпелось врезать кое-кому по ушам.

На улице всё, что таяло днём, замёрзло. Пересекая площадь и Гоголевский бульвар, Света раз пятнадцать чуть не упала.

– Я на банкет к Верховцеву, – обратилась она к швейцару, войдя в сияющий мрамором вестибюль огромного ресторана.

– Сдайте пальто, пройдите в банкетный зал, – предложил старик, коснувшись рукой козырька фуражки. Он очень располагал к себе, не в пример наружным охранникам. Сдав дублёнку, Света опять подошла к нему. В её голове уже больше часа торчало слово «банкет».

– А он кто такой? Кажется, топ-менеджер Внешторбанка?

– Простите, что? – шевельнул швейцар седыми бровями.

– Я про Верховцева. Видите ли, меня пригласили, а я не знаю, к кому.

– Полковник госбезопасности. У него – юбилей. Пятьдесят пять лет.

Света удивилась.

– А почему вы меня впускаете, не спросив приглашение?

– Мне приказано вас впустить, – ответил швейцар и многозначительно козырнул.

«Какая же Ритка дрянь!» – размышляла Света, стремительно идя вверх по мраморному пролёту, навстречу музыке, – «просто сука! Самая настоящая проститутка!»

Застолье шло полным ходом. Участвовало в банкете, как позже выяснилось, четыреста человек. На сцене блистала звезда эстрады, известная воровством западных хитов. Она исполняла песенку на мотив буги-вуги. Свою подругу Света заметила почти сразу. Рита садистским образом затанцовывала высокого режиссёра-оскароносца. Крепкий старик с пышными усами, судя по обострённой осатанелости на своём дворянском лице, был близок к инсульту, но отступить перед здравым смыслом и женщиной, как обычно, не собирався. Плясали многие. Остальные ели и пили. К Свете приблизился очень статный метрдотель.

– Простите, вы – Светочка?

– Совершенно правильно, – в тон ему ответила Света, – мне можно сесть?

– Разумеется! Мы вас ждём с большим нетерпением. Разрешите мне проводить вас к вашему стулу.

Звезду эстрады сменил великий скрипач. Горячо поприветствовав юбиляра, он заиграл «Семь сорок». Рита решила великого режиссёра не добивать и переключилась на бол-

товню с другим старым хреном. Усадив Свету и пожелав ей приятного аппетита, метрдотель удалился. Официант наполнил её бокал розовым вином. Другой поинтересовался, что она будет кушать, и перечислил штук двадцать пять наименований блюд. Света попросила Севрюгу с хреном, грибы с жареной картошкой, фазаньи крылышки и салатик с трюфелями.

Как только официант отошёл, она, взяв бокал, глянула вперёд, и – едва не выронила его. Напротив неё сидел известный политик. Он уплетал печёного поросёнка. И он ей весело подмигнул! За его спиной стояли охранники, числом двое. Что было делать? Света решила выпить вино до последней капельки и скучающе оглядеться по сторонам. Великий скрипач, тем временем, доиграл. На сцену поднялся мэтр советской эстрады. Он начал произносить дружескую речь в адрес юбиляра. Последний встал рядом с ним, чтоб прерывать речь шутливыми добавлениями. Любители танцевать вернулись за стол, чтоб дружно смеяться. Рита уселась рядом со Светой и залпом выпила бокал виски. Она, в отличие от почти всех остальных дам, была не в вечернем платье, а в деловом бежевом костюмчике – пиджачок, юбка до колен, колготки и блузка чёрные, и не туфли – ботиночки.

– Это что ещё за дерьмо? – шепнула ей в ухо Света, скосив глаза на политика, продолжавшего жадно жрать, – зачем ты сюда припёрлась и притащила меня? Это скотобаза какая-то!

– Твой снобизм не красит тебя, – заметила Рита, сделав

глоток ликёра, – засунь его себе в жопу! Ты здесь не для нытья, а для дела. Как тебе мой полковник?

– Разве он твой? – изумилась Света.

– Конечно. Здесь – всё моё.

– Это в каком смысле?

– В прямом. Я всех тут имею.

– Но ты сказала, что все имеют тебя! Ты что, их переиграла?

– Типа того. Не путай меня! Короче, его жена временно в больнице лежит, и я её заменяю... тьфу! То есть, она в больнице лежит, и я её временно заменяю.

– За юбиляра – трижды «ура»! – кончил свою речь народный артист. Грянул нужный крик нужное количество раз, затем – гром оваций. Все стали пить, а артист стал петь. Он пел «Журавли». Полковник же лихо спрыгнул со сцены, мимо десятков своих гостей за столом приблизился к Рите и положил одну руку на плечо ей, а другую – Свете, ибо они сидели бок о бок. Он был высок, лысоват, мясист. Из глаз у него высверкивал озорной казарменный юморок.

– Здравствуйте, я – Света, – пискнула Света, повернув голову и оскалив зубки, – а вы?

– Николай Иванович, – пробасил виновник роскошного торжества, – но можно и Коля, если очень захочется. А тебе захочется. Верно, Ритка?

И разразился хохотом.

– Не захочется, – огрызнулась Рита, – Она – историк.

– И что?

– А то, милый друг мой, что у истории есть помойка, которую профессиональный историк видит издалека.

Света подавилась грибом, который она взяла в рот ещё до того, как к ней подошёл полковник, и стала кашлять. Юбилляр хлопнул её по спине широкой ладонью, сняв руку с её плеча.

– Так значит, я исторически обречён, по-твоему? – очень весело спросил он, обращаясь к Рите.

– Да, разумеется. На бессмертие. Я хочу танцевать медляк!

И Рита, вскочив, за галстук поволокла Николая Ивановича на танец. Им аплодировали, хоть их нельзя было счесть гармоничной парой. Она, казалось, хотела вырваться, а он крепко её держал, внимательно глядя вниз, чтоб не отдавить ей ноги.

Розовое девчачье пойло Свете не по сердцу пришлось. Она попросила подать ей «Хэннесси». Ей налили большой бокал. Пока она героически им давилась, прославленный экспонат музея соцреализма завершил песню и, окрылённый всеобщим криком «Брависсимо!», решил ею не ограничиться. Под «Случайный вальс» Рита и её кавалер куда-то ушли, что-то горячо обсуждая. Танцпол заполнился множеством других пар различного возраста, а над самым ухом хрустевшей фазаньим крылышком Светы вдруг раздалось:

– Добрый вечер, Светочка!

– Добрый вечер!

Повернув голову, Света вскрикнула. Изо рта вывалился кусок. Перед ней стоял известный политик. Не веря своим глазам, Света поглядела туда, где он был пять минут назад. Действительно, стул теперь пустовал. Охранников за ним не было.

– Разрешите вас пригласить на танец?

– Да, да, конечно... пожалуйста... с удовольствием...

Продолжая что-то невразумительно бормотать, Света поднялась. Мужчина, занявший не то четвёртое, не то третье место на президентских выборах и на теледебатах набивший морду тому, кто занял шестое, взял её под руку и повёл. Они закружились. Он танцевал отлично, хоть ему было лет шестьдесят. А коньяк, тем временем, своё дело делал.

– Ты, как я вижу, меня узнала? – спросил политик.

– Ещё бы! Вы мне ночами снится.

– Сны – эротические, конечно?

– Порнографические.

– Ого! Тебе их осталось смотреть недолго. Мы скоро примем закон против порнографии.

– Если он избавит меня от вас, я буду вам благодарна!

Он засмеялся. Потом спросил:

– Ты историк?

– Да, я историк.

– Патриотических взглядов?

– Порнографических.

– Я серьёзно!

– Да нет, вы шутите.

Ему снова стало смешно.

– Хотите мне что-нибудь предложить? – догадалась Света.

– Хочу. После этой песни я буду поздравлять юбиляра. И

ты должна мне помочь.

– Я? Как?

– Я буду говорить речь о судьбе России и о влиянии на неё работников государственной безопасности. Ты, как юный историк с патриотическим воспитанием, приведёшь парочку примеров. Согласна?

– Да, – ответила Света, ибо коньяк был очень хорош. Тут как раз песня и подошла к концу. Народный артист, откланявшись, назвал имя, отчество и фамилию собеседника Светы. Зал разразился аплодисментами. Государственный муж и Света взошли на сцену. Им подали микрофоны. Света заметила, что её подруга и юбиляр вернулись за стол. Стало очень тихо.

– История нашей Родины тяжела, трагична и триумфальна, дамы и господа! – завопил политик, представив Свету как молодого историка с очень твёрдым патриотическим стержнем, – за тысячу с лишним лет своего существования она тысячу раз могла распасться на части! И можно смело сказать, что этого не случилось только благодаря отечественным спецслужбам! Если бы не они, Россия бы перестала существовать! Ты согласна, Светочка?

– Разумеется! – показала голосом твёрдость своего стержня Света, – если бы не спецслужбы – Хармс, Мандельштам, Вавилов, Ландау и Гумилёв здесь камня на камне бы не оставили! Это точно.

– Некоторые просчёты и перегибы были, – не стушевался политик, хоть пара–тройка смешков в зале раздалась, – но мы не имеем права из-за отдельных ошибок вымазать всю историю нашего Отечества чёрной краской!

– Ни в коем случае, – подтвердила Света, – чёрную краску надо беречь на случай, если найдутся умники, сомневающиеся в том, что кругом – враги, у которых нет других дел, кроме как пытаться нас уничтожить!

– Я понимаю твою иронию, – сдобродушничал государственный муж, – но не разделяю её! Впрочем, ты имеешь на неё право, в силу происхождения.

– Да, конечно, я – из графьёв, – опять согласилась Света, – притом из англо-саксонских, с примесью украинско-польско-грузинской крови!

– Это заметно, – перестал сдерживаться политик, – однако, я, если ты позволишь, перейду к сути! Дорогой Коля...

Речь затянулась минут на пять. Света не сочла своим долгом всё это время торчать на сцене. Она вернулась за стол. Юбиляр подвинулся, чтоб она смогла оказаться между своей подругой и им. Когда она села, он горячо пожал её руку и прошептал:

– Спасибо тебе! Ты просто не представляешь, как мне об-

рыдла вся эта пафосная банальщина! Молодец.

– Это то, что надо, – шептала Рита в другое ухо, – но он к тебе ещё подойдёт.

– Как, опять? Зачем?

– Потом объясню! Впрочем, ты сама всё поймёшь.

Кончив свою речь, политик запел. Точнее, заговорил под музыку. Танцевать под это было немыслимо, и поэтому все галдели, ели и пили. Света пила коньяк. Николай Иванович продолжал твердить ей, что она – умница.

Доорав свою песню, политик к ним подошёл. Полковник вскочил. Они обнялись. Заиграло танго. Политик пригласил Свету.

– Скверная ты девчонка, – сказал он ей, умело её ведя, – испортила мне всю речь! Но я не обиделся.

– Почему?

– Я не обижаюсь на правду.

– Это единственная причина?

– Нет. Ты мне нравишься. Очень нравишься. Если хочешь, будем дружить.

Света засмеялась.

– Скажите, а у вас правда – двадцать квартир, семь дач и вилла с бассейном на юге Франции?

– Восемнадцать квартир принадлежат партии, – уточнил политик.

– А партия принадлежит вам?

– Мы с ней – одно целое.

После танго на сцену вышел если и не король, то уж точно герцог американского рока. Он был с гитарой. Проорав со страшным акцентом: «Николай, с дном рождения!», музыкант заиграл убийственный рок-н-ролл.

– Вот это я не осилю, – вздохнул политик и подозвал охранника. Тот оказался весьма искусным танцором. Он замотал Свету так, что её начало мутить. Коньяк и вино просились наружу. Партнёр повёл её в туалет. Там задрал ей платье.

– Я не хочу! – кричала она, вяло отбиваясь, – отстань, придурок, отстань!

– Так надо, – строго сказал охранник, и, наклонив Свету к унитазу, спустил ей трусики до колен. Она перестала сопротивляться, подумав: надо так надо. Фазаньи крылышки, трюфели и грибы, летевшие в унитаз вместе с коньяком и вином, было очень жаль.

Одев Свету и подведя её к умывальнику, где она сполоснула рот, кавалер вручил ей приличную пачку долларов и визитку. Это была визитка политика.

– Обязательно позвони ему! Он тебя деньгами засыплет.

– Да неужели? – расхохоталась Света, засунув пачку в трусы, – ладно, я подумаю! А чего он от меня хочет? Имеешь право сказать?

– Естественно. Ты должна повлиять на свою подругу. Им всем нужна информация на её дружка-олигарха. Она упрямится. Объясни ей, что если он до лета не сядет – сядет она.

Как минимум. Понимаешь?

– Так ведь они давно уже не контактят!

– Она о нём много знает. Ты постарайся?

– Постараюсь, – пообещала Света, – идём.

Нетрудно было заметить в зале текучку – одни ушли, другие пришли. Но, в целом, народу сделалось больше. И больше сделалось балагана. На сцене митрополит в полном облачении толкал очень духоподъёмную речь про верных сынов России, умалчивая о том, как эти сыны массово расстреливали его коллег и взрывали церкви. Но его мало кто слушал. Официанты сбивались с ног. Свою подружницу Света застала в обществе не Николая Ивановича, а откормленного юнца с вихрастой башкой. Он что-то ей сладко пел, стиснув её руку. Она смеялась. Увидев Свету, ещё сильнее обрадовалась.

– Ой, Светочка! Познакомься – Федя, сын нашего полковника. Пока папа борется с простатитом над унитазом, сынок меня соблазняет!

– Не соблазняю! – завопил Федя, – не соблазняю! В кино зову! Я недавно с другом ходил в кино! По-твоему, мы друг друга трахаем, что ли?

– Феденька! Если ты, говоря ему, как вам классно будет в кино, держал его за руку и тарасил глазки на его грудь – ответ подразумевается. А смотри-ка, вон Николай Иванович к нам идёт! Он -то нас сейчас и рассудит.

Федя отдёрнул от Риты руки, как от горячей кастрюли.

– Не говори ему! Он не так поймёт!

– Да ладно уж, не скажу! Хотя я убеждена, что поймёт он всё абсолютно верно.

Феденьку сдала с потрохами Света. Вышел скандал, и Федя ушёл, порекомендовав отцу взять в любовницы восьмиклассницу, чтоб совсем уж было забавно.

– Гадина, – прохрипел Николай Иванович, выпив водки, – всё-таки умудрился праздник испортить! А так всё было великолепно!

– Великолепие продолжается, – возразила Света, также отведав водочки под селёдочку и салат из устриц, который принесли Феде. И точно – митрополита сменила сияющая ещё более ослепительно исполнительница народных песен со своей группой. Под её вой политик отклонялся. На прощание он противно ущипнул Свету за ягодицу. Рита опять пошла танцевать, на этот раз – с девушкой. Её важное личико показалось Свете знакомым.

– Коленька, это кто? – поинтересовалась она, сидя на коленях у юбиляра с вилкой в одной руке и горшком жульена в другой. Николай Иванович присмотрелся. Назвал фамилию.

– А, гимнастка? Подруга нашего президента?

– Насчёт второго не знаю.

– Как так – не знаю? – строго пискнула Света, выронив изо рта несколько грибочков, – вы всё обязаны знать!

– Спроси у неё самой, – предложил полковник, и, когда танец кончился, подвёл Свету к интересующей её даме. Их

познакомили.

– Ты хотела что-то спросить, – напомнил юбиляр Свете. Та покраснела, даром что запила невкусный жюльен большой рюмкой водки.

– Ах, да, спасибо! Чуть не забыла. Вот была бы досада! Скажи, Алиночка, как тебе удаётся так замечательно выглядеть?

– Очень просто, – вяленько улыбнулась на минимальную ширину спортсменка, – я за собой слежу. И мне – девятнадцать лет.

Света ожидала, что чемпионка даст ей визитку, но та сейчас же ушла, что-то сказав Рите. Тем временем, юбиляр с кем-то говорил по мобильному. Завершив разговор, он шёпотом поделился с Ритой какой-то новостью. Рита сразу подошла к Свете, которая пила виски.

– Нам надо сваливать! Сюда едет его жена. Врачи её отпустили на два часа.

– Пошла она в жопу! Мы что, здесь ему даём?

– Собирайся, дура! Нас ждёт машина с водителем.

Свете очень хотелось выпить на посошок коньяку с ликёром и хорошенько дёрнуть митрополита за бороду, но, к несчастью, Рита велела официанту оба напитка убрать, а служитель Бога был занят. Он разговаривал с вокалистом известной группы и бородатым байкером богатырского склада. Оба они были друзьями друга Алины. Вокруг стояла охрана. Юбиляр, ставший немногословным, проводил девушек до

дверей, а швейцар – до чёрного «Мерседеса» премиум-класса. Два наружных швейцара им козырнули.

Пока автомобиль мчался на Баррикадную, куда вдруг захотелось Рите, Света довольно строго, но вежливо предложила водителю ряд вопросов: исполнилось ли ему тридцать восемь лет, да женат ли он, да сколько в движении лошадиных сил, да сколько он жрёт бензина, да может ли разогнать «Мерседес» до двухсот восьмидесяти, каковая цифра присутствует на спидометре? У Риты ни одного вопроса к мужику не было. Но зато у неё имелись вопросы к Свете. Её интересовало, сколько ей дали денег.

– Никто не дал мне никаких денег! – орала Света, – я проститутка, что ли, по-твоему? Это ты у нас проститутка!

– Тебе, овца, нельзя пить совсем! Закрой рот и не выводи меня из себя.

Перед магазином Рита велела остановить и пошла за пивом. Когда вернулась, Света трясла водителя, требуя, чтоб он вылез из-за руля, потому что дальше она сама поведёт. Рита успокоила её банкой чешского пойла.

Глава третья

Водитель подвёз изгнанниц к «Бэверли-Хиллз», и Рита сказала, что он им больше не нужен. Не веря своему счастью, он поспешил воспользоваться удачей и был таков.

– Мы за каким хреном сюда припёрлись? – орала Света,

когда охранники казино обследовали её металлоискателем, – Ритка! Ой! Он меня за жопу потрогал! Ты, идиот! Не распускай руки!

– Дура, заткнись, – вонзила свирепый взгляд в скандалистку Рита, – нас сейчас вышвырнут!

– Я сама уйду! Ребята, а как отсюда можно пройти в Зоопарк?

– Заткнись, я сказала! Ты не уйдёшь. У меня здесь встреча с Милашкиным!

В зале Света притихла. Рулетки как механизмы не удостоились её пристального внимания, но она стала наблюдать, как дамы и господа, сидящие за столами, кладут маленькие круглые штучки на клетки с цифрами. Это было забавно. Рита, поговорив с одним из крупье и сделав звонок, сообщила спутнице, что Милашкин пока ещё не явился, но скоро будет.

– Вот и отлично, – сказала Света, – я отойду на пару минут.

Не было её минут тридцать. Всё это время Рита играла и пила виски. Вернувшись в зал, спутница застала её в компании очень пёстро одетого господина с длинными волосами и недовольным лицом, которое показалось Свете знакомым. Они болтали, стоя около кассы. Света приблизилась и вдруг вспомнила, что это за лицо. Да, сомнений не было – Рита бойко трепалась с прославленным модельером-стилистом, героем модных ток-шоу.

– А где колготки? – заверещала Рита, увидев, что туфли Светы надеты прямо на голые и не очень чистые ноги, – ты что, там обосралась?

– Зачем так орать? – стушевалась Света под неприязненным взглядом звезды экрана и глянца, – да, у меня сводило кишечник от этих мерзких грибов, и одновременно желудок требовал очищения. Я склонилась над унитазом, и хлынул страшный поток сразу с двух сторон! Пришлось там оставить трусики и колготки.

– Дура! Где деньги? – с ужасом взвыла Рита, заломив руки.

– Я их переложила из трусов в ли... Что? Какие деньги? Ты бредишь? Никаких денег у меня нет.

Рита облегчённо вздохнула и повернулась к стилисту.

– Вот, Валентин Петрович, извольте полюбоваться – обожралась, напилась, натрахалась до усрачки! Овца овцой!

– Овца и нужна, – не пощадил Свету создатель образов, с любопытством глядя на её ноги. Бросила на них взгляд и официантка, поднёсшая ему четырёхугольный бокал с каким-то напитком. Света обиженно отвернулась. И, к удивлению своему, заметила, что почти никто в зале не обращает на кутюрье особенного внимания. Тот, тем временем, сделал пару глоточков, пронаблюдал, как крупье за ближайшим столом пускает рулетку, обвёл глазами столбики фишек на номерах и закончил мысль:

– Задницу ей надо отмыть, потому что вряд ли она её чи-

сто вытерла! Ну, а так – ничего, сгодится.

– Слушай, Милашкин, во что я её одену? – не унималась Рита, – трусы с колготками эта тварь засрала. Быстренько придумай что-нибудь! Срочно!

– Да что придумывать? Милитари.

У Риты глаза полезли на лоб.

– Милитари? Ей?

– Да, в принципе, можно и госпожу из неё слепить! Она – рослая, светлая, вполне стройная, но не тощая. Чёрное, врезающееся, блестящее. Глазки чуточку удлинить, фуражку надеть, и будут фонтаны спермы до потолка! Поверь мне, Ритуля.

– Ты предлагаешь координальную ломку образа? Это точно тот самый случай, когда возможен эффект?

– Эффект гарантирован. Ты ей только вдолби получше, чего ты от неё хочешь. Она – бревно.

Света оскорбилась.

– Сами бревно!

Закадычный друг известных артистов, видных политиков и великих спортсменов на эту дерзость не среагировал. Он взмахнул рукой, ногти на которой блестели необычайно ярко, и рядом с ним мгновенно возникли два молодых человека с таким же ярким блеском ногтей, но короткостриженных и одетых более облегающе, что давало возможность видеть их стройность, гибкость и мускульную объёмность.

– Мальчики, очень быстро смотайтесь с нею в секс-шоп и

сделайте из неё садистку-милитаристку, – распорядился стилист более писклявым, чем прежде, голосом, – у вас ровно сорок минут на всё это дело.

– Тридцать минут, – уточнила Рита, – И можете обойтись без милитаризма, будет достаточно госпожи! Только первым делом протрите ей влажными салфетками ноги сзади и жопу.

Художник высокой моды молча кивнул в знак согласия. Молодые люди с гримасами отвращения взяли Свету за локти. Но та упёрлась. Она желала понять, чего от неё хотят.

– Поскольку ты не намерена признавать, что деньги у тебя есть, а мои проиграны, мы с тобой отправимся зарабатывать, – объяснила Рита, – надеюсь, нет возражений?

– Это смотря куда мы поедем!

– В «Маску». Так называется ночной клуб. Валентин Петрович всё организовал – нас впустят без приглашения, несмотря на твою позорную рожу, и мы там выступим.

– Это как?

– Узнаешь.

Света дала себя увести. Милашкин, сразу забыв о ней и о Рите, сел за игровой стол, где его давно уже ждали. Рита отправилась на танцпол, где ждали её.

Светке через сорок минут с трудом удалось её отыскать в мечущемся свете и адском грохоте. Рита прыгала и крутилась со сверхъестественной резвостью, вероятно пытаясь выветрить из сознания нафталиновый кошмар «Праги». Её глаза казались стеклянными. С ней бесились какие-то нефор-

малки, также обдолбанные. Её деловой костюмчик смотрелся странно. Зато уж Света в ботфортах, короткой кожаной юбке, чёрных колготках, кожаной курточке и фуражке с авиационной какардой пришлась, что называется, к месту. Однако, Рита ей не дала порезвиться. Взяв её за руку, потащила к выходу сквозь толпу танцующей молодёжи. На лестнице развернула лицом к себе и строго спросила:

– Ты что, овца, долбанулась?

– Да почему долбанулась я?

Но у Риты вдруг отлегло от сердца. Её глаза заморгали.

– Тьфу! Мне почудилось, что ты в белом! А ты – вся чёрная. То, что надо!

Света стала рассказывать про секс-шоп и про голубых, но Рита, не слушая, запихнула ей в рот четыре таблетки. Света их проглотила. Скривила рожу.

– Они невкусные! Это что?

– Хорошие штуки для головы.

– А не врёшь?

– Когда я врала тебе? Всё, бежим! У нас мало времени.

Но в «Бугатти», который был предоставлен Рите и Свете для посещения клуба, последняя поняла, что всё-таки стала жертвой обмана. И не замедлила привязаться к мальчику-зайчику, исполнявшему обязанности водителя:

– Ритка – гадина! Те колёса были совсем не для головы, а от головы! Кажется, теперь из-за этой суки я отправляюсь на небеса, дабы поселиться в раю. Прощайте, мой друг, про-

щайте!

– Не обнадёживай людей зря, – одёрнула её Рита, – тебя сейчас не поселят даже в свинарнике.

Клуб располагался на Ленинградке, недалеко от кольца. Домчались за три минуты. Ловко лавируя среди лимузинов и внедорожников, мальчик-зайчик услужливо подрулил к самому порогу.

– Пакет возьми и дублёнку свою тайваньскую с капюшоном, – сказала Рита, поставив ногу на тротуар, – «Бугатти» нас ждать не будет, поскольку мы – писклявые, тошнотворные свиноматки. Так, малыш?

– Так, – подтвердил красавчик. Едва пассажирки вышли, он дал буксующий старт.

– Ритка, я забыла дублёнку свою тайваньскую и пакет! – спохватилась Света, когда уже было поздно, – что теперь делать-то?

– Ничего. Милашкин потом всё это пришлёт к нам домой. Нужны ему твои шмотки, в которых ты ещё и обосралась! Дублёнка же изначально сраной была. Мы от Валентина.

Три последние слова адресовались охранникам в вестибюле, которые преградили девушкам путь. Слова возымели действие. Сдав бурятке в образе самурайки изящное пальто Риты, девушки подошли к столь же привлекательной молдаванке в образе амазонки. Она им выдала два браслетика: Свете – красный, Рите – зелёный.

– Что это значит? – спросила Света, защёлкнув странный

предмет на своём запястье.

– Ты верхняя, а я – нижняя, – объяснила Рита.

– А! Здесь, типа, всякие там приколы?

– Здесь, вообще, всё.

Оказавшись с Ритой в огромном, причудливо освещённом холле, Света удостоверилась, что её подруга на сей раз не соврала. Красивые девушки разной степени обнажённости, вплоть до полной, располагаясь парами на диванчиках, вытворяли одна с другой под «Энигму» действительно абсолютно всё, что только возможно было представить. Нежных объятий и поцелуев во все места было, впрочем, больше, чем издевательств. Другие дамы и, разумеется, господа в золоте и смокингах наблюдали за девушками, прохаживаясь по холлу. Некоторые держали в руках бокалы, маленькими глотками смакуя их содержимое.

– Офигеть! – прошептала Света, скользя растерянными глазами по голым попкам, сиськам и пяткам, – а что вон там, за той дверью?

– Зал. Там на сцене проходят отдельные представления. Как раз там и будем мы выступать.

Света озадачилась.

– Да? А что мы будем показывать?

– Твою жопу. Или мою. Пока не решила.

– Давай покажем две сразу!

– Нет, так нельзя. Структурная ломка стереотипов должна быть выполнена с учётом двух основных законов психо-

анализа и трёхсот последних открытий в области гендерной психологии. И мне кажется, что я знаю, как мы поступим.

– Ой, Ритка, смотри, какой вон у той блондинки язык! Ой, она его этой рыжей прямо туда засунула!

– Не ори ты, тварь, во всю глотку!

Зрители с интересом присматривались к посланницам модельера. Перед порогом зала к ним подошла другая блондинка – одетая, но не сильно, с лукавым и остроносым лицом.

– Вы от Валентина?

– Так точно, – бросила Рита, – ну, что за публика собралась?

– Самый высший уровень! Есть сенатор. Вы его не заметили?

– Ты больная? Думаешь, я этих упырей всех знаю в лицо?

Шли бы они на ...! Где раздевалка?

– Прошу за мной, – с ноткой удивления предложила блондинка и повела двух девушек через зал. Её удивление Свете было понятно. Она сама недоумевала, для чего ей и Рите нужна сейчас раздевалка. По её мнению, можно было сию минуту начать. Но глазами Риты уже всюду смотрел Бонапарт.

За столиками сидели полураздетые девушки и мужчины – ещё совсем не раздетые, но, вне всяких сомнений, жаждущие раздеться. Они курили и пили, следя за тем, что происходило на сцене. Там истязали великолепную ведьму – голую абсолютно, если не считать чёрной бархатной маски. Ведьма

была подвешена за руки к потолку на толстых цепях. Пальцы её ног скользили по полу, ибо она раскачивалась как маятник, вереща под хлопающим кнутом. Порол её инквизитор в чёрном плаще с капюшоном.

– Теперь я всё поняла, – сообщила Света своей подруге, когда они задержались у барной стойки, чтоб пропустить по бокалу рома. Блондинка, ждя их, закуривала.

– И что ты там поняла? – удивилась Рита.

– Что это – не клуб никакой, а пункт выбора подстилок для извращенцев!

– Нет, это клуб.

– Хорошо, посмотрим.

Опорожнив бокалы, они ушли в раздевалку. Ведьму, тем временем, отцепили и унесли. Хоть следов кнута на ней видно не было, она корчилась и стонала в предсмертных муках. Другая голая девушка, вымазанная повидлом, которое имел право слизывать с неё каждый, прошлась по холлу, всем сообщая о том, что в зале вот-вот начнётся новое грандиозное представление с полной ломкой стереотипов. Холл на три четверти опустел, а зал переполнился. Впрочем, некоторое пространство у барной стойки осталось, поскольку Рита и Света намеревались выйти именно к ней.

Сперва появилась Света. Шла она босиком, даже без колготок. На ней был строгий костюмчик – юбочка до коленок, блузка, пиджак. Роба у неё была хамоватая, и блондинке, а также даме в повидле пришлось уведомить всех, что это –

ангельский лик. Вяло улыбаясь, Света приблизилась к стойке, перед которой стояли три табуретки, и, встав коленками на одну из них, совсем не по-ангельски задрала свой недурной зад, обращённый к публике. Белобрысый бармен налил ей бокал вина. Она сделала глоточек, не отрывая локтей от стойки. Тут вышла Рита с довольно короткой розгой. На ней были чёрные сапоги с высокими каблуками, того же цвета колготки и три предмета из кожи – юбочка, курточка и фуражка. Это была, естественно, дьяволица. Зрители уж решили, что босоногий ангел будет жестоко высечен, но всё вышло совсем иначе. Опытная чертовка сразу же поняла, что такого ангела никакими пытками не сломить, даже и пытаться не стоит. Был, таким образом, лишь один приемлемый вариант – хитрое растение. Подойдя к ничего не подозревающей Свете сзади, Рита присела на корточки, высунула язык до предела и начала лизать её голые подошвы, от пальцев к пяткам. Света скрестила ноги и замотала ступнями, однако это их не спасло от длинного языка воинственной извращенки. Тогда Света приняла сидячее положение, повернувшись к Рите лицом. Глаза её полыхали праведным гневом. Схватив чертовку за шиворот, она мощным рывком заставила её встать, дала ей пощёчину, отняла у неё профессиональную розгу и закричала:

– Как ты посмела ко мне притронуться мерзостными своими устами, исчадьё ада? Оголяй задницу! Я тебя буду сечь! Чертовка немедленно подчинилась, задрав кожаную

юбочку и спустив трусики с колготками до сапог. Подставила попку. Праведница её порола нещадно. Голая задница живописно вихлялась и извивалась, но гибкий прут её настигал и драл основательно, оставляя поперёк щели красные полосы. Рита плакала без притворства. Почувствовав утомление, Света бросила розгу и приказала наказанной опуститься на четвереньки. Когда приказ был исполнен, она поставила ноги на её ягодицы, и, взяв со стойки бокал, продолжила смаковать вино. Хитрая злодейка с задранной жопой в крайнем унынии опустила голову козырьком фуражки до пола. Допив вино, Света начала щекотать большим пальцем правой ноги её половые органы, выпиравшие между бёдрами. Дьяволица глухо рычала.

– Рычи, паскуда, рычи, – ворковала Света, реально сделавшись вдруг похожей на ангелочка, – только не вздумай кусаться, не то на цепь тебя посажу!

Когда ногу на весу держать стало трудно, она внезапным ударом обеих пяток по заднице уложила Риту ничком. Зло было побеждено. Номер завершился. Две исполнительницы, одной из которых пришлось натянуть трусы и вытереть слёзы, ушли под аплодисменты. У сцены им сообщили, что кое-кто их желает видеть за своим столиком.

– А, сенатор? – хмыкнула Рита, – почему нет? Можно.

Сенатор встал им навстречу. С ним было много охраны. Поцеловав руку Риты и носик Светы, старый козёл, то есть государственный муж, пригласил их в сауну.

– Это надо бы обсудить, – заметила Рита, эффектно садясь за столик. Но не успела она закинуть ножку на ножку и взять бокал, как выяснилось, что Света из роли вовсе не вышла. Она с апломбом провозгласила, что коль судьба её занесла в логово порока, она скорее покинет это самое логово босиком, нежели ещё хоть на одно мгновение в нём задержится. И угроза была исполнена. Рита десять минут гонялась за Светой по Ленинградке и ни за что бы не догнала, если бы не два милиционера. Они не только остановили Свету, но и помогли надеть на неё колготки с ботинками, а затем поймали такси. Света пожелала расположиться рядом с водителем и всё время пути доказывала ему, что не проститутка. Рита злобно курила, подсчитывая убытки. Вдобавок, она предчувствовала, что самое интересное ожидает её в квартире. Да и не только её, но и весь подъезд.

Этот прогноз сбылся. Немедленно по прибытии Света вставила в музыкальный центр диск Майкла Джексона, и, нащёлкав две трети громкости, начала танцевать стриптиз. Мюрат на неё шипел. Соседи не очень громко стучали со всех сторон. После драки с Ритой была три раза нажата стрелочка вниз. Раздевшись догола, Света заглушила песенку «Билли Джин» и стала носиться по всей квартире, читая вслух наизусть Шекспира. Рита, сидя на стуле, считала американские деньги, которые вывалились из трусиков стриптизёрши, и насчитала их десять тысяч. Бросив пачку на стол, она призадумалась. На бегу споткнувшись о свой диван, Све-

та растянулась на нём и крепко уснула. Рита, взяв телефон, набрала короткое сообщение. Ей немедленно позвонили.

– Привет, – сказала она, – ты дома?

– Да, но не у себя.

– Я поняла. Лёшка, ей дали десять тысяч гривен!

– Не понял. Кому?

– Да моей подруге, с которой я ходила на юбилей к этому уроду.

– А кто конкретно дал?

– Жирик. Как тебе это нравится?

Алексей рассмеялся.

– Ну, этот мог бы и больше дать!

– Лёшка! Он дал их ей. Понимаешь? Не мне, а ей. Мне он предлагал миллион.

– Миллион? Бери.

– Меня за него разрежут на миллион частей! Лёшенька, ты можешь мне объяснить, чего от меня хотят? Я скинула всё! Уже целый месяц живу сама по себе! В ваши все дела вообще никогда не лезла! Я – нелегальный частный таксист. Но мне дают миллион! С какой стати?

– Риточка! Я бы дал миллион уборщице Хордаковского, разумеется, не страдающей глухотой и склерозом. А ты в постель с ним ложила полтора года!

– Так почему он до сих пор здесь? Почему не валит, если даже тебе всё до такой степени ясно? Ему дают полную возможность уехать!

– Спроси об этом его.

– Но это касается и тебя!

– Меня это не касается. Ты, по-моему, много выпила. Ложись спать.

Рита долго слушала перенявшие, как казалось ей, нервную интонацию Алексея гудки. Они колотились о барабанную перепонку, как капли о водосточный жёлоб. Потом она прошла к Свете.

Света спала на боку, голой попой к двери. Сопела. Рита довольно долго смотрела на её длинные ноги с розовыми подошвами, плотные и округлые ягодицы, узкую спину с подрагивающими лопатками и рельефными позвонками. Ей, Рите, вдруг захотелось вымазать её чем-нибудь, чтоб она не была уже такой белой. Не зависть к этой сияющей белизне совсем ещё юного и прекрасного тела так неожиданно обуяла Риту – ведь её тело было ничуть не хуже, хоть и смуглее. Просто она сочла, что из Светы выйдет очень недурственная свинья.

На кухне имелся вишнёвый джем. Рита за ним сбегала и, не тратя времени даром, взялась за дело. Она успела вымазать только пятки Светы, которая, ощутив щекотку, слабо задёргалась. В гробовой предутренней тишине пронзительно зачирикал дверной звонок.

Банка с джемом, выскользнув из руки, упала и раскололась. Рита застыла в ошолоблении. Зазвонили вновь. Быстро облистав дрогнувшие пальцы, Рита подошла к двери.

– Кто там?

– А мне, если можно, Свету!

Голос был звонким, девчоночьим. За глазком чернела полнейшая темнота. Кажется, его прикрыли ладонью. Дверь не была заперта – подружки, ввалившись, сразу о ней забыли. Рите хватило одной секунды, чтобы её распахнуть и выскочить на площадку.

Глава четвёртая

– Мы можем снять квартиру получше, – сказала Рита за завтраком, – ты теперь богатая дама.

У Светы рот был набит овсянкой и колбасой, которой она делилась с Мюратом. Рыжий обжора тёрся о её ногу, истеря так, что даже проголодавшийся крокодил не смог бы не поделиться с ним зеброй. Сделав глоток ядрёного кофе, призванного свинтить полную развинченность, Света мрачно проговорила:

– Во-первых, я эти деньги не отработала, и, как ты сама понимаешь, не отработаю. Значит, их придётся вернуть. Во-вторых...

– Давай-ка сперва разберёмся с первым, – прервала Рита, – ты их кому собираешься возвращать?

– Тому, кто их дал!

– Охраннику?

– Нет. Ты знаешь, кому.

– А он не возьмёт! Он ещё предложит.

– Я откажусь!

– Он тебе устроит крупные неприятности. Могу точно сказать, что из университета ты вылетишь. А твой папа полетит с должности. Хорошо, если не в связи с уголовным делом.

– Чего? – раскрылся рот Светы так, что из него выпал большой кусок колбасы, чем рыжий недремлющий попрошайка тут же воспользовался, – в связи с уголовным делом? Ты что, серьёзно?

Рита кивнула и приложилась к бутылке пива. Она пила его вместе с кофе, а на еду не могла даже и смотреть. Её удивляло то, что у Светы всё хорошо с аппетитом.

– Если они на тебя напали, готовься к худшему. Эти мрази умеют отравлять жизнь.

– И что теперь делать?

Голосок Светы был ещё жалобнее, чем писк её сотрапезника. Жёстко глядя в её глаза, наполненные слезами, Рита сказала:

– А мы им тоже отравим жизнь.

– Мы? Им? Каким образом?

– Очень просто. Они хотят, чтобы ты меня расколола. Я расколуюсь. Все будут довольны. Они – лапшой, мы – капустой.

– Да ты с ума сошла! – простонала Света, сжав кулаки, – какая лапша? Они ведь не идиоты!

– Конечно. Однако, тот, на кого они заточили свои клыки, тоже не дурак. Так что, будь уверена – мы их сможем долго за нос водить.

– Допустим. А что потом?

– Потом их не будет.

– Не поняла...

– А что непонятного?

Очень долго молчали. Также молчал Мюрат, тараща глазёнки то на одну идиотку, то на другую. Их эмоциональное напряжение передавалось ему. Он поджимал ушки, топорщил шерсть.

– И когда? – спросила, наконец, Света.

– Думаю, скоро. Им ведь торговать нечем, кроме как нефтью. Такие цены на нефть долго не продержатся. Когда цены рухнут, они не смогут ничего сделать.

– Значит, придёт конец всей стране?

– Нет. Этого не допустят. Такой большой рынок сбыта, тем более нашпигованный ядерными ракетами, которые неизвестно в какую сторону полетят, терять никому не выгодно.

– И кто выправит ситуацию? Твой дружок?

– Не дружок он мне, – пробубнила Рита, зевая. Взяв после этого сигарету, она заметила:

– Первый час, между прочим! Ты что, с работы отпросилась сегодня?

Вопрос пришлось повторить. О чём-то тяжело думая, Света очень тихо сказала:

– Да, отпросилась. Мне надо ехать на лекцию.

– Светка!

– Что?

– Всё будет нормально, я обещаю. До Ватерлоо мне далеко. Я ещё не дошла до Аустерлица.

Ответом был такой вздох, что зашелестели топорщившиеся в углу обои.

– Что ты вздыхаешь?

– Думаю, что дошла.

– До Аустерлица? Нет.

– Зачем ты мне тогда ночью пятки мазала джемом?

– Я ведь тебе уже объяснила! Чтоб его слизывать с твоих пяток.

– Так почему не слизала? Мне утром пол пришлось отмывать от своих следов!

– Да я начала! Но пришла Джульетта. Она устроила мне скандал.

Света недоверчиво ойкнула.

– Обалдеть! Джульетта устроила ей скандал! Да если бы ты Джульетту увидела, то пришлось бы отмывать пол уже не от джема!

Мюрат решительно зацепил когтями штанину Светы. Она его решительно отстранила. Ей почему-то было досадно.

– Сейчас Джульетты здесь нет! Можешь продолжать, если хочешь.

– Но ведь и джема нет, – возразила Рита. Мюрат запрыгнул к ней на колени. Глядя его, она закурила и допила свой остывший кофе. Потом поинтересовалась:

– Так что, меняем квартиру?

– Нет.

– Почему не хочешь?

– Сюда приходит Джульетта.

Эти слова, которые Рита слышала очень много десятков раз, сейчас почему-то её взбесили.

– Джульетта?

– Да.

– Какая на ... Джульетта? Долго ты ещё будешь трепать мне нервы, долдоня с утра до вечера этот бред?

– А что здесь бредового? Этот дом стоит на могиле девушки, которая наложила на себя руки из-за несчастной любви!

– И что дальше, дура? Разве одна Джульетта так поступила? Кроме того, она жила в Англии!

– Нет, в Италии! – уточнила Света с таким триумфом, что можно было подумать – Италия начиналась уже на соседней улице.

– Пусть в Италии! Дальше что? Её закопали здесь?

– А какая разница? Разве важно, откуда она приходит? Важно, куда!

– С чего ты взяла, что это она приходит? – не унималась Рита, мысленно проклиная себя за то, что опять ввязалась в эту дискуссию и никак не может остановиться.

– Какая разница? – заорала Света, – важно не то, с чего я это взяла! Важно то, как обстоит дело на самом деле!

– Да на самом деле это – персонаж вымышленный, овца!

– Это ничего не меняет! Мы все – вымышленные персонажи! Нас кто-то выдумал.

Рита дальше спорить не стала. Одним глотком допив пи-

во, она пошла одеваться, так как уже опаздывала куда-то. И Свете надо было спешить. Поскольку они закончили сборы одновременно и вышли вместе, Рита её подбросила до метро. Парковки были все заняты, и пришлось ей затормозить во втором ряду, включив аварийку.

– Так ты решила завоевать Россию? – спросила Света, берясь за рычажок двери.

– Конечно. Я не могу поступить иначе.

– Но это – гибельный путь!

– Зато благородный. Я избавляю Родину от позорного крепостного рабства. Ты ведь вчера сама могла осознать, насколько оно позорно!

У Светы больше вопросов не было. Она вышла и побежала к метро. А Рита, преодолевая заторы, двинулась к центру.

Когда она стояла на светофоре перед метро «Площадь Ильича», её сотовый заиграл.

– Ритка, Ритка, Ритка! – вскричала Света сквозь грохот поезда, – знаешь, кто мне сейчас позвонил?

– Догадываюсь. Джульетта?

– Ритка, ты дура! Мне позвонил кинорежиссёр! Ну, этот, усатый, оскароносный... как его...

– Поняла. Твой номер кто ему дал?

Света захихикала.

– Представляешь, Жирик! Он ему скинул видеозапись нашей с ним речи на сцене и моих танцев!

– И эта мразь тебе предлагает роль?

– Да, самую главную! В новом фильме про террористов и про чекистов! Он мне сказал, что я идеально гожусь ему по фактуре и тембру голоса! Представляешь?

Вспыхнул зелёный свет, и Рита возобновила движение.

– Ну, иди на контакт.

– Я прямо сейчас поеду к нему! Хрен с ней, с лекцией!

– А куда он зовёт тебя?

– На «Мосфильм»!

– Отлично. Удачи!

Рита нажала сброс. Проехав метро, она надавила на педаль тормоза, прижимаясь к обочине. Там стояла, синевя сквозь дыры в джинсах совсем голыми коленками, худосочная неформалка с вихрастой рыжей башкой, торбой на плече и кольцом в носу. Вместо куртки на ней блестела заклёпками рокерская жилетка поверх очень длинной кофты. Когда красная «девятка» остановилась, носительница безмозглой рыжей башки мгновенно пристроилась рядом с Ритой.

– Захлопни дверь посильнее, – сказала та, – её клинит.

Ещё раз долбанув дверью, теперь уже со всей дури, рокерша потёрла свои коленки ладонями и спросила:

– Так ты меня потом отвезёшь на Дмитровское шоссе?

– Нет. Я дам тебе на такси.

Рыжая чума округлила глазки, будто услышав нечто ужасное.

– На такси?

– Конечно.

Странная дама вдруг успокоилась и кивнула, будто услышав важное уточнение.

– Хорошо. Гони на Лубянку.

– Ты что, ещё не купила?

– Купила только вино, – хлопнула больная тонкой рукой по сумке, – именно такое, какое надо. Ну, едем!

Досада Риты читалась в каждом её движении. Она молча о чём-то думала, разгоняясь и тормозя с предельной неосторожностью. Пассажирка сбивчиво тараторила, убеждая её не злиться и посочувствовать ей, проведшей две ночи в очень дурной компании. Так они доехали до Лубянки.

Рита припарковалась как можно ближе к аптеке. Возле её угла стояла очень странная группа – предпенсионная баба в норковой шубе и несколько молодых людей нетрадиционной ориентации. Они пытались что-то объяснить бабе. Та отвечала им крайне резко. Прохожие останавливались, прислушивались. Двое постовых милиционеров, стоявших поблизости, безразлично курили.

– Тётя Анжела здесь! – обрадованно вскричала спутница Риты, толкая дверь, – посиди, я быстро!

– Колёса взять не забудь!

Ответом была очень злая рожа – мол, кого учишь? Решительно распахивая писклявую шоблу и оттащив норковую бабу в сторонку, спутница Риты о чём-то с нею заговорила. Та ей что-то дала, что-то взяв взамен, после чего девушка забежала в аптеку. Вышла она оттуда через минуту. Опять присо-

единившись к Рите, сказала:

– Ритка, цены взлетели! С тебя – ещё пятихатка.

– Что ты брала в аптеке? – спросила Рита, вручая ей требуемую купюру.

– Как – что? Баян!

Дав такой ответ, девушка с особенностями развития протянула Рите квадратную упаковку таблеток.

– Глотаешь две, потом пьёшь вино. Они всё нейтрализуют.

Бутылка «Абрау Дюрсо», клофелин в количестве трёх флаконов и шприц огромных размеров были извлечены из сумки. Наполнив шприц клофелином, рыжая тварь вкачала его в вино, для чего пришлось очень аккуратно проткнуть насквозь иглой пробку. Все три пустых флакона и шприц она убрала. Бутылку отдала Рите.

– А почему не водка и не коньяк? – поинтересовалась та, заводя мотор.

– Потому, что против сорокоградусного напитка таблетки не будут действовать.

– А если их сожрать больше?

– Ритка, не вздумай! Настюха всё экспериментировала с колёсами, так её неделю назад едва откачали! Если клиент пьёт крепкое – оголяешь сиськи. Пока он на них таращится, выжимаешь флакон в бокал. Если тебя палят, громко орёшь и падаешь в обморок. Ну, а дальше – по обстановке. А хочешь, я познакомлю тебя с Настюхой?

– Чтоб я заранее научилась грохаться в обморок? Познакомь.

– Так едем со мной на Дмитровское шоссе! Она сейчас дома.

Рассчитав время, Рита дала согласие и включила первую передачу. Её знакомая, избавленная от лишних хлопот, мгновенно уснула, вытянув ноги и привалившись плечом к стеклу. Было скользковато. Но, тем не менее, Рита ехала быстро. Весь путь до Дмитровского шоссе занял у неё двадцать минут. Не успела она на это шоссе свернуть, как её мобильник подал сигнал. Взглянув, кто звонит ей, она приоткрылась к бордюру, благо что двигалась в крайнем правом ряду, и затормозила.

– Да, Руслан Рамазанович.

– Здравствуйте, Маргариточка. Вы в Москве?

– В Москве.

Собеседник Риты закуривал. Выдыхая дым, он спросил:

– Можете подъехать?

– Когда? Сейчас?

– Хотите – сейчас, хотите – часа через полтора. Это не горит. Нам с вами спешить-то некуда, сами знаете!

– Через полтора-два часа я буду у вас.

Раздались гудки. Когда Рита опять вырुливалась в поток, её пассажирка, приоткрыв один глаз, спросила:

– Кто это был?

– Следак.

– Чего хочет?

– В рыло.

Этот ответ так впечатлил рыжую, что она открыла и второй глаз.

– Он деньги, что ли, трясёт?

– Маринка, поспи ещё. Мне надо подумать.

Рыжая вновь закрыла глаза. Впрочем, ненадолго. Спустя несколько минут, выполнив пять–шесть её указаний, Рита припарковала машину перед одним из подъездов панельной многоэтажки.

– Я на чуть-чуть, – сказала она, когда вошли в лифт и створки его закрылись.

– Это уж как получится, – усмехнулась Маринка.

– В смысле?

– Если ты Насте сильно понравиться, твой следак тебя не дождётся.

Рита в ответ пожала плечами. Выйдя с ней на этаж, Маринка достала ключ и открыла дверь одной из квартир. Вошли. Квартира была обшарпанная, но чистая – ни пылинок. Из ближней комнаты доносились вопли Уитни Хьюстон. Судя по качеству, их воспроизводил кассетный магнитофон, которым периодически забивали гвозди. Кухня была микрогабаритная. На плите что-то жарилось. За столом сидела, подсунув левую ногу под бедро правой, тонкая девушка с золотистыми волосами, неярко выраженным восточным разрезом глаз и красивым носом. Она раскладывала пасьянс. Пе-

ред ней стояла бутылка виски, едва начатая, и бокал. На Маринку с Ритой, громко захлопнувших за собою дверь, картёжница чуть взглянула.

– Настенька, это Рита, – проговорила Маринка, снимая обувь, – можешь её развлечь? Я пока помоюсь, потом посплю часа три! Я жутко устала.

– Но у меня – только час, – возразила Рита. Маринка молча впихнула её на кухню. Сама она упорхнула в комнату, из которой через минуту выпорхнула раздетая догола, и заперлась в ванной. Её соседка не прерывала своё занятие. Сев напротив неё, Рита попыталась по запаху распознать, что жарится на плите. Это оказалось нетрудно. Там жарились кабачки. Рита их не очень любила. Повернув голову, она стала следить за Настей. А та, казалось, вовсе не замечала её присутствия. Вдруг спросила, бросая карту за картой:

– У Хордаковского член большой?

– Сантиметров двадцать.

– Стоит нормально?

– Нормально.

Настя кивнула, и, смешав карты, быстро собрала их в колоду. Подняла взгляд.

– Хочешь, погадаю?

– Нет.

– Почему?

– Мне неинтересно.

– Тогда сыграем?

– Я не люблю азартные игры.

Настя опять кивнула. Протянув руку, она погасила под сковородкой газ. Глаза у неё были очень умные, чёрные и внимательные.

– А хочешь, я покажу тебе фокус?

– Ну, покажи, – согласилась Рита.

– Возьми и стасуй колоду.

Рита исполнила эту просьбу.

– Теперь вынь карту. Любую. Мне не показывай.

Рита вынула туза пик.

– Запомнила?

– Да.

– Ещё раз стасуй.

Рита стасовала.

– Теперь дай мне.

Опять перетасовав карты, притом не глядя, Настя протянула их Рите.

– На,ними верхнюю.

Верхней оказался туз пик. Рита была ошеломлена.

– Как ты это делаешь?

– Я – цыганка.

Уитни Хьюстон в комнате смолкла и прозвучал щелчок. Кассета остановилась. Маринка, плескаясь в ванне, что-то орала в сотовый телефон. Смысл реплик был непонятен, так как они состояли на девяносто девять процентов из мата.

– Это что, виски? – спросила Рита, тронув пальцем бутыл-

ку.

– Да, виски. Будешь?

Рита кивнула. Настя достала второй бокал. Наполнила оба. Выпили. Виски оказался недурственным.

– Кабачки? – предложила Настя.

– Давай.

Они ели прямо из сковородки. Пили ещё. Маринка, тем временем, завершила водные процедуры и ушла в комнату, продолжая с кем-то конфликтовать на грани истерики.

– Что ещё ты умеешь? – спросила Рита у Насти.

– Лучше скажи, чего тебе надо, – с досадой глядя на мокрые отпечатки босых Маринкиных ног, предложила та, – Так дело пойдёт быстрее. Ты ведь спешишь?

– Я хочу знать, где я буду завтра.

Настя подняла бровь.

– Но ты ведь не хочешь, чтоб я тебе погадала!

– Да, не хочу. Мне нужен точный ответ, а не обезьяньи фокусы с картами. От него зависит вся моя жизнь. Ты можешь мне его дать?

– Ты странная, очень странная. Как ты думаешь, если я могу дать ответ на такой вопрос, то зачем тогда раздвигаю ноги перед ублюдками за сто баксов? Логика, вообще, где?

– А! Значит, ты признаёшь, что твоё гадание – шарлатанство?

– Я признаю, что мне неизвестен ответ. Его знают карты. Я лишь могу его прочитать.

– Но если ты можешь прочитать то, что знают лишь карты, которые знают всё, зачем раздвигаешь ноги перед ублюдками за сто баксов?

– Но ведь тебе не вдолбишь, что карты действительно знают всё! А ты – далеко не самый тупой человек на свете. Цыганка – значит воровка. Цыганка с картами – шарлатанка. Допьём вискарь?

Рита согласилась. Когда бокалы были осушены, она согласилась и на гадание. Настя велела ей стасовать колоду. Взяв затем карты, она их стала бросать по одной на стол. Рита наблюдала за ней, смотрела на карты.

– Странно, – проговорила Настя, побросав все. Лицо её отражало обеспокоенность.

– Что? – встревожилась Рита.

– Ты собираешься завтра лететь на какой-то остров?

– На остров? Я? – изумилась Рита, – нет, ничего подобного. Вообще никуда лететь я завтра не собираюсь! До лета точно буду в Москве.

– Это очень странно, – сдвинула брови Настя, – ты завтра точно будешь на острове.

– На каком?

– Откуда я знаю? Карты не разбираются в географии.

Через пять минут, прошедших в молчании, Рита встала и объявила, что ей пора. Прежде чем обуться, она зашла в туалет. Настя, продолжая тягостно размышлять, слышала оттуда не только шорохи, но и треск, точно не имевший близко-

го отношения к организму. Но она тягостно размышляла, и потому не стала спрашивать ни о чём.

Уже вечерело. Двигаясь к центру, Рита старалась не нарушать. Однако, на улице 1905 года она, тормозя перед светофором, заехала за стоп-линию. Придорожный милиционер, стоявший за перекрёстком, остановил её. Опустив стекло, она отдала ему документы.

– Там, вообще, стоп-линия, – сказал он, разглядывая водительское удостоверение, – почему нарушаем?

– Скользко. Я торможу – она едет. Дорогу плохо отчистили. Гололёд.

Язык заплетался.

– Думаю, вам придётся пройти медобследование на предмет опьянения, – очень цепко взглянул на неё инспектор.

– А если я откажусь?

– Лишение прав на полтора года.

Рита, вздохнув, достала мобильник.

– Одну минуту.

Набрала номер.

– Да, Маргарита Викторовна, – ответили ей.

– Руслан Рамазанович, я могу сегодня к вам не успеть. Меня задержал гаишник. Хочет проверить на алкоголь.

– Дайте-ка ему телефон.

Спустя полминуты Рита ехала дальше.

Глава пятая

– Сколько у вас жён, Руслан Рамазанович? – поинтересовалась Рита, затягиваясь чужой сигаретой.

– Сколько у меня жён? – переспросил следователь, – вот странный вопрос! Одна у меня жена. В нашем государстве, моя хорошая, многожёнство запрещено.

– Так-то оно так! А любовниц много? Штуки три есть?

Руслан Рамазанович рассмеялся. Изобразил ужасный акцент:

– Нэ знаю! До трёх считать нэ умею. Сабля махать могу, конь скакать могу, считать мнэ зачем? Ведь я нэ кассир, джигит!

– Руслан Рамазанович, я серьёзно! Сколько у вас любовниц?

– А почему вы интересуетесь, Маргарита Викторовна? – сменил помощник главы Следственного комитета хрипатый бас на слащавый, – у вас что в сумочке? Диктофончик?

– Нет, пистолетик.

– Шутить изволите?

– Разумеется. Но на самом деле я очень сильно жалею, что не взяла с собой пистолет. Мне страшно. Мне очень страшно. У вас глаза – голодные-преголодные. Я поэтому и спросила, сколько у вас любовниц.

Высокопоставленное лицо опять рассмеялось, но на сей раз джигита изображать не стало.

– Маргарита Викторовна! Любой здоровый мужик, имей он хоть сто любовниц, всё равно будет вас пожирать глазами. Вы ослепительны.

– Нет, Руслан Рамазанович, отупительна, – возразила Рита, – наверное, из-за этого вы меня приглашаете в пятый раз и никаких новых вопросов не задаёте.

Следователь вздохнул и забарабанил по столу пальцами. Пальцы были у него толстые и короткие. Он был сам короткий и толстый. Длинный, с горбинкой, нос на его лице казался чужим. Круглые глаза и толстые губы всё время щурились и кривились, как будто бы говоря: «Нет, нет, он – не наш, он к нам отношения не имеет! Мы его презираем!»

– Я, Маргариточка, пригласил вас вовсе не для того, чтоб вам задавать вопросы, а для того, чтоб сообщить новость. Ваш Игорь Плотников очень плох. Долго не протянет. Врачи в тюремной больнице, само собой разумеется, делают всё возможное, но – тюрьма есть тюрьма, чего уж там говорить! Желателен перевод этого больного в обычную городскую стационарную клинику. Скажу больше – очень желателен.

– И что дальше?

Один из двух телефонов, стоявших на небольшом офисном столе, зазвонил. Сняв трубку, чиновник выслушал то, что ему сказали, и произнёс:

– Где-то через час.

Потом набрал номер.

– Аллочка! Оформляй, как договорились. Да. Отклонят – не наша проблема.

Рита зевала.

– Вы меня поняли? – обратился к ней Руслан Рамазанович, кладя трубку.

– Да.

– И какие мысли вас посетили?

– Грустные. Будет жаль, если он умрёт.

– Да уж, это точно. Он вас, по-моему, очень любит. Можно сказать, отдал за вас жизнь. Можно так сказать?

– Безусловно.

– Как вы жестоки!

– Я? Почему? Я ему сочувствую. Если вы объясните мне, что и как надо сделать, чтобы ему стало лучше, я это сделаю. Ну, во всяком случае, постараюсь. Будьте уверены. Он – мой друг.

Руслан Рамазанович очень долго смотрел на Риту. Она была уверена в том, что знает, какие слова сейчас прозвучат. Но он её удивил. Он сказал – негромко, медленно, вкрадчиво, почти ласково:

– Маргарита Викторовна, вы – ...!

– Что? Что вы сказали?

– Могу повторить по буквам. Первая буква – «б», вторая – «л», третья – «я», четвёртая ...

– Ну, уж это вы зря, – слегка возмутилась Рита, – да, я девка с характером, это верно! Если б вы сукой меня назвали, я бы, наверное, согласилась. А вот на «...» я могу обидеться. Встану вот и уйду. И никогда больше к вам не приеду, хоть обзвонитесь! И что тогда вы будете делать? Локти кусать? Начальство-то по головке вас не погладит за такой казус! Верно ведь?

– Что вы, что вы! Я – в фигуральном смысле, – в тон Рите ответил следователь, смеясь, – можно сказать, даже в метафорическом. Но ведь ... вы, правда?

– Да почему?

– Да как – почему? От вас ведь только зависит, умрёт ваш друг или не умрёт, а вы тут кривляетесь! Раздеваться сейчас начнёте.

– А не начну, – обиделась Рита, – возьму вот и не начну. Я – не секретарша ваша поганая, чтоб вставать перед вами в разнообразные позы! Где она, кстати, курица щипаная? Пусть кофе мне принесёт.

– Как скажете, – улыбнулся следователь, нажав кнопку вызова секретарши. Та вошла тотчас, цокая шпильками – длинноногая, статная, до ушей сияющая зубами.

– Кофе нам, Машенька, – приказал Руслан Рамазанович, – побыстрее.

– Мне – в большой кружке! – рявкнула Рита, – в самой большой! Самый чёрный кофе! Три ложки сахара! Живо!

– Три ложки с верхом? – писклявым голосом уточнила

дылда, не очень-то испугавшись.

– Две с верхом, а одну – без. Смотри мне, не перепутай!

Дылда ушла, надменно виляя задом.

– Неудивительно, что одна из ваших официанток вас продала, – сказал Руслан Рамазанович, когда дверь за нею закрылась.

Рита ответила:

– Да, одна меня продала, другой для меня пожертвовал жизнью. Мне больше жалко официантку. Игорь, по крайней мере, знал, на что шёл. Точнее, к кому.

– Он, кстати, хочет вас видеть, – вздохнул правоохранитель, – но я бы вам не советовал.

Рита резким движением подалась назад, Как будто увидела на столе змею. Её длинные ресницы затрепетали.

– Он хочет видеть меня? Вы это серьёзно?

Следователь кивнул.

– Такими вещами шутить не принято, Маргарита Викторовна.

– Насколько это возможно?

– Вполне возможно. Но я бы вам не советовал.

– Почему?

– Он неважно выглядит. Вы расстроитесь. А вам нужно быть в форме. Самое трудное – впереди.

– Руслан Рамазанович, – перебила Рита, слегка ударив ладонью по столу, – он умрёт? Да? Правда? Он ведь умрёт?

– Если он не будет переведён в горбольницу – да. Но

следствие не считает возможным санкционировать перевод в горбольницу, поскольку существует слишком высокая вероятность того, что будет организован побег. Снизить эту самую вероятность можете только вы.

– Это каким образом?

– Сами знаете. У нас есть основания полагать, что он исполнял приказы. Но оснований мало. Должна быть сформирована доказательная база. Если она появится, то организация побега утратит смысл. Понимаете?

– Понимаю.

Тут как раз дылда принесла кофе в большом бокале и небольшой фарфоровой чашке. Первый она поставила перед Ритой, вторую – перед своим начальником. Пожелав приятного кофепития, удалилась.

– Мне жалко вас, Руслан Рамазанович, – проронила Рита, сняв под столом сапоги. Поднявшись, она расстегнула юбку и продолжала:

– Дылда вам не даёт. Всё-таки не дура она, видать!

Юбка с нежным шелестом соскользнула на пол. Колготки выше колен были сильно рваные, но Руслан Рамазанович не успел обратить на это внимание, потому что глаза у него наливались кровью, а Рита стягивала колготки молниеносно.

– Чего ты хочешь этим добиться? – проворчал он, когда она, очень далеко отбросив колготки, взялась за трусики.

– Понимания. Я ведь вас поняла! Поймите и вы меня. Я – кикимора с очень сложным, скверным характером. Мне лег-

ко подчиняться тем, кто меня ...!

Сняв трусы, Рита грациозным взмахом руки бросила их в угол, противоположный тому, где были колготки. На ней осталась одна лишь чёрная блузка до ягодиц. Спереди под ней было красиво, но Рита всё-таки повернулась, прошла немножко вперёд, расставила ноги и наклонилась.

– Хотите так?

Руслан Рамазанович продолжал наливать кровью. Рита за ним внимательно наблюдала, повернув голову. Его цвет её вдруг обеспокоил.

– Да вас сейчас insult долбанёт! – вскричала она, и, выпрямившись, с приятной неторопливостью подошла к столу, – давайте-ка вас маленечко охладим.

С этими словами большая кружка густого, угольно-чёрного кипятка была метко выплеснута в широкое, багровеющее лицо второго лица главной силовой структуры России. Эффект от этого охлаждения превзошёл все самые смелые ожидания Риты. Стул был отброшен, стол – опрокинут. Она была сбита с ног. Руслан Рамазанович наносил ей удары прямо в лицо, сдирал с неё блузку, царапал до крови. Она выла, а он ревел, как раненный зверь. Крики разносились на весь этаж.

Когда в кабинет ворвались сотрудники, заместитель главы Следственного комитета корчился на полу, получив коленкой в область большой чувствительности, а Рита – голая, окровавленная, стояла на подоконнике и кричала в распахнутое окно толпе изумлённых граждан, многие из которых

фотографировали её, и остановившемся трамваю:

– Меня насилуют! Следователь Халилов меня насилует!
Помогите! Я – Маргарита Дроздова!

Глава шестая

Возвращаясь ночью домой на «Вольво» с водителем, Света тщетно пыталась вызвонить Риту. Та всё не отвечала. Потом она стала недоступна. Надо сказать, что Свету это не слишком обеспокоило, потому что она пребывала в той стадии опьянения, когда беспокоит только один вопрос: не слишком ли мало я говорю? Водитель отчаянно нарушал скоростной режим, желая отделаться от неё как можно скорее. Он внёс её на этаж, помог открыть дверь и исчез. Кое-как добравшись до своего дивана, который был, между прочим, занят Мюратом, Света в одном ботинке рухнула без особенного ущерба для них обоих и провалилась в небытие на восемь часов.

Её разбудил мобильник. Он верещал, умолкал, опять верещал, и на третий раз своего добился. Открыв глаза, Света бессознательно извлекла вибрирующую, орущую тварь из кармана юбки. Нажала кнопку.

– Алло!

– Добрый день. Светлана?

Голос был требовательный, мужской, с визгливыми нотками нетерпения. Он как будто защёлкал Свету по лбу – небольно, но мерзко.

– Что?

– Я спрашиваю, Светлана?

– Да, – ответила Света с твёрдостью абсолютно безосновательной, потому что вопрос был слишком для неё сложным.

– Вас беспокоят из Городской психиатрической больницы номер один, первое стационарное отделение.

– Из психушки? – пискнула Света. Суровый, ледяной тон её собеседника рассекал туман, как солнечный луч. Она уже понимала, что лежит дома и говорит с кем-то по телефону, а её ухо лижет котёнок.

– Да, из психушки. Меня зовут Игорь Карлович. К нам вчера поступила некая Маргарита Викторовна Дроздова. Вы её знаете?

– Ритку? Знаю. Конечно, знаю! Мы с ней живём. Ну, в одной квартире. У нас есть общий котёнок. Мюрат. Трёхмесячный, рыжий.

Света хотела сказать что-нибудь ещё, дабы собеседник не усомнился в её вменяемости, но тот, судя по всему, уже получил достаточный объём сведений.

– Я вас понял. Её доставили абсолютно голую, и она дала нам ваш телефончик. Вы не могли бы ей привезти средства гигиены, одежду, тапки?

– А где она?

– Я ведь вам сказал: городская психиатрическая больница номер один. Записывайте, как ехать. Или запоминайте. Станция метро «Тульская», дальше – тридцать восьмой трамвай или сорок первый автобус до остановки «Больница

имени Алексеева».

– А вы врач?

– Да, врач. Слепнёв Игорь Карлович. Вы, пожалуйста, всё-таки запишите: станция метро «Тульская», сорок первый автобус, тридцать восьмой трамвай, ехать до больницы имени Алексеева. Второй корпус, третий этаж.

– А Ритка сошла с ума?

– А она в него особо и не входила. Прямо сказать, ни разу за восемь лет. Вы разве не знаете, что она с шестнадцатилетнего возраста состоит на учёте?

– Нет, я не знала.

– Вы всё запомнили?

– Да.

– Когда вы приедете?

– Сейчас сколько?

– Девять. Утра.

– Мне нужно заехать в театр. Ну, на работу. Я проработаю где-то час. Значит, часа в три.

– Хорошо, я предупрежу охрану. На проходной вы скажете, что идёте к Слепнёву. В корпусе то же самое скажете. До свидания.

– До свидания.

Раздались гудки. Света полчаса стояла под душем, даже и не пытаясь что-то понять. В зеркало она не глядела. Судя по ощущениям, в нём должно было отражаться что-то ужасное. Впрочем, под напором воды эти ощущения отступали.

Мюрат скрёб ванну когтями, очень желая в неё запрыгнуть. К счастью, она была для него слишком высока. На завтрак он получил сосиску и кашу. Пока он ел, Света уложила в пакет всё то, что, по её мнению, могло быть необходимо Рите в больнице. Только вот тапок у Риты не было. Света положила свои. Потом она всё же подошла к зеркалу, чтоб накраситься и одеться. Вышла в одиннадцатом часу.

На лестнице ей опять повстречался Андрей Ильич. У неё возникло твёрдое ощущение, что он жаждал с ней повстречаться.

– Неважно выглядите, Светлана, – заметил он, поздоровавшись, – приболели? Вирус ещё силён!

– Таблеточки ваши кончились, – объяснила Света, звеня ключами.

– Так не беда, – всплеснул толстыми руками старик, – достану ещё! Это нелегко, но для вас, Светулечка, постараюсь. Кстати, с прошедшим праздничком вас!

– Большое спасибо, Андрей Ильич!

Внизу пришлось поздороваться также с молодожёнами, проживавшими на четвёртом, и их полугодовалой дочкой в коляске. Они шли из поликлиники. И все трое очень приветливо улыбнулись Свете, хоть её танец под «Билли Джин» позапрошлой ночью вряд ли пришёлся им по душе. А вот три собачницы во дворе ей только кивнули.

Было плюс пять. Солнышко сияло из каждой лужи. Света решила пройтись до театра пешком, хоть Риткин пакет был

весьма объёмным. На полдороге мобильник вновь подал голос. Ответив, Света узнала бархатный баритон своего вчерашнего партнёра по кинопробам. Это был самый популярный артист страны, исполнявший в фильмах роли бандитов, поэтов и прочих буйных озорников. Он сообщил Свете, что режиссёр от неё в восторге, продюсер – вовсе в экстазе, и пригласил её в ресторан.

– Сегодня я не могу, – ответила Света, – к подруге еду в больницу.

– Жаль! Очень жаль. А как насчёт завтра?

– Думаю, да. Я вечером позвоню.

– Звони. Буду ждать.

От этого разговора грустное настроение Светы не изменилось. Она прекрасно всё понимала, хоть в голове было ещё мутно. В театре царила странная, сиротливая тишина. Она объяснялась тем, что почти вся труппа с частью администрации, режиссёром и всеми его помощницами отправилась на выездной спектакль «Свадьба Фигаро» в Вышний Волочёк. Нездоровым цветом лица и мрачным молчанием побуждая охранников изощряться в похабных шутках, Света за полтора часа вымыла фойе, лестницу, коридоры и поспешила в больницу.

Она приехала раньше трёх, однако на наружном КПП её пропустили, попросив, правда, показать паспорт и позвонив Слепнёву. В корпусе лишь поинтересовались, к кому она направляется во внеурочное время. Слово «Слепнёв» снова

оказалось волшебным. Выйдя из лифта, Света увидела тощего пожилого мужчину в сером халате, очках и тапочках. Он курил, стоя на площадке между пролётами. «Это псих?» – подумала Света. Мужчина, видимо, также что-то подумал. Быстро спустившись к ней, он представился:

– Александр Сергеевич. Инвалид второй группы.

– Светлана Дмитриевна, – отрекомендовалась Света, – инвалид первой группы.

На слове «первой» она, беря пример с собеседника, сделала ударение. На лице мужчины изобразилась досада, смешанная с почтением.

– Рад знакомству, – процедил он. Но вдруг подобрел. С пристальным вниманием и как будто даже с желанием поделиться некоей тайной глядя Свете в глаза, достал пачку «Примы».

– Курите?

– Нет.

– Сосёте? – ещё более любезным тоном осведомился мужчина, приподнимая халат. Света растерялась.

– Сидякин! – громоподобно раздалось за спиной. Извращенец вздрогнул. Вытянул руки по швам. Света повернулась. В дверном проёме между площадкой и отделением громоздилось что-то похожее на трёхстворчатый низкий шкаф, обёрнутый чем-то белым, с поставленной на него чьей-то головой – судя по лицу, отрубленной за разбой с убийством. Однако, это была, как ни странно, женщина. На-

стоящая и живая женщина. Медсестра.

– Спускайся на свой этаж, – скомандовала она, обращаясь к психу, – ещё раз, сволочь, к кому-нибудь подойдёшь – скажу, чтоб не выпускали!

– Я ведь, Наташ, пошутить изволил, – бормотал псих, спускаясь по лестнице, – я ведь смиренный!

– Я тебе пошучу! Я так тебе пошучу, козёл – своих не узнаешь! Ишь ты, шутник! Вы к Игорю Карловичу?

Вопрос, заданный без малейшего изменения тона, был адресован Свете. Она ответила:

– Да.

– Пойдёмте, я провожу. Вы его не бойтесь – он ведь, действительно, безобидный! Поэтому его покурить пускают. Он, кстати, врач!

– Да, я знаю, он мне сказал об этом по телефону, – пролепетала Света, двинувшись следом за медсестрой. Та сперва опешила, а потом вдруг расхохоталась так, что Света присела. Ей захотелось бросить пакет и удрать.

– Вы меня не поняли! – добрым голосом прогорланила медсестра, продолжив движение, – я – про этого, про Сидякина! Он – хирург.

– Хирург?

– Ну, конечно! Челюстно-лицевой. Идёмте, не бойтесь! Все – под замком. Тихий час.

– Я и не боюсь.

Это была правда. С такой попутчицей Света не испугалась

бы и чертей – не то что каких-то психов, пусть даже более предприимчивых, чем хирург. Коридор был длинным, пустым. Идя по нему рядом с медработницей, Света слышала за дверьми палат вполне адекватные женские голоса. Лишь за одной дверью две пациентки отчаянно крыли матом свою соседку. Та отвечала им диким хохотом. Замедляя шаг перед этой дверью, медсестра крикнула:

– Всем заткнуться! А то войду!

Сразу стало тихо.

– Рита лежит не в этой палате? – беспокоилась Света.

– Дроздова? Нет. Она – с буйными.

На посту сидела ещё одна медсестра, немногим миниатюрнее.

– У себя, – сказала она Наташе. Та лишь кивнула. Вскоре она и Света достигли трёх не выкрашенных, как прочие, в белый цвет, а обитых кожей дверей с табличками: «Заведующий», «Ординаторская» и «Кандидат медицинских наук И.К. Слепнёв». Наташа ударила кулаком в последнюю.

– Игорь Карлович! К вам пришла красивая девушка!

– Пусть войдёт.

Наташа открыла дверь, и Света вошла. Дверь за ней закрылась. Доктор Слепнёв сидел за столом и что-то писал в журнале. Он оказался вполне ещё молодым, худым, седовласым. Лицо его выдавало очень нервного человека.

– Здравствуйте, Игорь Карлович, – тихо-тихо сказала Света, боясь его разозлить.

– А! Здравствуйте, здравствуйте, – взглянул доктор поверх очков, – садитесь, пожалуйста, на диванчик.

Кроме диванчика, в кабинете были два кресла. Света присела на самый край указанного предмета. Пакет она положила рядом с собой.

– Что вы привезли? – спросил доктор, не прекращая поскрипывать авторучкой и морща лоб. Света перечислила.

– Фен, пожалуйста, заберите. И маникюрный набор. А книги какие?

– Цветаева, Мандельштам, Дюма, – ответила Света, переложив маникюрный набор и фен из пакета в сумку.

– Дюма? Какие романы? «Виконта де Бражелона» – ни в коем случае! Это сгусток депрессии. И «Графиню де Монсоро» нельзя.

– Нет, другое. «Наполеон. Жизнеописание».

Игорь Карлович отложил авторучку, закрыл журнал. Снял очки. Глаза были маленькие, тоскливые. Света с необычайной ясностью осознала: он ненавидит свою работу.

– «Наполеон», к несчастью, ей тоже не подойдёт. Придётся забрать. Иначе мы получим сто дней.

– Сто дней? – повторила Света, сразу поняв, о чём идёт речь.

– Ну, да. После взятия союзными войсками Парижа в тысяча восемьсот четырнадцатом году Наполеон был отправлен в ссылку на остров Эльба. Но вскоре он оттуда сбежал, и, войдя в Париж, вернул себе власть. Ровно на сто дней. Потом

была битва при Ватерлоо. Вы, может быть, слышали о ней?

– Да. И что?

– А то, что битва при Ватерлоо нам не нужна. А Наполеону не нужен остров Святой Елены. Ему будет лучше здесь, на острове Эльба. Вы меня поняли?

Света, не отвечая, переложила в сумку и книгу.

– Вы меня поняли? – повторил вопрос Игорь Карлович.

– Разумеется. Я – историк.

– Серьёзно?

– Да.

– Тогда почему вы не объясните вашей подруге, что её толстый, коротконогий кумир, сбегая с острова Эльба, был обречён на провал, поскольку он до смерти опостылел всем, включая французов? Он не нашёл союзников, так как его время ушло. Ушло безвозвратно. Или у вас иная позиция на сей счёт?

– Это не имеет значения, – процедила Света, – кто я такая, чтоб рассуждать с Бонапартом о его месте в истории? Я, предположим, ему скажу: «Ах, Ваше Величество, Ваше время ушло!» А он мне ответит: «Время ушло, но я-то остался!» И где потом искать тех, чьё время пришло?

– У них всё великолепно, – возразил Игорь Карлович, – знаете, почему? Они обещают много еды. А он – много крови. Заметьте, я не сказал: «они обещают жизнь, а он – смерть». Ведь к этой формулировке вы бы придрались!

– Да я и к той придерусь. Жизнь и смерть вообще нель-

зя сравнивать, я согласна! Это так же умно, как сравнивать яблоко с пылесосом. Но парадигма «Жить для того, чтобы жрать, а жрать – для того, чтобы срать» устраивает не всех.

– А я вам скажу, кого она не устраивает. Она не устраивает лишь тех, кто хочет жрать слаще! Такая гвардия нужна вашему Бонапарту?

– Я не хочу жрать слаще, – пожала плечами Света, – сказать вам, кто мой отец? Прокурор. Сказать вам, кто моя мама? Директор платной гимназии. А сказать вам, кем я работаю? Поломойкой.

– Вы сами сейчас сравнили яблоко с пылесосом, – не сдался врач, – отморозить уши назло родителям – совершенно не значит быть Зоей Космодемьянской.

– Я отморозила уши назло ушам, – возразила Света. Врач промолчал. За дверью и за окном было очень тихо.

– Долго вы её здесь продержите?

– Не могу ответить на ваш вопрос.

– А когда вы сможете на него ответить?

– Когда увижу динамику.

– В чём она должна проявиться? В согласии подписать какие-нибудь бумаги?

– Как вы наивны, – вздохнул кандидат наук, – если бы стояла такая цель, бумаги давно были бы подписаны. На дворе – двадцать первый век. Её притащили из Следственного комитета Генеральной прокуратуры голую и избитую. Но у следователя, который её допрашивал, было сильно ошпаре-

но кипятком лицо. Едва ли она смогла бы так обварить его, защищаясь. Там было что-то другое. Но, тем не менее, шум поднялся невероятный, особенно в интернете. Она кричала, стоя на подоконнике, и вся улица её видела исключительно в роли жертвы. Через пятнадцать минут по «Эху Москвы» уже сообщали, что полоумную любовницу Хордаковского в Следственном комитете бьют и насилуют. Как вы думаете, нужны им сейчас её показания? Лично я уверен в обратном.

– Могу я её увидеть? – спросила Света, подумав.

– Можете.

Врач поднялся из-за стола, и, подойдя к двери, открыл её.

Крикнул в коридор:

– Леночка, приведи мне сюда Дроздову! Прямо сейчас!

– Вы решили с ней попить кофейку? – донёсся с поста голос медсестры, – могу приготовить!

– Не утруждайся. Мы с ней попьём коньячку и покурим травки!

– А вы останетесь с нами? – спросила Света, когда Слепнёв вернулся за стол.

– А как вы хотели? Она ведь буйная пациентка. Могу предоставить вам комнату свиданий. Но там за вами будет приглядывать медсестра.

– Нет, уж лучше здесь.

Через две минуты открылась дверь. Вошла женщина. Незнакомая. Очень страшная. Лишь когда медсестра захлопнула за ней дверь, оставшись снаружи, Света вдруг поняла,

что перед ней – Рита. Она была в больничном халате и босиком. На её лице осталось не много живого места. Глаза казались бездонными и пустыми. Две чёрных пропасти. Волосы растрепались, местами слиплись от крови. Рита смотрела в окно – на синее небо и яркий свет, струившийся из него. Смотрела, не щурясь.

– Риточка, это я! – воскликнула Света, – ты меня узнаёшь?

Рита не ответила, не взглянула.

– Она вас слышит и понимает, – произнёс врач, – ей просто не хочется говорить.

Света растерялась ещё сильнее. Потом она пригляделась к своей подруге внимательнее.

– Не нужно ли её вымыть? Ведь на ней кровь!

– Она не желает. А принуждать пациентов к гигиеническим процедурам мы не имеем права.

– Ритка, ты почему не желаешь мыться? – строго спросила Света, – ты посмотри на себя! Что это за рожа? В волосах – кровь! Тебя бешеный кобель сейчас испугается!

– Море очень холодное, – подала хриплый голос Рита, – но к вечеру солнце его нагреет, и я смогу окунуться. Дураки англичане будут смешны, если побоятся, что я достигну Марсея вплавь.

– Чем вы её колете? – обратилась Света к Слепнёву. Тот раздражённо махнул рукой, давая понять, что он восемь лет учился именно для того, чтобы пациентку сейчас кололи именно тем, чем нужно, а она, Света, никакой пользы из ин-

формации, на которую претендует, не извлечёт.

– Галоперидолом, – сказала Рита, – врач – идиот. Пытаются снять навязчивые галлюцинации, возникающие при биполярном аффективном расстройстве. Но если их так снимать, наступит неконтролируемый и длительный паралич сознания. То есть – остров Святой Елены без Ватерлоо. Игоря Карловича за это снимут с работы и лишат степени.

– Кто? – спросил Игорь Карлович.

– Тот, кто жаждет украсть у меня победу при Ватерлоо.

– Тапки надень, – предложила Света. Достав из пакета шлёпанцы, положила их перед Ритой. Рита надела. И вдруг уселась на подлокотник кресла. Их глаза встретились.

– Как Мюрат?

– Нормально. Слушай, меня вчера утвердили на кинопробах! Потом был знаешь какой банкет? Кого только не было!

– Да, кого-то там точно не было, – улыбнулась Рита чёрными от засохшей крови губами, – думаю, что тебя.

– Ритка, хватит бредить! Я там была! Меня утвердили!

– Тебя там не было. И не будет. Смотри, не вздумай кому-нибудь рассказать, что ты там была! Окажешься здесь. Это уже будет реальность.

У Светы раздулись ноздри.

– Так ты считаешь, мне больше не позвонят?

– Тебе позвонят. Но не соглашайся.

– На что? На роль?

– Ни на что. Забудь слово «да». Мюрат тебя защитит. Ему

нужны деньги на коня с саблей.

– Мюрату?

– Да. Про меня забудь. Мне здесь хорошо. Ничего не бойся и никому не верь. Мюрат тебя защитит. Ему нужны деньги на коня с саблей. Может быть, с плетью. Против лакея согдится плеть.

– Какого лакея?

– С которым ты танцевала. Нельзя иметь от него ребёнка. Он – вор, подлец, жалкий трус. Не пей с ним вино. Вообще не пей. Вино нельзя пить.

– Вино?

– Да, вино. Спрячь его подальше. Не вздумай пить его!

– Где оно находится?

– В лошади.

– А где лошадь?

– Лошадь пасётся возле свинарника. Мне не дали на ней уехать. Жалко её.

– Послушайте, вам не надоело? – спросил Слепнёв, обращаясь к Свете. Она ответила:

– Нет.

– А мне надоело, – сказала Рита, – сделайте мне укол. Отведите спать. Вы все – идиоты.

– Лена! – крикнул Слепнёв. Вошла медсестра.

– В палату её!

Рита поднялась. Света ей вручила пакет с вещами.

– Ритка, пока! Я ещё приеду.

– Не приезжай. Мне здесь хорошо. Мюрату – привет. Тебе позвонит лакей. Вино пить нельзя.

Женщина-гора взяла Риту за руку выше локтя, и они вышли. Света закрыла лицо руками.

– Вот только плакать не надо, – попросил Игорь Карлович, – через две-три недели она вернётся в реальность. Случай типичный. Она – физически крепкая, молодая, не импульсивная...

– Я не плачу, – зачем-то соврала Света, – просто у меня возникло вдруг ощущение, что моё лицо – не моё. Такое со мной иногда случается.

Игорь Карлович промолчал. Попрощавшись с ним, Света торопливо покинула кабинет, а затем – больницу. К метро она шла пешком. Точнее, бежала. Слёзы текли по её щекам.

Вернувшись домой, она сперва выяснила при помощи интернета, где расположен Следственный комитет, затем с помощью Мюрата произвела тщательный осмотр комнаты Риты. Ей нужен был дубликат ключа от машины и второй пульт. Они где-то были, она их видела. И они, действительно, обнаружились в секретере, в замке которого торчал ключ. Сунув их в карман, Света перешла в свою комнату. Там она отперла верхний правый ящик письменного стола, и, вынув оттуда стянутую резинкой пачку зелёных денег, посредством скотча накрепко прилепила её к дну шкафа, близко к стене. Для этого ей пришлось лечь на пол. Когда она поднялась, Мюрат забежал под шкаф и проверил, всё ли там сделано хорошо.

А когда он вышел, Света уже натягивала ботинки. Поняв, что она его вновь покинет, Мюрат отчаянно замяукал. Света заткнула его сосиской. Пока он с ней расправлялся, она тихонько вышла на улицу и опять со всех ног помчалась к метро.

Глава седьмая

Для экономии времени Света ехала на метро до Авиамо-торной, затем через всё Лефортово – на троллейбусе. Она вышла сразу за Яузой. Уложились в тридцать минут. Машины в Техническом переулке, как и с других сторон здания СК, были запаркованы в два ряда на проезжей части. Примерно столько же их стояло на тротуарах. Пришлось немало побегать, чтобы найти красную «девятку» с литыми дисками, чуть заметной вмятиной на крыле и треснутой фарой. Номер Света не помнила. Ею уже начинало овладевать отчаяние, когда в прилегающем переулке что-то похожее обнаружилось. Отдышавшись, Света вынула из кармана пульт и нажала кнопку. Лошадь Наполеона сонно моргнула. Да, это была она – грязная, покинутая, несчастная. Но красивая.

Света села за руль. Бутылку вина она нашла сразу, в дверном кармане. Тут её сотовый затрезвонил. Номер был незнакомый, но Света вышла на связь.

– Алло!

– Здорово, звезда, – пацанским баском пролаял её мо-

бильник, – ты меня помнишь?

– Нет. С кем имею честь?

– Да я твою честь уже отымел в сортире! Забыла?

– Кто вы такой? – вконец растерялась Света.

– Что ты, паскуда, косишь под тупорылую? В «Праге» я тебя дрючил над унитазом, потом тебе отвалил десятку гринов! Ты пообещала кое-что сделать. Вспомнила?

– А! Лакей?

– Что ты там бормочешь?

– Говорю, вспомнила.

– Молодец! Короче, такое дело. Твои услуги больше не требуются. Лавэ придётся вернуть. Если вернёшь завтра – проценты я тебе не начислю, а послезавтра будет уже десять пятьсот. Каждый день влетаешь на пятихатку. Вопросы есть?

– Почему хозяин твой не звонит? – спокойно спросила Света, – Он мне платил, а не ты.

– Ты, ..., не твякай! – взорвалась трубка, – если мой шеф тебе позвонит...

– Вот с ним я и буду решать вопрос, – перебила Света, – а долбаные шестёрки пусть шестерят. Если я ещё раз услышу твой сраный голос – пасть порву, понял?

Мобильник задребезжал от визга. Нажав на сброс, Света запихнула ключ в замок зажигания и уверенно завела мотор. Потом призадумалась. Ни водительского удостоверения, ни, тем более, документов на транспортное средство у неё не было. Но водила она неплохо. Её учили отец и брат. И она

решила-таки проехаться с ветерком, чтоб как-то развеять мерзкий осадок от всех событий этого дня, который, казалось, уже заканчивался. Но это только казалось.

Путь она знала, но, чтобы не нарушать предписания светофорных стрелок и знаков, вынуждена была сбиваться с маршрута. Вскоре запуталась, заблудилась. Въехала в центр. При виде башен Кремля, промелькнувших слева, началась паника. Бедной красной «девятке» со всех сторон все сигналили, потому что она мешалась. На Маросейке двигатель вдруг заглох. Причина сомнений не вызывала – топливный счётчик был на нуле. Выключив зажигание, Света вышла и разревелась, сев на капот. Гнетущая атмосфера дурки прилипла к ней, волочилась следом, внушая чувство зависимости от грубой, всеподавляющей, подлой силы. Света ждала её проявлений от каждого, кто пытался с нею заговорить. Тем не менее, молодому человеку на «Опеле» кое-как удалось её успокоить. Он дотащил её на буксире до АЗС на Садовом и объяснил, как доехать по этому же кольцу до Таганки. Денег хватило только на восемь литров бензина. Этого, впрочем, было вполне достаточно, чтобы исколесить ещё не изъезженную часть города.

Не успела Света вновь сесть за руль и выехать на дорогу, как телефон опять зазвонил. На дисплее высветилось «Тамара Харант».

– Алло, – ответила Света, затормозив у бордюра.

– Привет. Ты где?

– Я еду домой.

– И когда приедешь?

– Не знаю. Если не заблужусь – через полчаса. А что ты хотела-то?

– Где-нибудь переночевать. С Артуром мы поругались, в общаге пьют. Я зайду к тебе?

– Заходи. Но только не раньше, чем через час.

– Я раньше и не смогу.

Путь занял у Светы всего лишь сорок минут, благо от Таганки он был несложным, и с каждым стартом от светофора чувствовала она себя за рулём всё уверенней. Ни один гаишник на неё даже и не взглянул, ни один водитель ей не подрезал. Мобильник раз пять звонил. Но Света не отвечала, только смотрела на номера. Был девятый час.

Поставив машину перед подъездом, Света взяла бутылку вина и вышла. Едва она заблокировала центральный замок, к ней подошли двое. Спустя несколько секунд она уже находилась в салоне большого Джипа с запертыми дверями, рядом со своим сортирным любовником. Его друг сидел за рулём.

– Вы что, охерели? – вскричала Света, пытаясь выломать дверь, – я вас уничтожу! Какое вы имеете право меня хватать и сюда запикивать?

– Ой, кисулечка! – восхитился водитель, – а как насчёт десятки гринов? Не хочешь её вернуть?

– А расписка есть? Предъяви расписку – поговорим! Только не с тобой, а с твоим хозяином! Вы – лакеи! А я с лакеями

обсуждаю только меню!

Охранники засмеялись. Любовник больно дёрнул Свету за волосы, а водитель отнял у неё бутылку.

– Тупая, жалкая чернь! – пришла в ярость Света, – трусость и лицемерие безобразно лоснятся на ваших рожах! Девушку унижать не боитесь, а перед каждым ментом со страху готовы дерьма нажраться! Холопы!

– Это ты зря, – возразил водитель, – мне сейчас ехать через весь город, да с твоим трупом в багажнике, мимо сотен гаишников! Ну-ка, что это за вино? «Абрау Дюрсо»? Отлично. Сгодится.

И, большим пальцем продавив пробку вовнутрь бутылки, верзила двумя глотками вылакал половину красной кислятины. Рот утёр рукавом. Скучно улыбнулся.

– Ну, что? Боюсь я ментов?

– Второй за руль сядет, и все дела, – отозвалась Света. Водитель, пожав плечами, отдал бутылку напарнику. Тот её осушил до самого дна. Света промолчала.

– Теперь, звезда Голливуда, – снова заговорил водитель, приняв сочувственный вид, – мы эту бутылку вставим тебе в самое полезное твоё место.

– Это куда? – всполошилась Света, – в задницу, что ли?

– Ты так догадлива, будто думаешь головой, а не этим местом! Штаны снимай.

– Прямо здесь?

– А почему нет? Ты не постеснялась оголить задницу в

ресторане, так здесь-то чего краснеть? Все свои.

– Я буду орать! Приедут менты!

– Ну, насчёт ментов мы с тобой уже объяснились. Так что, снимай штаны, ничего не бойся. Или помочь?

Света растерялась.

– Да что за бред? Какая бутылка? В какую жопу? У меня есть телефон вашего хозяина! И полковника ФСБ! И двух генералов! И режиссёра...

– Ты про всех них забудь, звезда Голливуда! Ты им вчера была интересна – от твоей бешеной кобелихи требовались какие-то показания. А сегодня они уже не нужны. Штанишки снимай! Иначе поможем, и в этом случае тебе будет ещё больнее.

– Послушайте, вы в уме? – заорала Света, – кто так решает вопросы? Ведь мы же взрослые люди, зачем устраивать детский сад? Я вам сейчас вынесу десять тысяч! Откройте дверь! Можете подняться со мной в квартиру.

– Нет, моя красавица, уже поздно. Надо платить и за оскорбления.

– Сколько?

– Много. Столько у тебя нет. Так что, раздевайся.

Света заплакала. Туалетный любовник взял её руки в одну свою, сжал их как тисками и стал вытягивать её брючный ремень из петелек.

– Пусти меня, я сама, – попросила Света. Он отпустил. Она медленно, очень медленно расстегнула джинсы и нача-

ла их снимать. Спустила до пятки. Спуская затем трусы, она вдруг заметила, что водитель как будто спит, уткнувшись головой в руль. Его компаньон привалился к двери плечом и агонизирующе хрипел, закатив глаза. От этого зрелища Свете стало ещё страшнее. Но нужно было действовать быстро. Снова надев штаны, она ухватила водителя за свисающий капюшон дублёнки и со всей силы рванула его к себе. Огромный детина медленно повалился в правую сторону. Дотянувшись до пульта, висевшего на ключе, который торчал в замке зажигания, Света разблокировала автомобиль, и, забрав бутылку, выскочила на улицу. Дверь осталась открытой. Также открыв и все остальные двери на полную ширину, Света подбежала к помойке и со всей силы швырнула загадочную бутылку на дно пустого контейнера. От бутылки остались одни осколки. Никто этой манипуляции не заметил – двор был безлюден. Только перед самым подъездом Света столкнулась с двумя собачницами, которые выходили.

– Здравствуйте, – пропищала она, – как вы поживаете?

Ей ответили лишь собаки. Они залаяли. А Мюрат встретил Свету молча. Заперев дверь на оба замка, засов и цепочку, она его хорошенько расцеловала. Он вырывался. Во-первых, он был обижен, а во-вторых – удивлён обилием непонятной солёной жидкости на её лице. Отпустив котёнка, она разделась. Затем нажала две кнопки на телефоне.

– Скорая помощь, – ответил стервозный голос.

– Тут у нас во дворе машина стоит с распахнутыми две-

рями, а в ней два парня хрипят, – сообщила Света.

– Хрипят? Они без сознания?

– Да, конечно! Наверное, наркоманы. Им очень плохо! И они могут замёрзнуть. Может, пришлёте сюда бригаду?

– Адрес, пожалуйста.

Назвав адрес, после чего в мобильнике раздались гудки, Света покормила Мюрата и пошла в душ. Её бил озноб. Сильная струя горячей воды ей не помогла. С тоскливыми мыслями простояв под ней минут десять, Света растёрлась до красноты, потом облачилась в длинный оранжевый халат Риты, который был очень тёплым, прошла на кухню и выпила сто грамм водки. В этот момент раздался звонок. Свету передёрнуло. Схватив нож для разделки мяса, она приблизилась к двери.

– Кто?

– Это я, Тамара!

Света открыла дверь. Тамара, войдя, вздрогнула при виде ножа, но спрашивать ни о чём не стала. Ей было вполне достаточно осознания того факта, что нож в неё не вонзится. По глазам Светы это нетрудно было понять. Глядя, как она запирает дверь, Тамара сказала:

– Там у вас Скорая во дворе! Каких-то двух мужиков вытаскивают из джипа.

– Да я сейчас тебе расскажу, что это за мужики! Пойдём-ка на кухню!

Поставив чайник, Света уселась за стол напротив Тама-

ры и приступила к повествованию. Начала она с «Праги», «Бэверли-Хиллз» и ночного клуба, а завершила мусорным ящиком, в дно которого звезданула пустой бутылкой. Тамара слушала и курила. Чайник вскипел. Кончая рассказ, Света сполоснула две чашки.

– В милицию обращаться глупо, – проговорила Тамара, зевая так, что стул под нею скрипел, – тебя упакуют за клофелин. Квартиру смени. И номер мобильного.

– Я не буду менять квартиру!

– Ну, смени номер.

– А какой смысл? Всё равно достанут. Надо координально решить проблему!

– Да, это верно. А основная проблема – в том, что если ты даже отдашь им деньги, они на этом не успокоятся. Ты их очень сильно обидела.

– Так они по-другому не понимали!

Тамара снова зевнула и погасила окурок. Стали пить чай. Котёнок резвился, катая по полу мячик.

– Ритка сказала, Мюрат меня защитит, – произнесла Света, – ты представляешь?

– Да, Мюрат может.

Сдвинув оконную занавеску, Тамара выглянула во двор. «Скорая» уехала.

– Знаешь, Светка, на самом деле – не беспокойся. Это ведь правда лакеи! Хозяин даже не в курсе всех этих дел. Он в своей Госдуме ворочает миллионами, что ему какие-то де-

сять тысяч? Эти два мудака тебя на понт брали. А кроме понта, у них и нет ничего.

– Да как это – нет? Ведь я ж тебе говорю – они собирались пьяные ехать через весь город! Значит, они не боятся даже гаишников!

– Ну, конечно – пьяные, с твоим трупом в багажнике, а менты бы им козыряли! Светка, это и есть понты. Они бы поехали на такси.

– На такси?

– Естественно. Я отлично знаю таких шестёрок. Никто бутылку в жопу тебе не стал бы совать, максимум оттрахали бы тебя да деньги забрали! На большее не решились бы.

– А зачем ты мне тогда посоветовала квартиру сменить и номер? Сказала, что если даже я отдам деньги, это меня не спасёт!

– Конечно, от мелких пакостей. Пока Ритки нет, подсели к себе какого-нибудь Малютина, да покрепче запирай дверь. И всё обойдётся.

– А ты уверена?

– Да.

Опять закурив, Тамара прибавила:

– Вот у Ритки – точно проблемы. Надеюсь, что Хордаковский каким-то образом их решит. Я поговорю с ним на эту тему через Аринку.

Света задумалась.

– Хочу есть, – сказала Тамара, – может, ты хоть яичницу

мне пожаришь?

– Пожарь сама. Я сейчас ничего не соображаю. Хорошая сковородка лежит в духовке.

Тамара, встав, достала из холодильника колбасу, несколько яиц, сливочное масло и помидор. Возясь у плиты, она рассказывала о своей ссоре с Артуром. Ссора была банальная, из-за родственников. У Светы в эти мгновения начался лёгкий расслабон. Водка, наконец, добралась до клеток её головного мозга.

– Да я вполне понимаю его мамашу, – проговорила Тамара, ставя на стол шипящую сковородку, – мне – тридцать семь, ему – двадцать шесть. Ребёнок не получается. А ты будешь?

– Буду. Достань, пожалуйста, мою вилку! Самую маленькую. Спасибо.

Начали есть. Мюрат попрошайничал.

– Тебе нужен хороший врач, – сказала Тамаре Света, – как раз про это и стоит поговорить с Хордаковским. Возможно, он за границу тебя отправит. Там проведут обследование.

– Дешевле будет сделать ЭКО. Гораздо дешевле. И за границу мотаться необязательно.

– Ну, так сделай!

Тамара хмыкнула.

– А на что? Дешевле – не значит дёшево. У меня таких денег нет. Идти к Хордаковскому? С какой стати? Кто я ему? У него дела сейчас обстоят не настолько здорово, чтоб он взял

да и отвалил триста тысяч какой-то бабе, которая, видите ли, когда-то работала стриптизёршей у его бывшей любовницы! Возможно, у него есть триста миллиардов, но я какое имею к ним отношение?

– Триста тысяч? – переспросила Света.

– Не меньше.

Света поддела вилкой желток.

– Я их тебе дам.

Тамара взглянула на неё дико. Игрой с её стороны это точно не было.

– Ты мне дашь триста тысяч?

– А почему бы и нет?

– Где ты их возьмёшь?

– Да я их уже взяла. Десять тысяч долларов – это триста тысяч рублей. Возможно, чуть меньше, но ты добавишь свои. Бери, не задумывайся! Мне их совершенно не жалко. Они – шальные.

Тамара всё же подумала. Но недолго.

– Ладно, уговорила. Я их возьму. Но с двумя условиями.

– Какими?

Актриса не торопилась давать ответ. Доев свою часть яичницы, она в третий раз закурила. Её красивые ноздри слегка раздулись. Она, казалось, испытывала досаду из-за того, что не может сразу найти нужные слова, и заговорила сухо:

– Во-первых, ты подождёшь два года. Быстрее мы тебе эти деньги не сможем отдать физически, даже если Артур найдёт

вторую работу.

– Слушай, заткнись, – перебила Света, – я ведь тебе уже объяснила, что эти деньги случайно ко мне прилипли. Мне наплевать на них, понимаешь? Сможешь – отдай, не сможешь – забудь. И пусть у тебя родится красивый мальчик.

– А во-вторых, – жёстко продолжала Тамара, – ты мне дашь телефон этого лакея. Я ему объясню, что деньги теперь находятся у меня, так что все вопросы – ко мне.

– Ты сошла с ума! Не надо этого делать! Они тебя покалечат так, что ты вообще никаким путём не сможешь родить!

– Светка, не ори! Я как-нибудь разрулю эту ситуацию. Говори мне номер и неси деньги.

Света, убеждённая властным тоном Тамары, сделала то, что та от неё хотела. Мюрат помог ей отклеить пачку от шкафа. Убрав мобильник и деньги в сумку, Тамара поднялась на ноги, чтобы вымыть посуду. Когда она вернулась за стол, глаза у неё блестели от слёз.

– Ты не представляешь, Светочка, как мне нужен этот ребёнок! Если бы я совсем не надеялась, что рожу – жить было бы незачем. Но надежда с каждым днём тает. Да, я свой возраст не чувствую, но куда от него деваться?

– Ты в тридцать восемь родишь, – заверила Света, – я точно знаю. Главное – не тяни. Иди завтра в клинику.

– Ты смеёшься? Куда я завтра пойду? Со следующей недели пойдут прогоны! А это – каторга. Беспросветная двухнедельная каторга. Митрофаныч нас упахает до смерти. Я ж

тебе забыла сказать про главную новость!

– Какую новость? – перепугалась Света, ибо Тамара вдруг осеклась от волнения.

– На премьере будет министр!

– Министр культуры?

– Да! Знаешь, в связи с чем? Оказывается, наш театр занимает второе место в Москве по объёмам бюджетного финансирования после Малого театра! Он – убыточный, и начальство сильно ворует. Неудивительно, что министр заинтересовался, в какую жопу проваливается такая огромная куча денег! Когда директору позвонили сегодня, чтоб сообщить эту новость, он чуть с ума не сошёл. Митрофаныч – тоже. А бухгалтерия – просто в ужасе.

– Значит, если министр сочтёт спектакль халтурным, будет ревизия?

– Да, и ещё какая! По её результатам могут не только всё руководство снять, но и обратиться в прокуратуру. А могут и закрыть театр! Он очень сильно мешает некоторым уродам. Короче, ты представляешь, как Митрофаныч нас будет дрючить? Нет, в клинику я смогу пойти только в середине апреля, не раньше.

– А завтра утром ты не успеешь заключить договор? Ведь цены растут!

Тамара зевнула.

– Нет, не успею. Я рано встать не смогу. Хотя, если сейчас выпью и лягу спать... У тебя есть водка?

– Ты что, с ума сошла? Ведь тебе нельзя! Ты будешь буйнать.

– Не буду, Светка, не буду! Я безобразничаю лишь там, где меня что-то раздражает. А здесь я выпью и лягу спать. Даю тебе слово.

Света поверила. Налила. Тут ей позвонили. Она взяла телефон. Это был Малютин.

– Алло!

– Привет тебе, синезолая, – произнёс Кирилл, – как дела?

Света удивилась.

– Почему это я – синезолая?

– Я хотел сказать – синезолая, но, поскольку думал о твоей жоле, оговорился.

– Ясно. Чего звонишь?

– Можно я приеду?

– А что случилось? Мысли про мою жолу замучили?

– Фу, как грубо! Но, если честно признаться, да.

– Малютин! У меня месячные.

– А жола-то здесь при чём?

Света рассмеялась.

– Ах ты, придурок! Да ладно уж, приезжай. Только у меня – Тамара Харант.

Малютин вздохнул.

– Всё равно приеду.

– Давай!

Отложив мобильник, Света налила себе ещё чаю. Тамара,

рюмка которой была пуста, закусывала конфетой.

– Сейчас Малютин приедет, – сказала Света.

– Я вам здесь точно не помешаю?

– Не мешаешь. Он всё равно обломается.

– А он что-то для тебя значит?

– Нет. Абсолютно. Мне его просто жалко.

Тамаре стало смешно.

– Короче, ты вляпалась.

– Почему?

– Потому, что жалеть здорового дурака, который сам никогда никого не жалеет – это, извини, либо глупость, либо влюблённость, либо и то и другое вместе.

– Очень возможно. Но я его не люблю. Выходит, я – дура. Мне жалко всех.

– Прямо-таки всех?

– Конечно. Каждого есть за что пожалеть. Например, Малютин считает, что он всегда во всём прав. Он искренне в это верит. Потом расплачивается, опять же не понимая, что происходит. Его вины в этом нет.

– Так он для тебя ничего не значит?

– Он для меня ничего не значит.

Тамара выпила ещё рюмку и пошла в душ. Пока она мылась, Света ей постелила в комнате Риты. Когда леди Капулетти улеглась спать, подруга Наполеона стала готовиться к семинару у себя в комнате. Маршал Наполеона мешался ей, желая играть. Приходилось делать два дела одновременно.

В дверь позвонили. Решив, что это пришёл Малютин, Света открыла. При виде двух милиционеров весьма молодого возраста, с интересом взглянувших на её голые ноги, она попятилась. Милиционеры вежливо поздоровались и спросили, является ли она хозяйкой квартиры.

– Нет, не являюсь, – призналась Света, краснея, – я здесь просто живу.

– Снимаете?

– Да, снимаю.

– По договору?

– Нет, не совсем. Видите ли, я...

– Так значит, и регистрации у вас нет?

– Я зарегистрирована в Крылатском, но живу пока здесь. Семейные обстоятельства.

– Понимаем. Можно ваш паспорт?

– Зачем?

– Формальность. На вас поступают жалобы от соседей.

Света принесла паспорт. Один из поздних гостей пролистал его и сказал:

– Оденьтесь, пожалуйста. Вам сейчас придётся проехать с нами.

– А на каком основании?

– Вы задержаны.

Глава восьмая

Света была водворена в камеру для предварительно задержанных. Проще говоря – в обезьянник два на три метра. Он располагался напротив дежурной части. Когда сержант, которому двое его коллег передали Свету, за ней запирали решётку, она – в смысле, не решётка, а Света, холодно задала вопрос, что всё это значит.

– Следователь с тобой будет разговаривать, – объяснил милиционер.

– Так пусть разговаривает! Зачем вы меня сажаете под замок?

– Его сейчас нет. Он утром придёт. Сиди, отдыхай.

– Так мне здесь придётся сидеть всю ночь?

– Можешь полежать.

– Отдайте мобильник! Я ведь имею право на телефонный звонок!

– Ты меньше смотри голливудских фильмов, – порекомендовал сержант, – здесь не Голливуд.

И ушёл. Сзади, вдоль стены, была лавочка. Света села. Она ничего не могла понять. Жалобы соседей на ночной шум? Но с этим, как правило, разбирается участковый, никак не следователь! У следователя работа совсем иная – разбор уголовных дел. Клофелин? Тогда почему милиционеры

не объявили ей сразу, за что берут? Не исключено, что это их метод – держать преступника в непонятках вплоть до допроса. Очень логично. А может быть, всплыло что-то из позапрошлой ночи, когда мотались с Риткой по кабакам? Но что могло всплыть? Риткины дела? Или она, Света, в неадекватности грабанула кого-нибудь? Вполне вероятно, хоть и не очевидно. Не подлежащим сомнению оставалось только одно: она будет в камере до утра, а утром – допрос в кабинете следователя.

Свет, падавший с потолка, был зеленоватым и режущим. Лампы нудно гудели. На расстоянии десяти шагов, за толстым стеклом с окошечками, сидели два офицера. Один формально хамил кому-то по телефону, другой курил и листал журнал. Немножко понаблюдав за ними, что помогло, как ни странно, одной ногой выйти из потока бессмысленных размышлений, Света вдруг обнаружила, что находится в камере не одна. Рядом с ней на лавке сидела женщина с тёмными волосами. Она была очень недурна чертами лица, особенно формой носа, но вид при этом имела, прямо сказать, затасканный. Между её ногами была зажата гитара, стоявшая на полу. Под лавкой лежал чехол. На женщине были стоптанные ботинки, столь же не новые джинсы и кашемировое пальто. Света присмотрелась к её глазам. Они показались ей удивительными. Они, как темперная двухслойка между ресницами Богородицы на иконе четырнадцатого века, смотрели без выражения, но пугающе.

– Добрый вечер, – пробормотала Света, сжимая пальцами край скамейки от безотчётного страха сорваться в чёрную ледяную пропасть этого взгляда, – вы здесь давно?

Ответ её изумил.

– А меня здесь нет, – произнесла женщина, глядя мимо. Судя по голосу, у неё была лёгкая простуда и насморк.

– Но я вас вижу! – растерянно возразила Света.

– Ты постоянно видишь то, чего нет. Пора бы привыкнуть.

Света протёрла глаза. Женщина предстала ещё яснее. В её густых волосах проблёскивало штук пять серебряных нитей. Но ни они, ни складки у рта, прорезанные болезнью, которую выдавала крайняя худоба желтоватых рук, не ввели Свету в заблуждение относительно возраста незнакомки. Ей было около тридцати, плюс-минус два года.

– Как вас зовут?

– Меня звали Юля.

– Что значит – звали? А как сейчас вас зовут?

– Никак. Меня давно нет. С начала зимы девяносто восьмого года.

Света собиралась сказать, что быть этого не может – я, мол, вас вижу, но промолчала, предугадав ответ. И она решила понаблюдать за своей соседкой. Та проявила готовность быть наблюдаемой – положив гитару выемкой на бедро, длинными ногтями дернула струны. Прапорщик и сержант, как раз в то мгновение проходившие мимо клетки, остановились. Два офицера в дежурной части подняли голо-

вы.

– Это что? – поинтересовался прапорщик, когда отзвенел последний аккорд довольно большого произведения, состоявшего, в основном, из длинных пассажей, – что-то цыганское?

– Да, «Мар, дядя», – сказала бывшая Юля, – цыганский танец.

– Классно играешь! Но только больше не надо. Здесь не положено.

Гитаристка безропотно убрала инструмент в чехол и легла на лавку лицом к стене, прижав к животу колени. Сержант и прапорщик, обогнув дежурную часть, скрылись в коридоре.

– Я так же сплю, – вдруг сказала Света, глядя на желтоватую руку Юли, которой та саму себя обнимала.

– Ничего странного в этом нет. Ведь мы с тобой – сёстры. Света на этот раз не очень-то удивилась.

– Всё может быть.

– Всего быть не может. Может быть только то, что есть и что будет.

– Теоретически всё возможно, – с готовностью согласиться не согласилась Света, зевая.

– Ты этот опасный бред выбрось из головы! У историка должна быть концепция, и притом не какая-нибудь, а правильная. Без концепции ты здесь ничего не добьёшься.

Вот это уж было слишком.

– Кто ты такая? – резко спросила Света. Она всё не отры-

вала глаз от руки более чем загадочной незнакомки, а своих собственных рук – от лавки, чтоб не упасть при очередной новости. Абсолютно правильно делала.

– Я – работник вокзального туалета и Генеральной прокуратуры Российской Федерации. И при этом – твоя родная сестра.

Света засопела.

– Послушай, Юленька! Это просто какой-то бред. У моих родителей нет других дочерей! Мы с тобой совсем не похожи. Я тебя раньше нигде никогда не видела. Как мы можем быть сёстрами?

– Очень просто. Нас выдумает один и тот же писатель.

– Один и тот же писатель?

– Да.

Света поняла, что сходит с ума. Но ей не хотелось с этим мириться.

– За каким чёртом нужно меня выдумывать? Я – реальность! Я существую!

– С чего ты это взяла?

– Я каждое утро в зеркале себя вижу!

– Ты постоянно видишь то, чего нет. Пора бы уже к этому привыкнуть.

– Со мной здороваются! Общаются! У меня есть мама!

– Это всё не имеет даже малюсенького значения. Как и всё остальное, что ты могла бы сейчас припомнить. Поверь мне, Светочка.

Свете стало очень тоскливо. Она заплакала и легла на лавочку, головой к голове таинственной гитаристки. Та продолжала:

– Нам с тобой повезло, мы встретились.

– Что ты видишь в этом хорошего?

– Ничего хорошего в этом нет. Ни тебе, ни мне теплее не стало. Но всё же нам повезло. Мы много узнали. Когда ты что-нибудь узнаёшь, ты делаешь шаг в сторону от счастья. Но это – правильный путь.

– Так я про тебя совсем ничего не знаю! Кто ты такая? Пожалуйста, расскажи!

Юлька приступила к рассказу. Этот рассказ длился до утра. В третьем часу ночи Света уснула. Во сне она продолжала слушать, глядя в окно из «Холодной комнаты».

Глава девятая

В десять утра Свету разбудили и отвели в туалет. Затем – на второй этаж, к следователю. Тот, сидя за столом, листал её паспорт. Когда конвоировавший сержант закрыл дверь снаружи, Света села напротив и очень строго сказала:

– Здравствуйте. Я подам на вас в суд по поводу незаконного задержания. Мне вчера не дали возможности позвонить адвокату.

– Не нужен вам адвокат, – поморщился следователь, кладя перед нею паспорт. Выдвинув верхний ящик стола, достал из него её телефон, ключи, зажигалку. Также отдал. Внимательно глядя поверх узеньких очков без оправы, полюбопытствовал:

– К Дмитрию Александровичу Елисееву имеете отношение?

– Разумеется. Прокурор Западного административного округа Дмитрий Александрович Елисеев – мой родной папа.

Морщины на лице следователя сделались ещё глубже, глаза – кислее. Скосив их на монитор старого компьютера с очень шумным системным блоком, он пробежался одной рукой по десятку клавиш, хлопнул по Энтеру и опять поглядел на Свету.

– Светлана Дмитриевна, вы странная! Что ж вам с па-

пой-то не живётся?

– С папой-то?

– Да.

– А вы живёте с родителями?

– Я?

– Вы.

– Мне – сорок шесть лет. У меня – жена и двое детей.

– А мне двадцать один год. У меня – Джульетта, Наполеон и котёнок. У вас ещё ко мне есть вопросы?

Следователь тоскливенько покачал головой.

– Я вам приношу свои извинения за ошибку, из-за которой вы провели здесь ночь. Вопросов к вам нет. Есть просьба.

– Слушаю вас, – произнесла Света, запихивая в карманы четыре вещи, которые ей вернули, – что вы хотите?

– Я очень сильно хочу, чтоб вы переехали.

– Да?

– Ага. Я ведь вам желаю добра. Думаю, вы знаете, почему.

– Догадываюсь.

– Отлично. А вы догадываетесь о том, что ваши соседи вас ненавидят?

Света зевнула.

– Так уж и ненавидят?

– Да, мягко говоря. А знаете, почему?

– Понятия не имею. А это важно?

– Светлана Дмитриевна, вы задали очень странный во-

прос. Подумайте и признайте, что он действительно странный.

– Закономерный. Ведь если я никому ничего плохого не делаю, а меня ненавидят, то шли бы они все в жопу! А что ещё я могу сказать?

– Зря вы так.

– Не зря.

– Проблем не боитесь?

– Каких проблем?

– Вроде той, которая возникла вчера. Вас оклеветали, сказав, что вы будто бы причастны к тяжёлому отравлению клофелином двух молодых людей в «Гелендвагене». Представляете?

– Это кто такое сказал?

– Да несколько человек видели из окон, как вас втащили в эту машину и как вы вскоре из неё вышли с бутылкой, которую зашвырнули в контейнер. Как вам всё это нравится?

– Да, история скверная, – согласилась Света, – и самое отвратительное в ней то, что те, кому померещилось моё грубое похищение, не пришли мне на помощь или хотя бы не позвонили в милицию. Они – суки. А молодые люди-то живы?

– Живы. Согласно их показаниям, они знать вас не знают и пальцем не прикасались к вам. Причину недомогания объяснить не могут.

– Не могут?

– Нет.

– Ну, и хорошо. Я могу идти? Или же у вас ещё ко мне дело?

Следователь с ответом не торопился. Он снял очки, как будто желая их протереть, но сразу опять напялил.

– Светлана Дмитриевна!

– Я слушаю вас.

– Вы – девушка умная. Моя дочь гораздо глупее вас, хоть и старше. Мне бы хотелось, чтоб вы меня сейчас поняли. Я с большим уважением отношусь к вашему отцу. И не только я.

– Да шёл бы он на ...!

За окнами опять падал снег. Никому не нужный, весенний, быстро и грязно тающий снег. Он застилал город, делая его всё более мерзким. Небо напоминало спившуюся небристую рожу.

– Вы не боитесь, Светочка?

– Не боюсь.

– Вас могут отчислить из МГУ.

– За что?

– За то, что вы дружны с теми, о ком там читают лекции.

Какой смысл вам их слушать?

– А вам известно, с кем я дружна?

– Так я с Маргаритой Викторовной общался по разным поводам! Повторяю, вас вполне могут отчислить из МГУ.

– Ну, это вас не касается. Позаботьтесь лучше о том, чтоб меня с работы не выгнали. Я уже целый час как должна там

быть.

– Не волнуйтесь. Я позвоню директору театра и объясню, что произошло. Если вас на днях рассчитают, то исключительно по вашей вине, а не по моей.

Спускаясь по лестнице, Света улыбнулась майору, который шёл ей навстречу. Тот козырнул. На улице ждала Юлька. Ей было холодно. Она грела руки дыханием. За её плечами болтался чехол с гитарой.

– Ну, всё, – сказала ей Света, – можем идти. Ведь можем?

– Конечно. Почему нет?

Но зря Юлька хвасталась. Ей идти было трудно. Она хромала. Света с тревожно бьющимся сердцем поддерживала её и видела у неё в глазах звериную боль. Пришлось им зайти в аптеку, чтобы купить сильные таблетки от боли. Юлька их проглотила целую горсть. Лицо её было белым. Когда они в неполюженном месте переходили улицу, все машины остановились. Не просигналила ни одна.

– Ты справишься? – усомнилась Света, втаскивая сестру на скользкий бордюр.

– Конечно. Я сконцентрирована.

Прохожие оборачивались. Собачница во дворе схватила ротвейлера за ошейник, мамы пронзительно подозвали к себе детишек. Вчерашний джип продолжал стоять на вчерашнем месте. Как только Света и Юлька с ним поравнялись, из него вышел пражский любовник. Выглядел он неважно. Но всё же лучше, чем Юлька – ей уже нужно было спешить.

Света с ним приветливо поздоровалась. Он ударил её в лицо. Она покатилась кубарем. В глазах вспыхнул слепящий розовый свет, подобный закату над лесным озером. Вероятно, на этот свет пора было Юльке. Но он сразу же погас, и Света вскочила.

Тот, кто её ударил, стоял перед задним левым колесом джипа на четвереньках. Юлька его долбила лицом в забрызганный грязью бампер, держа за волосы. Текла кровь. Водитель следил за происходящим, приоткрыв дверь. Он был удивлён. Решив, что на бампере повреждений уже достаточно, Юлька ринулась к наблюдателю, и, схватив его за рукав дублёнки, выволокла наружу. Он попытался её ударить, но был легко впечатан носом в асфальт и избит ногами. Каждый удар давался Юльке с трудом. Она задыхалась. Теперь за происходящим следил сердечный друг Светы, которому удалось кое-как подняться. Он глотал кровь, но вся его куртка спереди в ней была всё равно. Выбившись из сил, Юлька громко крикнула:

– Убирайтесь! Если вы здесь ещё раз появитесь – уничтожу! Ясно?

Оба ответили утвердительно. Через две минуты ни их, ни джипа не было во дворе. И вот только тут Света обнаружила, что за ней следят десятки людей. Вокруг собралась толпа из её соседей, дворников и случайных прохожих. Юлька, не обращая на них внимания, поправляла ремни чехла на своих плечах. Подойдя к ней, Света уткнулась носом в её плечо и

тихо заплакала. Юлька также хлюпала носом – впрочем, без слёз. У неё был насморк и ОРВИ.

– Ты должна остаться, – сказала Света, – я не хочу, чтоб ты уходила!

– Тебе так кажется. Все должны находиться на своём месте. Когда тебя опять начнут убивать, я к тебе приду.

– Если так, то пусть меня убивают как можно чаще!

– Это зависит не от меня.

Света провожала её мокрыми глазами – тоненькую, хромающую, ссутулившуюся так, будто бы в чехле была не гитара, а кирпичи. Наконец, она скрылась за углом. Света повернулась и побрела к подъезду. Все перед ней спешно раступались. Неудивительно – ведь она обнималась с трупом.

– Где ты была? – вскричала Тамара. Она стояла в прихожей, застёгивая пальто. Рядом надевал кожаную куртку Кирилл. Котёнок сверкал глазами из комнаты.

– У ментов.

Тамара с Кириллом переглянулись. Потом внимательно посмотрели на лицо Светы.

– Да у тебя под глазом синяк! – ахнула Тамара, – они там что, тебя били?

– Нет. На меня напал хулиган. Ему досталось сильнее.

Больше вопросов не было. Свете также было всё ясно. Она открыла Мюрату банку лосося и налила в мисочку кефира. Мюрат всё равно не вышел, но разбираться с ним было уже некогда. Пожелав ему хорошего дня, сотрудники театра то-

ропливо отправились на работу.

Хоть был густой снегопад, да и гололёд, решили идти пешком. Кирилл каждым шагом отмахивал больше метра. Две его спутницы поспевали за ним с трудом. Света обратила внимание на усталый вид леди Капулетти, как ещё дома заметила некоторую припухлость её веронского рта. Но если и было Свете чуть-чуть обидно, то исключительно за Артура. А больше было смешно.

Кириллу с Тамарой крепко досталось за двухминутное опоздание на репетицию. Неспроста – Корней Митрофанович был взбешён отказом Карины осуществлять задуманный хореографом трюк: падение с высоты более трёх метров на руки парочки далеко не богатырей, Коли Атабекова и Марата Горина. Крики были слышны в фойе, которое Света мыла. Орала, как всегда, все. Судя по раскладу и принадлежности голосов, Карина имела более чем значительный перевес. Завершив работу, Света решила зайти в буфет. Ирина Владимировна – так звали буфетчицу, угостила её котлетой и гречкой. Света начала есть с большим аппетитом, однако вскоре он был испорчен, так как ввалились Анька и Соня.

– Светка, привет! – гаркнула Волненко, – что ты здесь делаешь? Опять жрёшь? Нормально! А кто тебе в рыло дал? Ирина Владимировна, есть суп?

– Да что же вы, сволочи, так орёте-то? – возмутилась буфетчица, оторвав глаза от журнала, – совсем уже разучились по-человечески разговаривать? В зале – ор, в фойе – ор, в

костюмерной – ор, в бухгалтерии с утра до ночи уже просто вопли какие-то! Про гримёрки я вообще молчу! Это что, театр или дурдом?

– Дурдом, – рявкнула Волненко, садясь за стол, – Сонечка, возьми мне второе! Две штуки! Светка, откуда синяк под глазом? Что там ещё, компот? Возьми два компота.

– Вас опять выгнали с репетиции? – поинтересовалась Света.

– Ну, да, Кремнёв там опять погнал насчёт эротизма в сцене с монахом, и меня выпроводили, чтоб я не тушила этот пожар бензином! Сонька же отпросилась сменить прокладку, а заодно сообщить мне, что у Янушевского на неё стоял, когда они танцевали.

– Сука, заткнись! – разозлилась Соня, взяв у Ирины Владимировны поднос со вторыми блюдами и компотом, – зачем ты это сказала?

Волненко ела с дурашливым нарочитым чавканьем, Соня – с лютым презрением к сотрапезнице. Ирина Владимировна продолжала листать журнал. Света пила чай.

– Как там Рита? – вновь обратилась к ней Анька.

– Да ничего.

– Чем её там колют? Аминазинчиком?

Света мысленно поклялась, что убьёт Тамару.

– А она что, в психушке? – снова оторвалась бужетчица от журнала.

– А вы не знаете? – чуть не захлебнулась восторгом Ань-

ка, – об этом ведь сообщили по НТВ! А по интернету с подачи «Эха Москвы» ходит информация, что любовницу Хордаковского привезли в психушку всю в синяках!

– В синяках? Откуда?

– Из Генеральной прокуратуры! Тьфу, нет... из этого самого... Следственного отдела! Светка, а ты там тоже была? Света, не ответив, мысленно извинилась перед Тamarой.

– А я всегда говорила, что эта Риточка – долбанутая на всю голову, – продолжала Анька, давясь котлетой, – Сонька, скажи! Я ведь говорила? И это правильно, что её поместили в дурку! Да, ей там – самое место.

– Сука, заткнись! – отозвалась Соня, косо взглянув на Свету, – зачем ты так говоришь?

– Так по НТВ объявили, что у него есть любовница? – удивилась буфетчица, – они что, совсем обалдели? Он ведь женат!

Волненко расхохоталась.

– Ой, не могу! Да кому же это мешало когда-нибудь, Ирина Владимировна?

Но эта подлая реплика обошлась ей дорого, потому что она от переусердия подавилась и долго кашляла. Из неё вылетали куски котлеты и гречка. Света, поднявшись, с очень большим удовольствием звезданула ей по спине ладонью, да притом так, что жертва своего собственного обжорства и хамства размазалась по столу. Это помогло.

– Карина, должно быть, умничает? – поинтересовалась

Света, опять садясь.

– Это мягко сказано, – прохрипела Волненко, – Карина ссыт кипятком и мечет икру. Сколько ж в ней дерьма! Больше, чем во мне. Существенно больше.

– Светка, а ты её навещаешь? – спросила Соня. Света кивнула.

– Я и сегодня поеду к ней.

– Можно, я с тобой?

Волненко опять разразилась хохотом, на сей раз старательно проглотив всё то, чем был набит её рот. Потом заорала:

– Сонька! Ты что, больная? Зачем тебе это надо? Толку-то от неё?

– Нельзя во всём искать толк, – произнесла Соня, краснея, – я тут недавно встретила одного попа...

– Какого попа? Ты ведь протестантка!

– Да, я была протестанткой. И я осталась ею по убеждениям. Но недавно на улице ко мне подошёл православный поп, спросил, как меня зовут, и сказал: «Не иди по железному мосту, иди по бумажному!»

– Поп?

– Да, поп.

– А он тебя потом трахнул?

– Дура! Свинья!

Анька бы в долгу не осталась, но тут пришёл Коля Атабеков. Он сообщил Волненке с Козловой, что их зовут, и луч-

ше им поспешить, так как репетиция не заладилась.

Света почти до пяти часов ожидала Соню в фойе, читая Шекспира. Соня вышла заплаканная, одна.

– В чём дело? – спросила Света, встав ей навстречу.

– Всё хорошо, – прозвучал ответ, – я скоро повешусь и обрету Царствие Небесное, потому что все круги ада мной уже пройдены! Едем к Рите.

– А репетиция-то закончилась?

– Нет, конечно. Но когда я попросила меня отпустить по важному делу, мне проорали, что я могу идти на ..., а на обратном пути провалиться в задницу! Едем.

Погода была в точности как утром, то есть прескверная. И в метро, и в трамвае пришлось стоять. Соня всю дорогу молчала и отвечала грустными жестами, когда Света пыталась её утешить. Затем и у самой Светы сильно испортилось настроение, потому что и в магазин по пути зашли и, вообще, съездили зря. Риту из палаты не вывели, передачу в виде конфет, сигарет и фруктов не приняли. Игорь Карлович оказался занят. Когда спускались в метро, чтоб ехать обратно, Соня спросила:

– Можно у тебя переночевать?

– Ты тоже поссорилась со своим?

– Мне просто не хочется приезжать сегодня домой.

– Может быть, в кафе посидим?

– Нет, я хочу спать. Я очень устала.

Но дома Соня вместо того, чтоб лечь спать, начала реветь.

Света и Мюрат никак не могли её успокоить, хотя последний очень старался. От водки Соня решительно отказалась. Она кричала, что проклята, и просила её убить.

– Зачем ты со мной поехала? – раздражённо спросила Света, борясь с желанием удовлетворить её просьбу или, как минимум, уйти в комнату и заняться там своими делами, оставив гостью с её потоками слёз на кухне. Соня утёрла ладонью нос.

– Я ведь объяснила: надо идти по бумажному мосту, а не по железному!

– Поясни, пожалуйста, свою мысль.

– Да что непонятного?

Оказалось, что Свете действительно не понятно в этой истории ничего, Мюрату – тем более. Выпив кружку воды, Соня закурила и объяснила:

– Железный мост – умение притворяться, врать, перегрызть глотки и делать подлости. А бумажный мост – благородство, честность, великодушие, бескорыстие. В глазах мира первое – это то, с чем не пропадёшь, а второе – то, с чем каши не сварить. Да, щедрость – глупость, да, любовь – блажь, да, умение прощать – слабость. Но в глазах Бога первое – отвратительно, а второе – великолепно! Потому рухнет железный мост, а бумажный будет стоять и приведёт к Богу.

– Что ж ты расплакалась? – удивилась Света, – тебе всё ясно. Иди правильным путём и радуйся жизни!

– Но этот путь не даёт ни малейшей радости, потому что

он не ведёт к успеху! А мне успех очень нужен, я ведь актриса! Зачем мне Бог дал талант, зачем дал амбиции? Для того, чтобы я их весело растоптала? Но не могу я так поступить, потому что они сильнее меня, сильнее!

– Поэтому тебе кажется, что ты проклята?

– Да, да, да! Иисус велел следовать за Ним, но где мне взять силы? Он ведь не дал мне их! Я уже измучилась! Я сломалась!

– Да ты сама себя мучаешь, – возразила Света, ставя на плиту чайник и зажигая газ, – могла бы, по крайней мере, не жрать дерьмо такой большой ложкой.

Соня задумалась. Слезы из её глаз уже не текли. Раздавливая окурок, она сказала:

– Я как-то слышала проповедь про геенну огненную. Основная мысль этой проповеди заключалась в том, что любой попавший в геенну огненную имеет возможность её покинуть, но не имеет желания.

– Да что за чушь? Кто же не захочет уйти из ада?

– А ты представь человека, который спился, довёл себя до помоешного, свинячьего состояния и лежит, подышает в своём дерьме! Ему надо просто перестать пить, чтоб снова почувствовать радость жизни и её смысл! Но ведь он не хочет. Ты понимаешь, Светка? Не хочет!

– Лучше сказать, не может. Это зависимость.

– Но зависимость вызывает любая мерзость! И у меня зависимость! Дальше что?

И Соня опять заплакала. Пока Света подыскивала ещё какие-нибудь слова для неё, Мюрат вдруг наострил ушки. Заметив это, Света велела гостье притихнуть и затаила дыхание. Соня с ужасом подняла на неё глаза. Увидела знак молчать. Была уже почти полночь.

– Кто-то стоит за дверью, – сказала Света, понаблюдав за Мюратом. Тот замер посреди кухни, встопорщив шерсть. Жалобно взглянув на него, а затем – на Свету, стоявшую у плиты, Соня покачнулась на стуле.

– За дверью? Кто?

– Кажется, она.

– Она? Кто – она?

Раздался звонок.

– Не хочешь открыть? – предложила Света. Голова Сони отчаянно замоталась.

– Не открывай! Зачем открывать?

– Она не уйдёт, пока не откроем.

Они вдвоём приблизились к двери. Мюрат, который иногда действовал очень быстро и незаметно, уже стоял около неё. Соня посмотрела в глазок и съёжилась так, будто ей за шиворот бросили паука. Пока она бормотала слова какой-то молитвы, Света открыла дверь.

На лестнице не было никого. К чёрному окошку между пролётами прилепил свою жёлтую шторку месяц. Он вёл себя, как Ромео у Капулетти, а потому все ручки дверей и лестничные перила отсвечивали лишь лампочку. Ломать пьесу

было безнравственно. Закрыв дверь, Света поглядела на Со-
ню.

– Кого ты видела?

– Женщину! И она, по-моему, ещё здесь! Она не ушла...

Мюрат побежал обратно на кухню. Света и Соня последо-
вали за ним.

– Я думаю, надо выпить, – сказала первая.

– Да, давай! У тебя есть водка?

Водка не могла справиться со своей задачей до поздней
ночи. Лишь во втором часу Соня улыбнулась, слушая, как её
собутельница наизусть читает Шекспира.

– Дура ты, дура! Ровнее можешь читать?

– Что значит ровнее?

– Под метроном. Читай сперва тихо, а то собьёшься.

И Соня стала отстукивать пальцем по столу ритм. Света
сразу сбилась.

– Это какая-то ерунда! Так люди не разговаривают.

– Шекспир читается только под метроном и никак иначе.

– Да почему?

– Потому, что он – вне любых эмоциональных рамок. Ес-
ли его подгонять под свои эмоции, выйдет жалко, нелепо,
пошло. Не донесёшь. Читай его только под метроном.

– Откуда ты это знаешь?

– Глупый вопрос. Не спорь с профессионалом. Тебе ска-
зать, кто из педагогов со мной работал? Писарев, Райкин,
Покровская и Брусникина. Курс вёл Рома Козак. Читаем!

И Соня вновь начала отстукивать. Света стала читать, сбиваясь всё реже. Вскоре её это захватило. Когда опять раздался звонок и трезвый Мюрат вскочил, ни та, ни другая с ритма не сбились. Плевать им было на приход той, чей образ они старательно воплощали.

Глава десятая

– Светка, вставай! Риткину машину сожгли!

Это было сильно – не только по содержанию, но и по исполнению. Это даже не уступало тому, что леди Монтекки творила на репетициях. Света выпила ночью много, спала недолго, но она вмиг открыла глаза, увидела дневной свет, вскочила, проснулась. Все эти действия уместились в одну секунду. Неистовство за стеной, где были Мюрат и Соня, росло. Света побежала к окну – единственному вменяемому источнику информации. Стул, задетый ею, упал. Котёнок сидел со вздыбленной шерстью на подоконнике. Да, он был уже здесь. Его передислокация из одной комнаты в другую осуществилась вне рамок времени.

День был солнечный. Норовистой лошадки Наполеона, точно, уже не существовало. Прохожие останавливались взглянуть на её обугленные останки, но не задерживались, шли дальше. Стояли лишь два милиционера.

– Кто это сделал? – крикнула Света, открыв окно. Милиционеры взглянули на неё хмуро, даром что она высунулась по пояс в одном белье. Потом, правда, улыбнулись. Один спросил:

– Это была ваша машина?

– Нет, не моя! Подруги.

– А где подруга сейчас?

– В сумасшедшем доме... в больнице!

– Ну, пусть она заявление пишет, когда ей вправят мозги.

– Разве их поймают?

– Это уж вы у врачей спросите.

– Нет, я про тех, кто поджѐг машину!

– Всё может быть. Сейчас дознаватель сюда приедет.

Света закрыла окно и пошла к дивану, сжимая виски ладонями. Она думала не про лошадь, а про коня, что, в сущности, было одним и тем же. Сев на диван, она зарыдала. Ле-ди Монтекки, решив перед репетицией не сажать своё горло длительным воем, немедленно оказалась рядом и обняла её.

– Светочка, не плачь! Это железака, а не животное! Ничего, Риточка себе получше машину купит!

Мюрат спрыгнул с подоконника и толкнул Свету лапкой: да, мол, животное – это я! Трясущимися руками она схватила его и прижала мордочкой к своему лицу, мокрому от слѐз. Котѐнок лизнул её и мяукнул. Сотовый заиграл. Света машинально вышла на связь.

– Аллю!

– Здравствуй, Светочка, – нарочито строго сказала мама, – как у тебя дела?

– Нормально. А что?

– Ты мне ничего не хочешь сказать?

– По поводу?

– Ну, по поводу сегодняшнего числа.

Света опустила котёнка на пол.

– Сегодняшнего числа?

– Да. А ты что там, плачешь?

– Ой, мамочка! С Днём рождения!

Голос Светы пресёкся. Слёзы затекали ей в рот. Выключив мобильник, в котором загрохотала буря упрёков, она вскочила и побежала в ванную, потому что ей не нужны были ни объятия Сони, ни обезьяньи штуки Мюрата. Ей нужно было побыть одной. Хоть десять минут.

Завтрак проходил в тяжёлом молчании. А о чём можно говорить под второпях сваренную овсянку и кофе без молока, которого не было? Соня тихо вздыхала. Мюрат подпрыгивал, звонко приземляясь на когти. Ещё бы, он получил единственную сосиску! Когда его оставили одного в квартире, он вновь взобрался на подоконник, чтоб проводить двух подруг задумчивым взглядом.

После работы Света час поприсутствовала на репетиции. Ей понравилось, как Тибальд прикончил Меркуцио. Эта сцена, впрочем, и не могла не быть убедительной, потому что два исполнителя – Янушевский и Атабеков, с первого дня своего знакомства мечтали убить друг друга. Но остальные работали вполноги, особенно Соня, всё-таки переутомившая свою глотку перед открытым окном. Также отличились Артур в роли Бальтазара и Марат Горин в роли Бенволио. Их обоих ещё до прихода Светы чем-то взбесили Анька с Тамарой, но ни один нюанс этого конфликта при Свете не

был озвучен. Устав орать на халтурщиков, а Волненко назвав свиньёй, Корней Митрофанович объявил перерыв. Сразу после этого Света, не без труда уклонившись от кофеинга с девочками, опять поехала к Рите. Она решила добиться встречи с Игорем Карловичем. Однако, ей вместо этого разрешили встретиться с самой Ритой, сказав, что той стало лучше.

Комната для свиданий была уютно обставлена. В ней имелось даже и пианино «Лирика», явно найденное в руинах психопатической музыкальной школы после бомбёжки и перееханное бульдозером. Сыграв «К Элизе», Света расположилась на небольшом кожаном диванчике и ждала минут десять, прежде чем дверь открылась и вошла Рита. Она, действительно, выглядела неплохо. По крайней мере, ссадин и синяков на её лице слегка поубавилось.

– Как дела? – прошептала Света, вскочив и обняв её.

– Ничего. Как ты? Откуда фингал?

– Сейчас расскажу!

Крепко держась за руки, будто их могли разлучить в любое мгновение, они сели. И Света всё рассказала. Рита её ни разу не перебила, ни разу не отвела спокойного взгляда от её глаз, в которых блестели слёзы. Потом сказала, слабо поцеловав её в рот:

– Не переживай. Если бы угнали, было бы хуже. С вином просто шоколадно всё получилось!

– Почему хуже было бы? Почему?

– Потому, что смерть – лучше рабства. Смерть – это естественное событие, а вот рабство я бы не назвала естественным состоянием.

– Из смерти выхода нет, а из рабства – есть!

Рита улыбнулась.

– «Гестапо перекрыло все выходы, но Штирлиц ушёл через вход». «Для тех, кто попадает в Бастилию, не существует никаких «потом»!»

– Но ведь её смерть была неестественной!

– Почему? Машины ведь от болезней не умирают.

Света вздохнула.

– Ну, хорошо. А Юлька? Как тебе Юлька?

– Это вопрос, – нахмурила брови Рита, – знаешь, я не могу ответить на него прямо.

– Ну хорошо, ответ криво! Главное, объясни мне хоть что-нибудь!

– Как бы объяснить? Такое бывает. Ты сигарет мне не привезла?

У Светы глаза полезли на лоб.

– Что значит – бывает? У тебя всё в порядке с башкой? Сколько тебе галоперидола сегодня вкатили в жопу?

– Немного. Ну, как тебе объяснить? Попробую так. После смерти бабушки я увидела сон: она лежит мёртвая, а мы, родственники, сидим за столом, её поминаем. Вдруг она поднимается и смотрит на нас мёртвыми глазами! Я испугалась, а тётя мне говорит: «Такое бывает!»

– Это не объяснение, твою мать!

– Согласна. Но иногда лучше жить с загадкой, чем с её разъяснением. Полагаю, что это – тот самый случай. Как там Мюрат?

– Мюрат как раз ничего, – проронила Света, задумавшись над словами Риты. Потом спросила:

– Чем сейчас тебя колют?

– Уже ничем особо не колют. Почти. В основном, обследуют.

– Когда выпишут?

– Да на днях! Потом я слетаю на три недели в Париж. Ты, может, со мной?

– Как – в Париж? Зачем?

– Вот странный вопрос! Он очень подходит к слову «Москва», а к слову «Париж» совсем не подходит. Я просто лечу в Париж. И этим всё сказано. Понимаешь?

– Нет. Но я тебе верю.

– Ты сигарет привезла? – ещё раз спросила Рита, заглядывая в пакет, принесённый Светой. Это была та самая передача, которую накануне не приняли – виноград, кондитерские изделия, хурма, груши и сигареты.

– Да, целый блок.

– Отлично! Джульетта больше не приходила?

– Сегодня ночью звонила в дверь, но я её не пустила. Я была с Сонькой.

– С Козловой?

– Да.

– Она не обосралась?

– Как ни странно, нет. Наверное, постеснялась Мюрата.

Он вёл себя очень храбро.

– Он – дурачок, – улыбнулась Рита, – но это его несколько не портит. Есть у него и более существенный недостаток.

– Какой?

– Готовность брать на себя ответственность. Абсолютно за всё. Премьера когда?

– Четвёртого ноль четвёртого. Представляешь, министр культуры будет!

– У вас? На этой самой премьере?

– Да.

Рита усмехнулась.

– Это мне нравится! Сам министр того, что здесь теперь называют словом «культура»? И что ему от вас надо?

– Хочет увидеть, на что идут бюджетные деньги.

– Это мне нравится, – повторила Рита и глубоко задумалась. Света стала рассказывать ей о своей учёбе. Потом они отправились покурить на лестницу. Там простились, поскольку им объявили, что время для посещений уже закончилось.

Ни автобуса, ни трамвая Света решила не ждать. Она быстро шла по вечерним улицам. Под её ногами хрустел снежок. Фонари и звёзды мерцали в её глазах загадочно, страшно. Она про себя читала стихотворение Риты:

Я иду сквозь морозную, звёздную ночь,

И под хруст серебристого крошева

Горько думаю: «Хоть я и чёртова дочь,

Ни черта во мне нету хорошего!»

А в метро на память пришли другие стихи, про подземных

ГНОМОВ.

Глава одиннадцатая

Через несколько дней на ограде театра и по всему району были расклеены неплохие афиши с изображением полуголой Карины. Невероятно лохматая, без чулок, в узком пеньюаре, она сидела на пятках, обиженно глядя в камеру. Вероника два дня орала, что порнографию можно было бы сделать поинтереснее. Но с Кариной её это не поссорило. С двадцать пятого марта пошли прогоны. Света присутствовала на всех. Она становилась свидетельницей того, как всходили и расцветали ростки глубокой, непримиримой ненависти между людьми, которые прежде могли считаться приятелями. Корней Митрофанович виртуозно играл амбициями, без видимых оснований хваля одних, упорно не замечая других, унижая третьих, Затем внезапно меняя их всех местами. На фоне общей нервозности и усталости эти штуки воспринимались остро. Актрисам, как более податливому материалу для обработки всякими-разными сволочизмами, уделялось особенное внимание. Были слёзы. Были истерики. Были клятвы повеситься, утопиться и взорвать театр. Но дело шло. Спектакль обретал целостность и своё особенное лицо. Это удивляло и возмущало Свету. Она была абсолютно согласна со Станиславским в том, что каждый актёр должен иметь цель не впечатлить зал, а дать своему партнёру эту возможность,

говоря проще: взаимное уважение есть залог успеха спектакля, и – вот, пожалуйста! Очевидный уже успех достигался с помощью нагнетания прямо противоположного чувства. Не находя объяснения этому парадоксу, Света была вынуждена признать, что Корней Митрофанович – уникальный мастер своего дела.

А вот директор не был в таком восторге. Он также навещался почти на каждый прогон, глотал валидол, часто выходил покурить. Корней Митрофанович иногда следовал за ним в коридор и что-то ему втолковывал. Бухгалтерия и технический персонал тоже выбегали, желая знать, зачем леди Капулетти целуется взасос с дочерью, а кормилица задирает юбку перед пажом Меркуцио. Вероника, сидя среди художников на центральном месте первого ряда, закатывала глаза. Однажды, после прогона, Тамара предупредила, что если ещё хоть раз увидит её у сцены – набьёт ей морду. Карина сразу вмешалась. Она сказала, что Вероника её морально поддерживает, и это крайне важно сейчас, поскольку она – на позднем сроке беременности. Тамара заметила, что Карина всех уже задолбала своей беременностью. Карина с грустью промолвила, что вполне понимает чувства Тамары: в тридцать семь лет бездетность, действительно, угнетает, но ситуация поправимая – настоящий мужик поможет. Артур в долгу не остался. Он возразил, что, мол, ещё неизвестно, кто у самой Карины родится от настоящего мужика, переспать с которым даже Волненко не соглашается, хотя он её уже зада-

рил и по кабакам затаскал. Карина заистерила. Мнения разделились. Хоть две заслуженные актрисы – Ольга Сергеевна и Светлана Петровна, сделали всё возможное для того, чтоб не было драки, драка великолепным образом состоялась. Вера Салей и Света следили за ней с галёрки и говорили про Станиславского.

Три последних прогона были публичными и имели некоторый успех, а самый последний вызвал бурю восторга школьников, которых привела на спектакль учительница. После первого акта – точнее, первого отделения, она сделала попытку их увести, да не тут-то было! Им очень хотелось знать, трахнет свою дочку отец Джульетты или не трахнет, и если это случится, то в какой позе. Свету подпрягли раздавать програмки, так как администраторы почти все были на больничном. Она этим занималась вместе с дочкой директора, восемнадцатилетней Настей.

И вот настал день премьеры. Целые сутки, предшествовавшие ему, Светка с Сонькой, как называл двух этих особ Корней Митрофанович, помогали выставлять свет на сцене. Им выпала эта честь, так как остальные восемьдесят сотрудников театра до тошноты опостытели режиссёру, а свет он выставлял лично. Это было занятие кропотливое, но для Сони и Светы сутки прошли легко, поскольку в их полном распоряжении был буфет с рыбными котлетами, тремя марками коньяка и четырьмя – водки. Домой девушки вернулись уже четвёртого, почти утром. Для экономии времени Соня сно-

ва заночевала у Светы. Выспавшись кое-как, они под лучами яркого солнца опять побежали в театр.

Там всё изменилось. В девять часов утра штатные охранники были заменены офицерами Федеральной службы охраны. Двое из них обошли весь театр с собаками. У входящих сотрудников проверяли не только их пропуска, но и паспорта, сумочки, пакеты. Света вызвала очень сильное подозрение.

– Вы уборщица? – недоумевающе оглядел её офицер.

– Совершенно верно.

– Откройте сумочку.

В это время другой, раскрыв паспорт Светы, связался по телефону с администрацией. Там ему подтвердили – да, мол, работает. Третий попросил вынуть из карманов все металлические предметы и подошёл с металлодетектором. После этого Света была пропущена. Торопливо переодевшись, она взялась за работу. К ней подошла завхоз, Галина Григорьевна.

– Светочка, будь любезна, после обеда зайди ко мне за туалетной бумагой. И туалеты вымой как следует, чтоб блестяли.

– Но ведь бумага висит!

– Она не годится.

– Да, если министерской жопе что-нибудь не понравится – жопа будет нам всем! – предостерегла мчавшаяся мимо Маринка, – старайся, Светка, старайся! Вылизывай все углы!

Света очень сильно старалась. Она надраила туалеты, лестницы, коридоры, фойе, административные помещения и буфет. Внизу ей мешались всюду сновавшие монтировщики и дизайнеры. На втором этаже главная бухгалтерша с кадровичкой следовали за ней по пятам, устраивая истерику из-за каждой пылинки, ею пропущенной. У директора было прощание, так как он сам, финдиректор Букин и Вероника спорили про какой-то отчёт или договор, причём секретарша трясла бумагами и стучала по полу каблучком.

К половине третьего Света выдохлась. Сделав маленький перерыв, она занялась гримёрками. Начала с мужской. Народный артист Никитин, который исполнял роль сеньора Монтеки, и Олег Журов весело предложили ей коньячку. Она отказалась.

– Свадьба когда? – густым барским голосом поинтересовался Никитин, следя, как она работает шваброй.

– Свадьба? – переспросила Света, – какая?

– Да как, какая? Твоя! С Малютиным.

И народный артист зашёлся пафосным хохотом. Свете стало понятно, что он и не только он знает о ней нечто такое, чего не знает она.

– Ах, Виктор Сергеевич! Я скорее выйду за вас.

– Это будет правильный выбор, – одобрил Журов, – чем всеми дырами ублажать дурака Малютина, лучше мудрого человека гладить по лысине! Слышала поговорку, что старый конь борозды не испортит? Есть у неё продолжение. Но

наш Виктор Сергеевич безусловно глубоко вспашет, он ведь у нас ещё ого-го какой жеребец! Если же он вдруг откинет копыта от передоза Виагры – четырёхкомнатная квартира, считай, твоя, а похороны – за счёт государства, согласно статусу! Выгодно.

– Ты, Олежик, молча завидуешь, – спокойно бросил Никитин, налив себе коньяку из плоской бутылки. Выпив, он закусил – точнее сказать, засосал кружочком лимона.

– Так вы на сцену выйдете подшофе? – удивилась Света, – на вас ведь будет смотреть министр культуры!

– Дура! – хохотнул Журов, – Да неужели ты думаешь, что министру культуры будет здесь не на что посмотреть, кроме как на нашего знаменосца? На сцене будут семь полуголых девок сходить с ума! Кстати, зря Волненке подсунули Капитонова. На спектакле она этого озабоченного уделает до конца. Потом всё на него спишет.

– Да ладно вам! Вы чего? Корней Митрофанович ей уделает!

– Вот посмотришь.

Тут дверь открылась, и вошли трое – Кремнёв, Янушевский и Капитонов. Они ходили курить.

– Ах, какая задница! – восхитился Кремнёв, и, присев на корточки перед задранной попой Светы, поцеловал обе половинки. Выпрямившись, прибавил:

– Чёртов Малютин! Слишком хорош для него товар.

– А где он, Малютин-то? – поинтересовался Никитин.

– А у него сегодня какая-то тренировка! Будет к пяти. Светочка! Может, ты нам стриптиз станцуешь?

Света решительно отказалась и поспешила ретироваться, чтобы не искушать Капитонова. Этот милый блондинчик мог прицепиться к ней не по-детски, если бы у Кремнёва возникла блажь его провоцировать. Было очень похоже, что как раз к этому и шло дело.

В женской гримёрке её все встретили также весьма приветливо. Анька предложила ей кофе. Света сказала, что с удовольствием, но сначала вымоет пол, чем и занялась. Чтобы не мешать ей, Карина переместилась со стула в кресло и подогнула ноги. Эльвира, делая маникюр печальной и сонной Дашке, спросила:

– Ритка во Франции?

– Да. Откуда ты знаешь?

– Во-первых, Сонька сказала. А во-вторых, когда ты последний раз была в интернете?

– Очень давно, – ответила Света, полоща тряпку в ведре, – дня два я там не была.

Актрисы развеселились и рассказали ей о существовании в интернете видеоролика под названием «Любовница Хордаковского в ресторане отеля «Риц»», который собрал пару сотен тысяч просмотров. На этом ролике очень пьяная Рита бесится на столе, срывая с себя одежду, и ей восторженно аплодируют.

– Это просто позор! – вскричала Карина, – до такой сте-

пени не уметь танцевать! Я на её месте сгорела бы от стыда.

– Да ладно, нормально, – не согласилась Волненко, – она ведь в конце блюёт. Судя по объёму блевотины, она выжрала литра три какого-то пойла, притом практически без закуски! Для такой степени опьянения это был очень даже приличный танец.

– Сука, заткнись! – возмутилась Соня, выплёвывая кусок бутерброда, – Зачем ты это сказала?

Свете стало понятно, из-за чего Кремнёв привязался к ней со стриптизом. Она не знала, что говорить по поводу Риты. К счастью, в эту минуту вошла Тамара – на шпильках, в очень короткой юбке, кожаной курточке и очочках с тёмными стёклами. Бросив сумку на стол и присоединив к ней очки, она улыбнулась.

– Здравствуйте, девочки. Там такая погода, прелесть! Солнышко светит почти как летом, и небо – чистое-чистое!

– А попа у тебя – грязная-грязная! – ужаснулась Света, поглядев сзади на её юбку, – ты в лужу, что ли, упала?

– Да, подскользнулась. Ничего страшного. Всё бывает. И всё меняется. Нет, сегодня ничто не сможет испортить мне настроение!

Так ответив, прима сняла верхнюю одежду, включая грязную юбку, и, сев на стул, закурила. Света, тем временем, завершила работу. Сполоснув руки, она включила электрочайник, который давно остыл, и также присела передохнуть. Остальные девушки, кроме Эли, занятой делом, устались

на Тамару с язвительным холодком.

– У тебя хорошее настроение? – обратилась к ней Соня, – ты, вообще, трезвая?

– Я пьяна, но не от вина. О, стих получился! Нет, погода, действительно, очень классная. И сегодня – премьера. Асенька, как дела?

– Отлично, – сказала Ася, после чего повисла глубокая тишина. Её прервала Волненко. Она разразилась визгливым смехом. Когда он стих, Тамара продолжила прежним голосом и по-прежнему улыбаясь:

– А какой стол накрыли в репетиционном зале! Я поднялась туда посмотреть. Ой, девочки! Это блеск! Стол на сто персон.

– Как, уже накрыли? – спросила Даша.

– Да, скатертью. И бокалы уже стоят. Приборы лежат.

– И они блестят?

– Ну, конечно. Их чисто вымыли. Вы представляете, что случится, если министр возьмёт нож, испачканный маслом с влипшими в него крошками? Будет просто скандал.

К этому моменту чайник вскипел. Света поднялась и сделала себе кофе, после чего вернулась с бокалом на табуретку. Слова Тамары ей показались вполне логичными. Но одной только ей.

– Да, она действительно насвинячилась, – заявила Волненко, – только не водки. От водки она обычно сперва молчит, а потом орёт. Тамара, что ты пила?

– Я пила свободу!

Все иронично переглянулись.

– В смысле? – спросила Света, – вы что, опять расстались с Артуром?

– Нет, не расстались. Артур мою свободу не ограничивает. Посмел бы он это сделать!

– Тогда о чём ты?

– О чём я, Светочка? Я сегодня узнала, когда умру. Ведь что такое свобода? Свобода – это возможность не делать то, что делать необязательно. Знание даты смерти даёт свободу практически абсолютную.

– Соглашусь, – кивнула Волненко, – но кто назвал тебе дату смерти?

– Ах, Анечка, Анечка! Дату смерти никто не может назвать. Эту дату каждый определяет для себя сам. Человек умирает только тогда, когда ему это надо.

– Но как же так? – не поняла Эля, – ведь человека могут убить, он может попасть в аварию, заболеть тяжёлой болезнью!

– Да, да, конечно. Но свою жизнь каждый строит сам. События жизни – не более чем детали этой постройки.

– Но большинство людей умирает совсем не по своей воле! – вскричала Анька.

– Ты ошибаешься. Безусловно, не каждый знает, чего он хочет. Но все хотят одного: успеть умереть. Да, это не ощущается, потому что это выше физиологии. Знаете, что это

такое? Инстинкт творца.

– Нет, это шизофрения, – вздохнула Соня, – она опять начиталась какой-то белиберды, которую ей подогнал Юрий Серафимович. Мне ужасно от этой темы! Давайте сменим её. Пожалуйста! Умоляю!

Тамара не возражала, однако девочки пожелали знать, когда она сдохнет и каким образом ей вдруг удалось это выяснить.

– Я могу удовлетворить ваше любопытство только отчасти, – произнесла Тамара, гася окурок, – Вычислить дату смерти совсем нетрудно. Для этого надо всего лишь расставить приоритеты и обозначить пути.

– Иными словами, составить план? – перебила Анька, – вот это бред. Я не спору, можно составить план игры с чемпионом мира по шахматам, но тебе в любом случае будет мат на втором ходу! А жизнь посложнее шахмат.

– Согласна. Жизнь посложнее шахмат. Но между ними есть существенное различие. В жизни ты стремишься не к выигрышу, а к проигрышу. Теперь вы поняли всё?

Никто ничего не понял. Но все молчали, не отрывая глаз от Тамары. Она таинственно улыбалась, согнув под стул красивые ноги, обтянутые колготками. Луч апрельского солнца падал ей на лицо, заставляя щуриться.

– И когда ты умрёшь? – поинтересовалась Даша, опять начав разглядывать свои ногти, труд над которыми Эля только что завершила.

– Скоро, Дашенька, скоро.

– Ну, это каждый может сказать! Ты день назови.

– Ты думаешь, назвать дату может не каждый?

– Так назови!

– Сегодня, ... вашу мать! – дала за Тамару ответ Карина, –

все мы подохнем сегодня вечером, потому что в таких спектаклях нельзя участвовать! Нас всех ждёт профессиональная смерть, а для людей творческих это хуже смерти физической. Да, на каждой из нас поставят сегодня крестик как на актрисе. И никто в этом не виноват, кроме нас самих! Сами себе вырыли яму, сами в неё насрали и сами прыгнули. Митрофанович нам только посодействовал.

– Бред, – фыркнула Волненко, – впрочем, не знаю, что

будет со всеми вами, а я сегодня как раз начну свою жизнь!

– Это в каком смысле? – не поняла Карина.

– Будто не знаешь, – вздохнула Эля, – она попросит министра, чтобы он ей подписал свою книгу, которая в её сумке сейчас лежит, и будет потом этой порнографией возбуждать семидесятилетних продюсеров.

Все немножко развеселились, не исключая Аньку. Потом она обратилась опять к Карине:

– Что за депрессия? Ну, поганый спектакль! Шекспира вообще мало кто может ставить на должном уровне. Ну, погано выставлен свет. Ну, музыка – дрянь. Ну, сраный министр! Переживём. Ещё и напьемся!

– Дура! Тебе плевать, под кого ложиться и в чём участво-

вать, А мне – нет! Я принадлежу к актёрской династии!

Это был уже перебор. Карине прощали многое, но такое спустить было невозможно. Хохот поднялся дружный, безжалостный, оглушительный. Хохотали даже Тамара, Света, Соня и Ася. Волненко каталась по полу. То, что извергалось из её рта, нельзя было назвать смехом. Это был ор во всю здоровенную сучью глотку. Открылась дверь. Вбежала Маринка.

– Вы что, с ума посходили? Что происходит?

Ей объяснили, и она также захохотала. Карина медленно, очень медленно опустила ноги и поднялась. Взглянув на её лицо, все мгновенно смолкли. Анька, вскочив, попятилась, потому что Карина шла на неё со сжатыми кулаками. Шла хорошо, прямо как к Малютину после смерти Тибальда. Но вдруг застыла на месте. Её лицо за одну секунду стало белее простыни, и она как стояла без звука и без движения, так и грохнулась во весь рост, закатив глаза. Все бросились к ней, мешая одна другой. Но вскоре наметился некоторый порядок и смысл. Маринка расстёгивала Карине слишком тугой воротник, Волненко зачем-то приподнимала ей голову, Ася щупала пульс. Остальные молча толпились рядом.

– Это обычный обморок, – проронила Ася, мама которой была врачом, – во время беременности такое бывает. Нашатырь есть?

– Да, есть! – завопила Анька, крепко держа голову Карины, как будто та могла отвалиться, – он в её столике!

Света была к столику ближе всех. В замке торчал ключ. Она его повернула, открыла дверцу, выдвинула один за другим три ящика. Третий был наполнен медикаментами. Света стала перебирать коробочки и флакончики. Вдруг она замерла. У неё в руках была упаковка чудо-таблеток, которые доставал в секретной военной лаборатории за большие деньги её сосед, бывший врач-реаниматолог, Андрей Ильич.

Глава двенадцатая

Карина очнулась. Все перед ней извинились, и Света стала рассказывать про Верону эпохи Раннего Возрождения. Через час принесли костюмы. Сама художница помогла актрисам переодеться. После того, как они в течение следующего часа были загримированы, их позвали на сцену для повторения некоторых проблемных моментов. Директор вместе со своей верной спутницей Вероникой сидел во втором ряду, за спинами режиссёра и хореографа.

– Две последние мизансцены очень сырые, – произнёс он, когда Корней Митрофанович объявил конец репетиции, – та, где парни Дашку подкидывают, потом начинают с ней танцевать, совсем неуклюжая. Как вы думаете, Виктор Эмильевич?

Хореограф пожал плечами.

– Премьера, что вы хотите? Спектакль делается не только автором, постановщиком и актёрами, но и публикой.

– А мне очень понравилось, – промурлыкала Вероника, – афиши – дрянь, да и декорации так себе, а спектакль – супер! Я в первый раз увижу спектакль, который будет лучше афиши. Позавчера у меня было впечатление, что актёры несколько не дотягивают до замысла режиссёра, а вот сегодня всё изменилось волшебным образом!

– Значит, что-то произошло либо с замыслом, либо с нами, либо с тобой, – заметил Кремнёв, – третий вариант, впрочем, отметаю, так как с тобой никогда ничего хорошего не случается.

– Иногда случается, Пашка, – обиделась секретарша, – понаще, чем с твоей стриженной истеричкой! Ольга Сергеевна, дайте ему немножко по голове! Это что за хамство в адрес начальства?

Поднялся всеобщий хохот. Ольга Сергеевна, исполнявшая роль последнего плана, стукнула шутника веером по лбу.

– Андрей Александрович, а мы будем тряпку стелить министру? – спросила Анька директора, когда шум немного улегся. Директор был удивлён.

– Зачем ему тряпка? Он будет в кресле сидеть.

– Полагаю, что речь идёт о красной ковровой дорожке, – дал разъяснение офицер ФСО, стоявший около сцены, – Нет, это не предусмотрено.

– То есть как? – вознегодовал Никитин, – Андрюшка, ты что, рехнулся? Стели дорожку! Ведь телевидение будет!

– А мой папа считает, что это лишнее, – впервые подала голос против Виктора Сергеевича Карина, – Я с ним советовалась. Ещё он сказал, что можно, на крайняк, Путина повесить в фойе, а стелить дорожку – это холуйство!

Немедленно разгорелся спор. К нему подключились все, включая администраторов, звукорежиссёра и двух отчаян-

ных скандалисток из бухгалтерии. Вероника, сорвавшаяся с резьбы по вине Кремнёва, влезла на сцену. Света сидела в заднем ряду, пытаясь вчитаться в текст, который давно знала наизусть. Вялый перевод Пастернака не нравился ей совсем. Но выбора не было.

Переубедить директора оказалось Никитину не под силу, ибо Карина и Вероника работали сообща. Стоя за спиной Виктора Сергеевича, который брызгал слюной на тему антипатриотических настроений в труппе, они кривлялись, как обезьяны. Тамара в синем атласном платье, пав на колени, пыталась сделать минет финдиректору Букину, который имел большую неосторожность сказать, что деньги надо высасывать. Ольга Сергеевна обратилась к Павлу с вопросом, нет ли у него денег. Кремнёв ответил, что деньги у него есть, но он их отдаст ей так, ибо она – прелесть, а Дашка, Элька и Сонька пускай сосут, ибо они – сучки. Волненко страстно осведомилась, не прелесть ли и она. Ей был дан ответ, что она – даже и не сучка, а сука.

Света вышла в фойе. Дизайнеры украшали его цветами, российскими триколорами и портретами соответствующих персон. Телевизионщики выставляли свет. Скрипачка Вера Салей настраивалась под рояль. Маринка, которая была по образованию пианисткой, но абсолютного слуха, в отличие от Салей, не имела, листала ноты. Они готовили музыкальный номер. Некоторое время около них ошивался заслуженный композитор, который написал музыку для спектакля, но

они начали над ним ржать, и он пошёл ябедничать начальству. Обе овчарки болтались без поводков, глядя на людей умными глазами. Сев на диванчик, Света раскрыла книгу. Одна овчарка к ней подошла и ткнулась ей в руку холодным носом.

– Не бойтесь, – сказал, приблизившись, очень статный, с ранней сединой офицер. Света подняла на него глаза.

– Да я не боюсь.

Он присел с ней рядом.

– Скажите, а почему вы работаете уборщицей?

– Для того, чтоб в один прекрасный момент именно такой мужчина, как вы, её об этом спросил! – крикнула Маринка и засмеялась. Света смущённо проговорила:

– Я ничего больше не умею. Стипендия небольшая, а комната стоит дорого.

– Вы снимаете?

– Да, снимаю.

Он, казалось, не знал, о чём ещё спрашивать. И она спросила сама:

– А вы почему работаете в спецслужбах?

– Это наследственная болезнь, – вздохнул офицер.

– Хотите сказать, ваш дед служил в ГПУ?

Офицер кивнул.

– Совершенно точно. А прадед – в царской охране.

Света с недоумением проводила взглядом трёх монтировщиков, волочивших в зал какие-то декорации. Ей казалось,

что их на сцене уже достаточно.

– Вы, я вижу, не очень любите нас? – спросил офицер.

– Это очень сложный вопрос. Скажите, пожалуйста, а большая свита будет с министром?

– Человек тридцать, кроме охраны.

– Тридцать?

– Ну, да. А в зале – сто кресел, плюс ещё несколько на балконах. Немного вы заработаете на этой премьере!

– Да мы на ней абсолютно не заработаем! Семьдесят человек из восьмидесяти пройдут без билетов.

– Друзья и родственники?

– Не только. Ваших коллег будет очень много. Всё руководство ГАИ Восточного округа, человека три из прокуратуры...

Мобильник подал сигнал. Извинившись, Света вскочила и отошла в сторонку.

– Алло!

– Привет, это я, – произнёс Малютин, – слушай, мне очень нужно поговорить с Митрофановичем, а он недоступен. Ты можешь дать ему телефон?

– Что произошло? Ты задерживаешься?

– Да, типа того.

Света побежала обратно в зал. Корней Митрофанович был на сцене. Он отдавал указания монтировщикам, которые устанавливали дополнительные декорации – очень лишние, на взгляд Светы. Завпост Наталья Георгиевна, стоявшая ря-

дом с ним, была, судя по всему, такого же мнения. Остальные сотрудники и артисты что-то перетирали между собой, разбредая по залу. Директор продолжал спорить с Никитиным, но уже вполголоса, по-приятельски.

Света подошла к Корнею Митрофановичу, вручила ему мобильник.

– Кто? – спросил режиссёр.

– Малютин.

Разговор длился меньше минуты. За этот отрезок времени круглое, с небольшим румянцем лицо Корнея Митрофановича успело не только побагроветь, но и кое-где поверх красноты покрыться синими пятнами. Выронив телефон, режиссёр рванул узел галстука, повалился. Удерживая его, Света и завпост закричали. На помощь бросились осветитель и монтировщики, а потом – и все остальные. Заслуженного деятеля искусств усадили в кресло. Он был в сознании, но оно висело на волоске.

Глава тринадцатая

Грянувшая за час до спектакля новость о том, что единственный исполнитель роли Ромео на тренировке сломал бедро, облетела театр, как ураган. Света заперлась в туалете, чтобы спокойно поговорить с Малютиным.

– Ты дурак? – вскричала она.

– Да при чём здесь я? – простонал Кирилл, – меня сбили с ног, когда я уже замедлился, чтоб *вдолбить* по воротам! Знаешь, как было больно? Когда меня на носилки клали, я потерял сознание! А сейчас я – в пятнадцатой! Кладут гипс. Пускай Атабеков играет вместо меня! На хрена там нужен этот Меркуцио?

– Атабеков не знает текста! Его не знает никто!

– Янушевский знает!

– Мать твою драть! Его самого никто не заменит! А без Тибальда не сделаешь ты спектакль за сорок минут, там все мизансцены надо менять! И вообще никак ты его не сделаешь без Тибальда! Кто мочканёт того же Меркуцио?

– Да зачем его убивать? Спектакль и так слишком депрессивный!

– Заткнись!

– Что ты всё орёшь на меня? Мне больно! Ну, я не знаю, что делать! Просто не знаю! Что там творится-то, вообще?

– Да ... творится! Худруку делают внутривенный! Директор волосы рвёт! Никитин визжит громче, чем Карина!

– Я говорил – надо было делать состав!

– Да пошёл ты на ...!

Света прибежала назад, в фойе. Там не было никого, кроме двух собак, сотрудников ФСО и скрипачки Веры. Все остальные ринулись в зал, желая быть непосредственными свидетелями того, как будет предотвращена катастрофа. Не близкие к сцене люди были уверены, что замену быстро найдут. Снаружи, за запертыми дверьми, уже собиралась публика. Вера плакала, одиноко сидя перед роялем. Света к ней подошла.

– Что ты истеришь? Всё будет нормально.

Верка поглядела зверьком. Её тонкогубый рот был мученически оскален. Достав платочек, она утёрла им длинный нос.

– Всё будет нормально? Да ничего нормально не будет! Директор уже звонит в «Сатирикон», Райкину!

– Зачем?

– Да затем, чтобы он прислал к нам сюда своего Ромео! Ты представляешь? Ведь это – бред! Суший бред! И все это понимают. Осталось двадцать минут! И кто, вообще, из «Сатирикона» сюда пойдёт?

– Да, это бред, – согласилась Света. К ним подошёл офицер, с которым она недавно общалась. Следом за ним приплелись две псины.

– Театр закроют, – скулила Верка, – к этому зданию тянут руки уже давно!

– Никто его не закрое, – сказала Света, – да, руководство, может быть, сменят, но закрыть театр никто не даст. Здесь много детских программ.

– А я говорю, закроют! – стукнула Верка маленьким кулачком по роялю, – театр – убыточный, а стоит на козырном месте! Они ждут повода. Срыв премьеры – отличный повод! Они откроют здесь ночной клуб!

– А вам-то что за печаль? – спросил офицер, – я слышал, как вы играете. Вас возьмут в любой престижный оркестр.

Скрипачка смерила офицера даже и не звериным, а сатанинским взглядом.

– Даже не знаю, что вам на это сказать! Я уже играю у Спивакова. Но этот маленький театр – пик моей жизни! И это вам про себя тут скажет любой – не только актёр, но и осветитель, гримёр, бухгалтер, администратор! Они сейчас там все собрались и смотрят в глаза директору, как вот эти собаки смотрят на вас! Они понимают, что он пургу несёт в телефон, но – смотрят. А знаете, почему? Потому, что маленький театр – это не просто мир, это – сон, который при пробуждении забывается, но который до слёз, до рыданий хочется вспомнить! Здесь всё нелепо, абсурдно, жалко, но – потрясающе! Здесь есть мистика. Закрывать маленький театр – это такое же преступление, как поджечь детскую больницу!

– Да что ты всё истеришь? – повторила Света, – я иду в

зал!

Скрипачка и офицер уставились на неё, как на полоумную. И она пошла в зал.

Там уже никто не кричал и не суетился. Лютая атмосфера кладбищенского прощания навела, точнее сказать – навеяла свой порядок. Скорая помощь уже уехала. Проинъекцированный Корней Митрофанович сидел в кресле, и, подперев голову рукой, смотрел на директора. Тот, действительно, говорил по мобильному, неподвижно стоя около сцены. И на него, действительно, все смотрели. И что-то очень похожее уловила Света во взглядах очень разных людей – во взгляде Никитина, который вот уже двадцать лет щедро отдавал этому маленькому театру всю свою омерзительность, и во взгляде Тамары, которую уже мало что интересовало, кроме завистливых обсуждений её персоны в этом маленьком театре, и во взгляде Кремнёва, который намеревался своим талантом прославить этот маленький театр, и во взглядах всех молодых актёров с актрисами, для которых этот маленький театр был первым в жизни, и, уж конечно, во взглядах двух пожилых актрис, для которых он был последним и окончательным, несмотря на их связи. Так же смотрели и остальные. Верка была права. Полностью права. И, когда директор под сдавленные рыдания Вероники опустил телефон, из самого дальнего угла зала раздался голос:

– Я знаю текст.

– Всё это – из-за меня! – завизжала Соня, – я прокля-

та! Меня проклял Бог! Я всем приношу беду! Убейте меня, убейте!

Девчонки бросились к ней. Но поколебать Соню в мысли, что она проклята, было очень непростым делом, а главное – оскорбительным для неё. Светлана Петровна дала бутылку воды. Когда Соня смолкла, забулькав, директор очень внимательно поглядел на Свету.

– Что ты сказала?

– Дура ты, Сонька! – внезапно лопнули нервы и у Волненко, – всем тут сейчас не до твоей грёбаной менструации! Неужели тебе это непонятно?

– Сука, заткнись! – выплюнула Соня целый стакан воды, – зачем ты это сказала?

– Я знаю текст, – повторила Света, подходя к сцене, – я была почти на всех репетициях. Я высокая. У меня маленькая грудь, спортивная задница и спортивные плечи. Пусть меня остригут под мальчика, и я буду играть Ромео.

Это слышали все. Эффект в первые секунды был очень странным. Никто никаких эмоций не проявил, кроме Вероники. Она закрыла ладонью рот. Корней Митрофанович посмотрел на Свету и на Карину. Потом спросил, обращаясь к первой:

– Ты знаешь текст?

– Я ведь вам сказала, что знаю! Я каждый день его повторяю. Я им живу. Корней Митрофанович! У нас ровно десять минут.

– Ирина! Татьяна! – позвал Корней Митрофанович. Две гримёрши, цокая шпильками, подошли. Корней Митрофанович указал им на Свету.

– Сделайте мне из неё Ромео. У нас другого выхода нет.

Карина заистерила. Ей велели заткнуться. Через десять минут Ромео вышел на сцену. Шум, который поднялся сразу после того, как Света ушла с гримёршами, оборвался. Повисла мёртвая тишина.

– ...! – вдребезги разбила её Тамара, – Джульетта на шестом месяце и Ромео с сиськами – это тянет на «Золотую маску»!

Глава четырнадцатая

Самой значительной трудностью оказались двух-трёхминутные поцелуи взасос с Кариной под трогательную музыку. Было очень смешно и очень противно. В жарких лучах софитов Карина, только что исполнявшая очень сложные танцевальные номера, потела неимоверно. В конце последнего поцелуя Света, желая над нею поиздеваться, высунула язык. Карина его куснула и пробубнила матерное ругательство.

Первый акт сорвал весьма неплохие аплодисменты. В гримёрке Свету начали с визгом тискать и целовать. Карина к ней приложилась менее страстно, чем четверть часа назад. И больно дала по заднице.

– Вот тебе за язык! Меня чуть не вырвало!

– А мне было очень приятно, – сказала Света, – жаль, что Корней Митрофанович ограничил ласки между двумя главными героями! Мы могли бы разбавить всеобщее извращенство нормальным традиционным сексом.

– Какой красивый будет у меня зять! – визжала Тамара, хватая Свету за грудь, – ого! А что это у тебя, змеёныш Монтекки? Ты зачем сиськи населиконил? Решил прикинуться девкой, чтоб отвертеться от свадьбы с моей Джульеттой?

Ася, присоединившись к этому возмущению, дала Свете коленкой в область мужской чувствительности, и Света ста-

ла орать, что ей очень больно. Волненко, Эля, Даша и Соня ржали, как целых три табуна. Тут влетел Корней Митрофанович. Стиснув Свету в объятиях, он шепнул ей в ухо:

– Отлично! Лучше не может быть! Эта роль – твоя! Не только сегодня. Ясно?

И убежал. Анька заперла за ним дверь. Из фойе звучал большой блестящий полонез Генрика Венявского для скрипки и фортепьяно. Маринка с Веркой играли просто великолепно. Им аплодировали.

– А где министр сидит? – поинтересовалась Света, когда все малость утихомирились и уселись.

– Лучше тебе об этом не знать, – сказала Тамара, чиркая зажигалкой, – ты разволнуешься.

– Ну, скажи!

– Да в первом ряду, чуть ближе к левому краю.

– А как он выглядит?

– Как дебил! Казённая морда, очки, костюмчик.

– Он на меня всё время смотрел! – взревела Волненко, – честное слово, девочки! На меня!

– Могла бы не говорить, – усмехнулась Эля, – никто другого не ждал. Но если серьёзно, он постоянно смотрел на Соньку. Глаз с неё не сводил.

Соня, побелев, схватилась за сердце.

– Что? На меня?

Актрисы опять покатались со смеху.

– Шутки в сторону, – предложила Тамара, первая успоко-

ившись и призвав остальных к серьёзности, – Светка! Один совет. Не слишком дави на мужиковатость. Ты иногда сбиваешься на банальный наигрыш.

– Да, – подтвердила Анька, – точно, сбиваешься! Ну, а в целом – всё хорошо.

– Да это тебе хорошо, ты с нею ни разу не обнималась! – взвыла Карина, – а у меня до сих пор все кости болят! Светочка, ты можешь меня чуть-чуть понежнее тискать?

– Ласковым должен быть язычок, объятия – страстными, – заявила Волненко. Карина предупредила, что в этом случае Света пойдёт домой сегодня без языка, а Анька – с набитой мордой. В дверь раза три стучали. Девочки отвечали, что они голые.

Во втором отделении дело шло уже не так гладко. Перехватив взгляд министра, да к тому же вспомнив о том, что в зале проходит видеосъёмка, Света стала сбиваться на наигрыш регулярно. Во время шпажной драки с Тибальдом она, забывшись, взвизгнула по-девчоночьи. На галёрке раздался смех. К счастью, Янушевский всё это сгладил, проиграв бой весьма убедительно. Под конец спектакля Света устала невероятно. От пота всё на ней было мокрым, хоть выжимай. Она уже очень плохо соображала, что говорит и что делает. Тем не менее, после финальной фразы, произнесённой Юрием Серафимовичем: «Но повесть о Ромео и Джульетте останется печальнейшей на свете!» секундная тишина в зале взорвалась неистовой бурей аплодисментов. Они были оглуши-

тельны.

Вспыхнул свет. У сцены защёлкали фотоаппараты. Ова- ции почему-то напомнили Свете треск ломающихся дере- вьев. Она почти ничего не видела – на глаза тёк пот, и всё расплывалось. Под крики «Браво!» и «Молодцы!» она сует- ливо дёргала головой.

– Да поклонись, дура! – крикнула Анька, стоявшая рядом с нею. Тут только Света сообразила, что эти крики не ей одной адресованы. Для чего-то взявшись за шпагу – навер- ное, для того, чтобы не болталась без дела хотя бы одна ру- ка, она стала кланяться. А потом понесли цветы. При этом рукоплескания не стихали. Наоборот! Актёрам дарили крас- ные розы, актрисам – белые. Свете выдали красные. Анька с Сонькой подняли её на смех, однако тотчас умолкли, по- скольку той, над кем они потешались, был поднесён ещё один букет – белый. Вручил его ей министр.

– Спасибо вам, – бормотала Света, тиская шуршащую упаковку, – я очень вам благодарна...

– Вы – просто умничка! – прокричал министр, чтоб быть услышанным ею сквозь продолжавшиеся аплодисменты. И, подняв руки, зааплодировал персонально ей. Она не нашла ничего умнее, чем сесть на корточки и сказать ему на ухо:

– Извините, я накосячила!

– Всё чудесно!

Когда овации смолкли, на сцену бодро взошёл Корней Митрофанович. В тишине, прерываемой только щёлканьем

фотокамер, он поблагодарил актёров, прочих сотрудников театра и руководство страны. На этом последнем пункте он разошёлся и, кажется, позабыл сказать лишь о том, что Шекспир пил с Путиным чай, когда ему в голову пришёл замысел величайшей трагедии про влюблённых. Целый абзац трёхминутной речи был посвящён министру. Тот ещё раз поднялся, пожал оратору руку и опять сел. Потом слово взял Никитин. Он выразил восхищение режиссёру и преподнёс ему в дар от всего коллектива театра полное собрание сочинений Шекспира в восьми томах. Корней Митрофанович ответил лишь одним словом. Передав книги Маринке, которая под их тяжестью закачалась, он всех позвал на банкет.

Однако, как вскоре узнала Света, это любезное приглашение большинства актёров и рядовых сотрудников не касалось. Им предложили попить в буфете или в гримёрках. Места в репетиционном зале предназначались администрации, сотрудникам Министерства культуры, критикам, режиссёрам и дорогим гостям с большими погонами. Были приглашены туда и прославленные актёры театра, в том числе Елена Штипенко и Коля Малкин, к «Ромке и Юльке» касательства не имевшие. После сдачи костюмов и реквизита Карина сразу ушла, сославшись на занятость. Попыталась уйти и Света, которую ждал Мюрат. Но Тамара, оставшаяся с молодняком, хоть её и звали наверх, схватила разгримированного Ромео за руку.

– Стой! Куда? Ведь ты – наша главная героиня! Да и спек-

такль ещё не кончился.

– То есть как? – удивилась Света. Но в этот миг Штипенко зачем-то подозвала Тамару, и тайна так за семью печатями и осталась.

Молодняк сдвинул в буфете восемь столов и заказал пиццу. Её привезли минут через тридцать. Алкоголь был. Артур попытался не допустить контакта Тамары с дешёвым греческим коньяком, но встретил сопротивление. Первый тост был за Свету. Второй – за то, чтоб все наверху подавились устрицами и чёрной икрой. А потом Артур взял гитару, и, пересев на стул у буфетной стойки, тоскливо грянул испанщину.

– Тамара, откуда им привезли бухло и жратву? – спросил Янушевский.

– Да из «Европлазы», – проговорила Тамара с набитым ртом, – и официанты оттуда. Кремнёв, урод, даже не спускается! Светка! Когда тебя туда позовут, дай ему в мурло от моего имени.

– Меня туда позовут? – изумилась Света, – зачем?

– Вот странный вопрос! Ты нас всех спасла. Корней Митрофанович хотел сразу тебя с собой потащить, но министр сказал, что лучше – потом, когда переговорят на важные темы.

– Вот анекдот так уж анекдот! – заржала Волненко, – конечно, чтоб разговор на важные темы происходил достойно и чтоб потом ни один секрет не уплыл, надо пригласить на

него Тамару! Странно, что Соню не пригласили.

– Сука, заткнись! – огрызнулась Соня, – зачем ты это сказала?

– Она сказала чистую правду, – проворковала Тамара, бросив по сторонам лисий взгляд, – мой язычок может на творить бед. Он может даже из Атабекова сделать чёрта!

Этого поворота не ожидали. Щуплый, чуть что краснеющий Атабеков, сидевший рядом с Тамарой, затрепыхался в её руках, как птичка в ловушке. Ему на выручку поспешили Анька и Ася. Первая, стиснув руки Тамары, что-то ей зашептала, дёргая головой в сторону Артура, вторая быстро перетащила птичку к себе и стала её отпаивать тоником. Атабеков был весь в помаде. Ася его протёрла салфеточкой. Выпили ещё раз, уже без Артура. Он отказался и продолжал играть. Эльвира склонила свою прекрасную чернокудрую голову на плечо Капитонова. Он дал волю рукам. Она засмеялась. Дашка, чтоб позлить Лёшку, который, впрочем, отсутствовал, но имел надёжных осведомителей, стала щекотать Янушевского. Тот, однако, был слишком занят едой или хотел завтра просить у Лёшки взаймы, поэтому отбивался. Ася и Коля весьма активно общались.

После четвёртой рюмки Марат, пожаловавшись на простатит, поднялся и вышел. Тамара, хищно прищурившись, сняла туфли и тихо выскользнула за ним. Когда дверь за нею закрылась, Эля обратилась к Артуру, который строчил величественные пассажи по всему грифу и бил аккорды:

– Артур!

– Ну, что?

– Тамара ушла с Маратом.

– И что?

– Она ушла босиком, чтоб ты не услышал. А у него простатит в очень ранней стадии!

– Нашла время палить Тамару! – вскричала Анька, – знаешь, как спасти девушку от группового изнасилования неграми? Надо бросить им баскетбольный мяч. Если у Артура в руках гитара – ты хоть пожар устрой, он не сдвинется!

Марат вскоре вернулся.

– А где Тамара? – спросили у него хором человек пять.

– Так она пошла на второй этаж!

– Босиком? – удивилась Даша.

– Кажется, да. Верка, говорит, там тусуется, Кремнёв там, телевизионщики там, мы с Веркой покажем номер!

– Ну а Кремнёв здесь при чём? – не поняла Соня.

– А это ты у неё спроси.

– Я пойду за ней, – произнёс Артур, с досадой кладя гитару на стойку. Но не успел он подняться, как с лестницы вдруг донёсся истошный визг, а вслед за ним – грохот. Визг, несомненно, принадлежал Тамаре.

– Кажется, номер уже идёт, – сказал Атабеков. Все поднялись и бросились к двери. Та вдруг открылась. Вошёл министр. Он нёс на руках Тамару. Она болтала ногами в чёрных колготках и улыбалась, обняв министра за шею. В две-

рях стояли упитанный молодой человек с капризным лицом и два офицера.

– Что ж вы такую красавицу отпустили? – ласково укорил актёров министр, усаживая Тамару на стул, – если бы она сломала свою прекрасную ножку, кто бы нам танцевал сегодня под скрипочку?

– Я немножко упала с лестницы, – объяснила Тамара, глядя в часто моргающие глаза Артура. Потом она окинула взглядом всех остальных и гордо хихикнула, – я пошла спросить у Владимира Ростиславовича, может ли наш новый Ромео подняться в зал. Господин министр сказал, что сам к нему спустится. То есть, к ней! Я правильно говорю, Владимир Ростиславович?

– Совершенно правильно, Томочка, – подтвердил министр, глядя на Свету, – и я пришёл к вам, господа, с тем, чтобы сообщить приятнейшее известие. Мы желаем, чтоб вы приняли участие в нашем... то есть, конечно, в вашем банкете! Прошу пройти в репетиционный зал.

Артисты переглянулись. Света хотела полюбопытствовать, кто конкретно освободил места за столом в репетиционном зале – гаишники, прокуроры или районные депутаты, но в этот миг молодой человек с капризным лицом вошёл и спросил:

– Владимир Ростиславович, а могу я минут пять-десять поговорить с ними здесь?

– Да, Петенька, разумеется! Господа, представляю вам

Петра Александровича Ретюнского. Пётр Александрович – начинающий режиссёр и опытный критик с очень здравым подходом. Его статьи пользуются большой популярностью, и заслуженно.

С этими словами министр культуры захлопнул дверь перед офицерами и уселся за стол. Ретюнский к нему присоединился. Было позволено сесть актёрам. Те сели.

– Выпьете? – предложил Артур, взяв бутылку.

– Нет, нет, нет, нет! – отчаянно замахал руками министр, – ваш Корней Митрофанович незаметненько, незаметненько взял да сбил меня, сукин сын, со счёта бокалов! Надо знать меру. Я вас от всей души поздравляю с великолепной премьерой, однако это всё же не повод актуализировать анекдот про прачечную и Министерство культуры. Знаете его, да? Но вы не стесняйтесь, друзья мои, не стесняйтесь! Я ведь – ваш гость. Не больше того.

– Артур, наливай, – скомандовала Тамара. Артур наполнил все рюмки. Для этого пришлось вскрыть пятую бутылку. Выпили. Закусили.

– Петенька, говори, – предложил министр.

– Я, Владимир Ростиславович, почти рад, что вы меня сюда притащили, – затараторил опытный критик, уже давно проявлявший признаки нетерпения, – благодарен, что уломали. Признаться, я ожидал увидеть нечто банальное, из невзрачных полутонов, в духе Гинкаса, и вот – на тебе! Оказалось, есть на что посмотреть и что обсудить. Конечно, не

Товстоногов, не Вырыпаев и не Эфрос, но и не какой-нибудь там Някрошюс с его большими фантазиями...

– Нельзя ли немного медленней? – попросила Анька, закулив «Кент», – мне трудно следить за сутью. И, если можно, чуть-чуть поменьше фамилий. Я всех талантливых режиссёров помню только по именам.

Едва на неё взглянув, Пётр Александрович продолжал:

– Придумка с Ромео тянет на некий уровень. Я и сам пару лет назад, признаться, морочился с ключевой нетрадиционной фишкой в данном материале, но патриарх Алексей Второй не пришёл в восторг от моего замысла, а Джеймс Кэмерон мне потом рассказал, что он отказался от этой темы в «Титанике», потому что её могли назвать грубым ходом для привлечения зрительского внимания к фильму. Ну, а суть дела в том, что я собираюсь ставить спектакль на современную тему, по пьесе очень сильного автора...

– Да скажи уж прямо, что по своей, – перебил министр, – чего стесняться? Пьеса, действительно, весьма сильная, с двойным дном, притом очень крепким, патриотичным и актуальным!

– Ну, не совсем по своей, Владимир Ростиславович, я ведь под псевдонимом пишу! Но можно сказать, что да, по своей. Пьеса называется «Три свиньи». Намёк понимаете? Три свиньи, раскрашенные под американский флаг, решают сожрать Россию. Им противостоят лесные животные в триколорах. Концепцию понимаете? Это будет сильная вещь! Бе-

ру вашу труппу. Всю, кроме стариков. Площадка для репетиций – МХАТ, оплата – по четырнадцатому разряду, почасовая, гастрольный график расписан. Через полгода...

– На ... пошёл, – сказала Тамара. Все на неё уставились. Но лишь две пары глаз были удивлёнными. Соня грустно закрыла лицо руками. Встав со стула, Тамара заголосила:

– На ... пошёл отсюда, мурло! Ты какого ... зашёл в женскую гримёрку?

– Это буфет, – шепнула Волненко.

– Какого ... зашёл в буфет? Мало ещё морду наел? Кто тебя пустил в этот театр? Кто тебя сюда звал? Ты кто по профессии? Отвечай, ублюдок!

– Сантехник, – попробовал отшутиться друг патриарха и Кэмерона. Но у Тамары был к нему разговор серьёзный.

– Ну, так иди в говне ковыряйся и жри его, спермоглот! Конченный гандон! И чтобы я больше тебя в театре не видела! Пошёл на ...!

– Да это кто? – стукнул кулаком по столу Ретюнский.

– Это ведущая актриса нашего театра, – пожалала плечами Даша.

– На ... отсюда, мразь! – визжала Тамара, молотя пятками по линолеуму, – кому я сказала? На ...! В ...!

Все, кроме министра, делали вид, что очень хотят её успокоить. Министр на самом деле хотел. Он даже пытался. Какое там! Схватив критика, режиссёра и драматурга в одном лице за воротник смокинга, вспыхливая мамаша Джульет-

ты поволокла его к двери. Анька её любезно открыла, и бойкий спутник министра был одним пинком тонкой ножки вышвырнут за порог, к ногам двух сотрудников Федеральной Службы Охраны. Из репетиционного зала, тем временем, прибежало человек сорок. Они с большим удовольствием созерцали беснующуюся Тамару. Она была хороша. Корней Митрофанович рискнул к ней приблизиться и обнять. Она его укусила. Лена Штипенко, взяв её за руку, предложила ей спеть дуэтом. Было дано согласие. Когда все полсотни куплетов песни «Ты ж меня спидманула, ты ж меня спидвела» отзвучали и отгремели аплодисменты, последовали глубокие извинения. Их принёс Корней Митрофанович, но не критику – он уехал на белом «Ауди», а министру. Тот принял их и поцеловал руку утхомирившейся Тамары. Та изъявила желание танцевать стриптиз, что сразу и началось в репетиционном зале, на глазах полутора сотен очень солидных господ и дам, под Веркину скрипку. Верка играла Монти. Когда Тамара достигла изрядной степени обнажения и решила на этом не останавливаться, Маринка, Дашка и Эля к ней подбежали и увели её под руки. Успех был, мягко говоря, оглушительным. Публика умоляла повторить номер, и стриптизёрша была не против. Но её очень крепко держали. Девочки кое-как одели её, вызвали такси, помогли спуститься по лестнице.

– Сука, ты зачем нажралась? – спрашивал Артур, следуя за ними, – ты ведь отлично знаешь, что тебе пить нельзя!

Тамара молчала. Она уже ничего не соображала. Её впихнули в машину. Артур сел рядом. Их проводили аплодисментами.

А потом министр говорил тост. Он поблагодарил коллектив театра за очень сильный спектакль. При этом он подчеркнул, что сегодня произошли два ярких события: собственно говоря, премьера, и – неожиданное, чудесное появление новой сильной актрисы с блестящими перспективами.

– Это он про тебя, – шепнула Волненко на ухо Свете, не отрываясь от запечённого с сыром и чесноком осетра в лимонном соку, – ты хоть улыбнись, паскуда!

Свете пришлось не только сверкнуть зубами, но и подняться, поскольку зал разразился рукоплесканиями. Отвесив глупый поклон, она поспешила сесть.

– Ты много не жри, – бубнила Волненко, напихав в рот холодца и спаржи, – а главное, не пей много! Тебе ведь завтра работать – не только драить полы, но и репетировать! Впрочем, думаю, что уборщицей теперь будет другая девушка. Называть я её не буду.

– Сука, заткнись! – взвизгнула сидевшая слева Соня, – зачем ты так говоришь?

Трудно было Свете много не пить, ибо замечательные официанты в белых рубашках и чёрных бабочках наливали в бокалы «Шато Лафит» и «Мадам Клико, а ещё труднее было много не есть – ведь таких чудес, какие они ставили и ставили перед ней в фаянсе и хрустале, она отродясь не пробо-

вала! К тому же, сама Волненко, подобно всем остальным, тем только и занималась, что нажиралась. Произнёс тост директор. После него слово брали Никитин, Кремнёв, главная бухгалтерша, кадровичка, Штипенко, Малкин. Они рассказывали про Свету. Она уже не смущалась. Она смеялась, как ненормальная. Ей хотелось ещё. Всего. И побольше. Анька, тем временем, что-то шелестела ей в ухо. Решив понять, чего она хочет, Света сосредоточилась, и слова стали выделяться из галдежа и звона приборов:

– Видишь того плешивого толстяка в золотых очках? Ты знаешь, кто он такой? Это сам завлит из театра Вахтангова! А та вон ярко-рыжая баба рядом с министром – это действительно знаменитый критик! Её статьи печатают в «Театрале». Ой, погляди ещё вон на ту, которая между Элькой и Юрием Серафимовичем сидит – красивая, тёмненькая, на вилке селёдку держит! Знаешь, кто это? Сама Марина Брусникина, педагог по сценречи из Школы-студии МХАТ! Тамарка и Сонька знают её. Вот, кстати, она сейчас улыбнулась Соньке. Ай, твою мать! Смотри-ка, кто Аське дал прикурить! Это ж подполковник из УСБ МВД!

– Иди ты! – крикнула Света так, чтобы все оглохли. Едва ли это произошло, но, по крайней мере, все на неё взглянули. Анька ужасно перепугалась.

– Что ты орёшь?

– Да я вообще уже охренела! А ну, налейте мне водки! Кремнёв, ко мне!

И она вскочила, нечаянно опрокинув стул. Кремнёв подошёл к ней. Она дала ему в глаз. Он этого не заметил. Он был нетрезв. Сонька закричала, что она проклята, а Волненко вскочила и убежала. Света решила за ней погнаться. Её поймал Корней Митрофанович. Рядом с ним стояла сама Марина Брусникина.

– Ой, ты, Светик мой, семицветик! – прощebetала она, – что мы разбуянились?

– Танцевать! – заорала Света.

– Не нервничай. Сейчас будем все танцевать.

Света зарыдала. Включили танго – кажется, аргентинское. Танцевала она с Колей Атабековым. Он ей нравился, а она нравилась ему. Они целовались, выскользнув в коридор, где Малкин и ярко-рыжая критикесса давно уже перешли к следующему номеру индивидуальной программы. Баба рычала, нервно долбясь об стену огненной головой, а Малкин критиковал размер её жопы, покрытой сочным загаром. Дурной пример оказался для Атабекова заразительным, и он начал раздевать Свету. Но её ждал Мюрат. Втолкнув Кольку в зал, она побежала к лестнице. На площадке между пролётами Дашка, встав перед Капитоновым на колени, расстёгивала на нём штаны. Света ей хотела помочь, но её прогнали, неблагодарно обозвав дурой. Статный седой офицер успел попрощаться с нею, хотя она пролетела мимо как метеор, а он читал книгу.

Быстро идя по гулким, безлюдным улицам, Света весело

улыбалась скачущим звёздам и наступала в лужи. Нарочно. Лужи плескались, ботинки и джинсы пачкались. Где-то справа, неподалёку, бесилась взвинченная футбольная молодёжь.

– Россия, вперёд! – орала она, прыгая под музыку, грохотавшую из большого американского внедорожника, – смерть пиндосам!

Остановилась машина.

– Вас подвезти, мадам?

Света послала любезных мсье трёхэтажным матом. Но это были менты. Пришлось извиниться и объяснить, откуда она идёт и кем там работает вот уже несколько часов. Её отпустили.

От ледяного ночного ветра голова несколько прояснилась. Света очень сильно устала. Ей почему-то казалось, что чёрные громады домов вот-вот опрокинутся на неё. Мобильник в кармане защекотал бедро вибрирующим устройством. Света вынула телефон.

– Да, Ритка! Привет!

– Привет, – ответила Рита сквозь шум мотора, – ты там не спишь ещё?

– Ещё нет! Я иду с работы. А ты что, в машине едешь?

– Ну, да. Взяла напрокат «БМВ» и еду в Марсель. У вас в театре пьянка, что ли, была?

– Конечно! Сегодня прошла премьера. Прикинь, Карина упала в обморок! Кстати, знаешь, что я нашла у неё? Таблетки, которые нам продавал сосед! Ну, Андрей Ильич! Пом-

нишь?

Рита ответила утвердительно. Потом щёлкнула зажигалкой.

– Да, интересно. Теперь ты всё поняла?

– Вообще ничего! А что я должна понять?

– Когда ты сказала девочкам, что живёшь с любовницей Хордаковского в доме самоубийц, у них возникла идея воспользоваться моей протекцией, чтобы получить роли в хороших фильмах. Так?

– Так.

– Карина решила этому воспрепятствовать, вынудив тебя поменять квартиру. Зная о привидении, которое околачивается по дому и звонит в двери, она исследовала подъезд, спелась с этим дедом, который, кстати, тот ещё извращенец, и стала тебя запугивать, надевая разные маски. Она брала их в театре. Звонит в дверь, ты спрашиваешь, кто там, она говорит: «Мне Свету!», ты открываешь дверь, она сразу прячется за соседней. Придя к нам на новоселье, Волненко увидела её в маске Смерти. Она специально не спряталась, зная Анькину трусоватость. Только после того, как та на площадку грохнулась кверху жопой, Карина нырнула к деду.

– Да что за бред? – возразила Света, – Волненко – не из трусливых!

Ей было слышно, как в «БМВ» ворвался шум транспортного потока.

– Ты опустила стекло?

– Ага. Здесь – плюс двадцать. Анька, скорее, не из доверчивых. Она материалистка. Гонора у неё – с избытком, но не отваги. Такие люди очень легко ломаются. И, столкнувшись с необъяснимым, она сломалась. Ты помнишь?

– Помню.

– Уже весной я эту суку поймала. Той ночью мы, вернувшись из кабака сильно на рогах, не заперли дверь. Я сразу её открыла и ухватила твою подругу за шиворот. Она тут же во всём призналась.

– А почему ты мне не сказала?

– Я её пожалела из-за беременности. Она меня попросила не говорить тебе ничего, поклявшись, что больше так поступать не будет. Но, когда я была в больнице, она к тебе ещё раз наведалась.

– Да, наведалась, – подтвердила Света, входя во двор, – у меня в ту ночь была Сонька. Но как же так? Я была уверена в том, что ко мне приходит Джульетта!

– Это неудивительно. Её голос, хотя и несколько изменённый, вызывал у тебя в подкорке мысль о Джульетте. Ты ведь ходила на репетиции.

– Обалдеть! Так значит, я – дура?

– Да.

– Риточка! Когда ты приедешь?

– В пятницу. Всё, давай! У меня мобильник садится.

Медленно поднимаясь по крутой лестнице, Света думала, что случится с нею, если она сейчас увидит Джульетту. Не ту,

про которую только что говорила Рита, а настоящую. Несомненно, её постигнет безумие!

Полумрак. Сквозняк. Блеск перил. Шаги. Но это – её шаги. Точнее, их отзвуки с этажей. По окну расплылся, как молоко, дрожащий от ветра, белый свет фонаря. Он острым углом наползал на лестницу. Именно наползал, хоть был поступательно неподвижен. Света уже не верила ни во что. Мало ли, что кажется!

Вставив ключ, она резко повернула его. Щелчок не раздался. Замок был взломан. Света открыла дверь и вошла. Везде горел свет. Всё было вверх дном. Идя по своим и Риткиным платьям, валявшимся на полу, Света позвала:

– Котёнок, котёнок!

Мюрат не отреагировал. Она стала его искать. И вскоре нашла. По следу. Кровавый след вёл под шкаф. Под тот самый шкаф, к дну которого они вместе приклеивали какую-то дребедень. Встав на четвереньки, Света достала пушистый рыжий комочек с полубезумным от боли взглядом. Он не мяукал. Он тяжело дышал, сжимаясь, как проткнутый паучок.

Пальцы Светы слиплись от крови. Разодрав ими чистую простыню, она как смогла перебинтовала крошечного героя и прошептала:

– Ты, мой дружок, меня защищал! Ты не испугался! Я этих сук разрежу на очень мелкие части.

И, взяв мобильник, она нашла в нём номер Скорой ветеринарной помощи.

Эпилог

Катя была не очень красивой девушкой. У неё не было возможности покупать себе фирменные вещи и дорогую косметику, потому что она, учась в институте, жила одна и ни от кого не имела помощи. Зарабатывала она репетиторством и реализацией парфюмерии. И то, и другое требовало немалой отдачи. Но Катя всё-таки находила время, чтобы исполнять некоторые служения в протестантской церкви, посещать воскресные службы и помогать бездомным животным.

То июньское утро было свободным. Катя жила в Дзержинском, рядом с карьером. К четырнадцати часам её ждал мальчишка, которого она натаскивала по английскому языку. Погода была отличная – восемнадцать градусов, солнце, так что вопроса, как убить время до двух часов, не возникло. Позавтракав бутербродом и положив в сумку Библию, Катя вышла. Кажется, ещё не было и восьми, Однако на лавочке у подъезда уже сидели две старушечки. Катя вежливо поздоровалась. Ей ответили весьма сдержанно. Удалившись шагов на десять, она услышала, как одна сдержанная дама заметила:

– Вот опять пошла, чёртова сектантка, людей мутить!

– И не говори, – вздохнула другая, – вконец они одолели, жида проклятые! Сталина на них нету.

Катя остановилась и повернулась.

– Сталин и ваши храмы взрывал.

Старухи заверещали, утратив сдержанность. Они вспомнили, что при Сталине были низкие цены. Под вопли про колбасу и врагов народа Катя свернула за угол, перешла дорогу и углубилась в сосны. За ними ярко синело озеро. Катя очень сильно бы удивилась, увидев на берегу ранним понедельничным утром больше пяти-шести человек. Увидела она двух. Всего только двух. Однако, её шаги к берегу замедлились. Эти два человека были красивыми девушками. И даже, можно сказать, не просто красивыми, а весьма и весьма красивыми. По крайней мере, фигуристыми. И голыми. Абсолютно. Они лежали ничком у самой воды и, казалось, спали. Их вещи лежали рядом.

Катя остановилась среди ближайших к берегу сосен. Она не знала, как поступить. Смущать голых девушек, обозначив своё присутствие, было ей неудобно. Однако, не обозначить его можно было только не выходя из сосен, а ей хотелось гулять по берегу. Кроме этого, ей не меньше хотелось поговорить с двумя очень странными незнакомками. И она направилась к ним. Одна из них оказалась светленькой, а другая – брюнеткой. Брюнетка была чуть ниже, чуть тоньше. Обе они, как выяснилось, не спали – едва слышав шаги, немножко приподнялись с упором на локти и поглядели на Катю с недоумением, будто та вошла к ним в квартиру. Лица у них также оказались вполне себе ничего.

– Добрый день, – промолвила Катя, остановившись, – точнее, доброе утро! Я не хочу вам мешать, но я здесь довольно часто гуляю.

– Ну и гуляй, – сказала брюнетка, нос у которой был аристократичнее, глаза – злее, губы – капризнее, – на дороге, что ли, лежим?

– Конечно, не на дороге, – с готовностью согласилась Катя, – Но я-то вам точно не помешаю своей прогулкой по берегу?

– Да, уж лучше бы ты слилась! Но ведь мы тебе приказать не можем.

Эти слова также принадлежали брюнетке. Её подруга прибавила:

– Да гуляй! Всё равно мы скоро уйдём.

– Уйдёте? Ой, жалко, – вздохнула Катя, – мне так хотелось с вами поговорить!

Девушки, казалось, не удивились.

– Поговорить? О чём? – спросила брюнетка, согнув в колене левую ногу, чтоб смахнуть с пятки какое-то насекомое.

– Обо всём. Вы мне интересны.

Этот ответ девушек вполне удовлетворил. Они согласились. Сразу сев на песок, Катя назвала своё имя. Две незнакомки также представились. Светловолосую звали Света, брюнетку – Рита.

– А вы всегда так рано встаёте? – задала Катя первый вопрос.

– Мы ещё не встали, – был ответ Риты.

– Вы ночевали здесь?

– Нет, не здесь. Мы пришли сюда в семь часов, разделись и легли спать. Но ты нам уснуть не дала.

– Давай ей расскажем всё по порядку для экономии времени, – предложила Света. Поскольку Рита не возражала, её подруга продолжила, – вот за этим озером и за лесом, но ближе к Люберцам, есть коттеджный посёлок. Мы там немножко были в гостях. Под утро нас выгнали.

– Немножко были в гостях? – улыбнулась Катя, которой очень понравилась эта фраза, – я его знаю, этот коттеджный посёлочек. Там живут богачи.

– Что правда, то правда.

– Вы проститутки?

– Типа того, – зевая, сказала Рита, – в Бога не верим, говорю сразу. По крайней мере, я – точно. Ещё вопросы имеются?

– Да, конечно. Где вы живёте?

– В Москве, на Сходненской.

– Ой! Лодочную улицу знаете? У меня там тётя живёт.

– Ты знаешь? – спросила Рита у Светы. Та помахала чёлочкой.

– Мы не так давно переехали, да и не на Сходненскую совсем. Это была шуточка. Почему тебе интересно, где мы живём? Хочешь напроситься? Не выйдет.

– Нет. Я, наоборот, хочу пригласить вас в гости к себе, –

ответила Катя. Две её собеседницы удивились.

– В гости к себе? – задумчиво помахала Рита ногами, – а на черта мы тебе сдались? Ты что, содомитка?

– Если бы я даже и была таковой, у меня бы вряд ли хватило денег, чтоб расплатиться с вами. Я вас хочу пригласить к себе просто так.

– А где ты живёшь?

– Это не имеет значения. Важно то, где мой дом. А мой дом – на небе.

– Да она хочет нас замочить! – всполошилась Света, – бежим отсюда!

– Ты гонишь, – хмыкнула Рита, – она – сектантка, как твоя Сонька. Ты из баптистской церкви?

Катя кивнула. Солнышко, поднимаясь, пекло всё жарче, вода синела в знойном и душном мареве всё пленительнее. Однако, на берегу никто почему-то не появлялся.

– Я хорошо отношусь к баптистам, – сказала Света, – они прикольные. Я приду к тебе в гости. Но не сейчас.

– Да, лет через пятьдесят, когда сил грешить уже не останется, ты, возможно, вспомнишь о Боге, – пустила Катя заезженную пластинку, – но это – очень опасный план.

Света не дала ей договорить.

– Любой план опасен, если он стоит дороже ломаного гроша. Я знаю, что ты мне скажешь – начнёшь с булгаковских слов, что человек смертен и даже внезапно смертен, и перейдёшь к тому, что без покаяния и осмысленного крещения

во имя Иисуса Христа умирать нельзя, иначе попадёшь в ад. Я всё это слышала много раз. У меня подруга – харизматическая баптистка, изгнанная из церкви. Однако, есть одно «но».

– Какое? – с живостью поинтересовалась Катя.

– Господь мне дал большую любовь. Ты, несомненно, можешь сказать, что дьявол мне её дал, но я не поверю. Эта любовь мне не позволяет принять твоё предложение стать овцой.

Катя улыбнулась.

– Мне почему-то кажется, что ты путаешь любовь с похотью.

– Видишь – я не ошиблась, когда сказала, что ты всё свалишь на дьявола! Я ведь знаю твои шаблоны. Нет, это ложное впечатление. Я люблю того, кого никогда не хотела, да и хотеть не могла. Ты можешь не верить, однако именно так и обстоит дело.

– И я могу это подтвердить, – прибавила Рита. Катя задумалась.

– Понимаю. Кто-то болеет, и вы хотите ему помочь. Для этого нужны деньги. Правильно?

– Нет, для этого нужна кровь, – ответила Света, – океан крови. Кровью должно быть залито всё. Тогда будет всепрощение.

– Нет, не будет! Бог ничего такого не обещал. Тем более, через искупление. Искупить ничего нельзя.

– Вот это мне нравится, – заявила Рита и потянулась к юбке, лежавшей рядом, – дай мне свой телефончик.

Катя продиктовала номер. Достав из юбки мобильник, Рита внесла этот номер в базу.

– Да ничего хорошего, – проворчала Света, – сейчас она тебе скажет: «Да, искупить ничего нельзя, поскольку кровь Иисуса всё искупила!» Элементарная двухходовка.

– Я не попала на эту удочку, – возразила Рита, убрав мобильник, – мне понравилось то, что нет всепрощения. Ведь его действительно нет, несмотря на кровь Иисуса.

– Именно так, – подтвердила Катя, – ведь для того, чтобы быть прощённым, надо покаяться и признать Иисуса Господом и Спасителем. Это сделают далеко не все. Кстати, почему вы лежите голые? Сейчас жарко, но в семь часов, по-моему, было холодно!

– Было жарко, – сказала Рита, – мы очень быстро бежали. Купол церквушки, которая высилась на холме, среди корабельных сосен, вдавливался в небесную синь тяжёлым золотым блеском. Из леса вышли два парня лет по шестнадцать. Поглядев круглыми глазами на голых девушек, они сами разделись – но до трусов, и полезли в воду.

– Трудно представить, что вас могло напугать, – произнесла Катя, – у вас, мне кажется, нервы крепкие.

– У меня – не очень, – призналась Света, – у Ритки – крепкие. Ей их периодически укрепляют тяжёлыми препаратами.

– Любопытно! На добровольной основе?

– Фиг там, – сказала Рита, хлопнув себя по попе, – руки заламывают и колют! Но из Марселя в Париж – прямая дорога. Я с неё не сойду. Вот переплыть море – это проблема. Но не смертельная.

Катя очень внимательно посмотрела в её глаза. Они были чёрные, со слегка расширенными зрачками.

– А ты сама-то чем занимаешься? – поинтересовалась Света.

– Учусь. Работаю. Проповедую.

– Жених есть?

– Пока ещё нет, – ответила Катя, встав и стряхивая песок с постиранных накануне брюк. Ей было уже пора.

– Спасибо, что подошла, – улыбнулась Рита, – мы будем тебе звонить.

– Спасибо, что не прогнали.

Народу на берегу прибавлялось. Позагорав ещё некоторое время, Рита и Света встали, ополоснулись, оделись, не обращая внимания на хихиканье справа и вопли слева, и побрели через лес к шоссе. Запах сосен, скрипевших на ветерке, хотелось забрать с собой навсегда.

– А вот и маршрутка! – крикнула Рита, издали увидев микроавтобус, остановившийся подобрать пассажиров, – бежим, успеем!

Успели. Сели. Микроавтобус тронулся.

– Сколько стоит проезд на этой маршрутке? – спросила Света водителя.

– Семь рублей.

– А туберкулёзницам скидки есть?

Водитель невежливо промолчал. Пассажиры к Свете с её подругой сильно приглядываться не стали. Пришлось платить. Маршрутка летела под девяносто. Слева мелькали дома, а справа – просторы какой-то невзрачной местности.

– Мы ведь едем к Москве? – встревоженно поинтересовалась Рита спустя несколько минут.

– Нет, к станции «Люберцы», – сказал кто-то.

В кабине играл шансон. Об стекло в истерике билась муха. Давящее молчание Светы Риту взбесило.

– Дура! Что ты молчишь? Я в чём виновата?

– Никто тебя ни в чём не винит. Психушка – не санаторий. Там из любого сделают идиота.

В сортир на станции была очередь. Две подруги решили воспользоваться кустами. Из них они вдруг увидели останавливающийся поезд. Натягивая трусы, ринулись по лестнице на платформу. Еле успели. Заняв места у окна, поинтересовались, куда идёт электричка.

– В Рязань, – ответили им. Поезд уже ехал. Света смеялась.

– Мы до Китая так доберёмся, – вздохнула Рита.

– Это судьба, – ответила Света, – но всё равно на следующей сойдём.

Но перехитрить судьбу им не удалось, поскольку они уснули. За Воскресенском их разбудили два контролёра, напоми-

навших лицами, ростом и поведением двух горилл. Скандал вышел страшный. Взять с безбилетниц штраф гориллам не удалось бы даже и вчетвером, и они их высадили.

– По-моему, там есть речка, – поднялась Света на цыпочки у билетных касс, глядя вдаль, за поле и заросли, – искомпаемся?

– Да, пожалуй! Адское пекло.

Сойдя с платформы, они разулись и босиком по сочной траве добрались до речки. Остановились.

– Я не полезу в эти кусты! – прохныкала Света, – и там крапива ещё! На воде кувшинки, значит – дно илистое! Пошли!

Рита предложила пройти вдоль берега, твёрдо выразив убеждённость в том, что не может речка по всей длине быть такая скверная. Света выразила согласие. Они шли километра два под трели кузнечиков, обливаясь потом в лучах палящего солнца. Береговые заросли становились гуще и гуще. Простор с обеих сторон реки открылся необозримый. Света безжалостно изводила свою подружку нытьём. Рита, стиснув зубы, молчала. Она смотрела вперёд. Там что-то виднелось. Света вдруг завизжала, согнув в колене правую ногу.

– Что ты орёшь? – повернулась Рита.

– Меня кто-то укусил!

– Куда?

– В ногу! Я наступила ногой на какую-то злую сволочь!

Присев на корточки позади ноющей подружки, Рита внима-

тельно осмотрела её конечность.

– Видимо, шмель.

– Нет, не шмель! Пчела!

– Если бы пчела, ты бы верещала на всю округу! Пошли.

Впереди – деревня какая-то.

– Да зачем нам деревня?

– Умоемся и попьём. А если там есть кафе, посидим до вечера.

Пошли дальше. Света хромала, внимательно глядя под ноги, чтобы вновь не стать жертвой какого-нибудь ничтожества. А её попутчица продолжала смотреть вперёд, напрягая зрение. С каждым шагом она всё более сомневалась в необходимости продолжать этот путь. Вдруг она застыла, различив надпись над распахнувшимися воротами, из которых выехал грузовик. По пыльной дороге он укатил вглубь полей. По другой дороге к воротам вели корову.

– Что мы стоим? – психанула Света.

– Пошли назад!

– Почему?

– Потому, что там – не деревня.

– А что там? Задница?

– Бойня.

Почти конец

(Продолжение – в романе «Кубыш-Неуклож» и пьесе

«Последняя битва Наполеона»)

Москва, 2014 – 2015 г.

Авторские права нотариально заверены.